

«РОССИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХОЛОКОСТА»
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР «ХОЛОКОСТ»
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА
ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ
(МЮНХЕН, ГЕРМАНИЯ)

**В отблеске «Хрустальной ночи»:
еврейская община Кёнигсберга,
преследование и спасение евреев Европы**

*Материалы 8-й Международной конференции
«Уроки Холокоста и современная Россия»*

Под ред. И.А. Альтмана, Юргена Царуски и К. Фефермана

Москва–Калининград, 2014

УДК 63.3(0)62
ББК 94(100) «1939/1945»
М94

«РОССИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА ХОЛОКОСТА»

И. А. Альтман (отв. редактор), А. Е. Гербер, Ю. А. Домбровский, Ю. И. Каннер,
Б. Н. Ковалев, Г. В. Костырченко, А. И. Круглов (Украина), Д. И. Полторак,
Е. С. Розенблат (Беларусь), Л. А. Терушкин (отв. секретарь), К. Феферман,
М. В. Шкаровский, д-р Арон Шнеер (Израиль)

М94В отблеске «Хрустальной ночи»: еврейская община Кёнигсберга, преследование и спасение евреев Европы // Материалы 8-й Международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия» /Под ред. И.А. Альтмана, Ю. Царуски и К. Фефермана – М., 2014. – 248 с.

ISBN 978-5-86109-089-0

В книге, авторами которой выступают ученые из 7 стран Европы, США, Японии и Израиля, представлен опыт осмысления событий «Хрустальной ночи», в т.ч. в Кёнигсберге (сейчас Калининград), как прелюдии массового уничтожения еврейского народа. Впервые показано отражение событий «Хрустальной ночи» в советской региональной прессе; приведены новые данные о позиции СССР в вопросе о транзите еврейских беженцев и реакции их на Холокост. На основе архивных документов раскрыты неизвестные факты биографии японского дипломата Чиуне Сугихара и его роль в спасении евреев.

Издание рассчитано на исследователей Второй мировой войны, сотрудников музеев, архивов и органов образования, преподавателей, студентов, школьников, организаторов поисковой работы.

The contributors to the book are academics from seven European countries as well as from the USA, Japan, and Israel. They analyse Kristallnacht, including the events in Königsberg (now Kaliningrad), as a prelude to the Final Solution and the Holocaust. For the first time readers will learn how the Soviet regional media reported the events of Kristallnacht. New facts also come to light about the role of the USSR in transporting Jewish refugees and the former's reaction to the Holocaust. Using archival documents, hitherto unknown details are revealed about the life of Japanese diplomat Chiune Sugihara and his role in helping Jews.

The collection is aimed at researchers of the Second World War, and those who work in museums, the archives, and the research field as well as the educational sector; teachers, students, and schoolchildren.

Подписано в печать 15.07.2014. Формат 90х60/16.

Усл. печ. л. 15,5. Тираж 500 экз.

**Издание осуществлено при содействии Фонда «Династия»
Серия издается при поддержке Российского еврейского конгресса**

© Научно-просветительный Центр
«Холокост», 2014

© Издательство «АПАРТ», художественное оформление, верстка, дизайн обложки, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ Contents

От редакторов	8
Note from the Editors	13

Приветствия Greetings

Александр Чубарьян (<i>Россия</i>) Alexander Chubar'yan (Russia)	18
---	----

Сергей Журавлев (<i>Россия</i>) Sergei Zhuravlev (Russia)	19
--	----

Александр Безбородов (<i>Россия</i>) Alexander Bezborodov (Russia)	20
---	----

Еврейская община Кёнигсберга: история и судьба Königsberg's Jewish Community: History and Fate

Илья Дементьев (<i>Россия</i>). Границы локальной перспективы: судьба еврейской общины Кёнигсберга в новейшей западной историографии.	23
---	----

И'ya Dement'ev (Russia). Borders of Local Perspective: The Fate of Königsberg's Jewish Community in Contemporary Western Historiography

Стефания Шюлер-Шпрингорум (<i>Германия</i>). Еврейская община Кёнигсберга, 1850–1933гг. Stephanie Schüler-Springorum (Germany). The Jewish Community of Königsberg, 1850–1933	33
--	----

Елена Воробьева (<i>Россия</i>). Еврейская община Кёнигсберга в 1933–1939гг.	50
Elena Vorob'eva (Russia). Königsberg's Jewish Community in 1933–1939	

«Хрустальная ночь»: история и последствия **Kristallnacht: Its History and Consequences**

- Майкл Беренбаум** (*США*). Общегерманский погром ноября 1938 г. «Хрустальная ночь»: конец начала, начало конца57
Michael Berenbaum (USA). The Reich Pogroms of November 1938 Known as Kristallnacht: The End of the Beginning, The Beginning of the End..... 69
- Алан Стайнвайс** (*США*). «Хрустальная ночь», 1938 год: история и память.
Alan E. Steinweis (USA). Kristallnacht, 1938: History and Memory 66
- Жоан Шапото** (*Франция*). 1938 год как поворотный пункт в нацистской антиеврейской политике.
Johann Chapoutot (France). 1938: A Turning Point in Nazi Anti-Jewish Policy..... 89
- Юрген Царуски** (*Германия*). Массовые аресты еврейских мужчин и их судьбы в нацистских концлагерях в рамках «Хрустальной ночи». 95
Jürgen Zarusky (Germany). Mass Arrests of Jewish Men and their Fates in Nazi Concentration Camps within the Framework of Kristallnacht
- Рут Лейзерович** (*Польша*). Отголоски «Хрустальной ночи» в провинциальных городах Восточной Пруссии.
Ruth Leiserowitz (Poland). Reverberations of Kristallnacht in the East Prussian Province Towns..... 104
- Инесса Двужильная** (*Беларусь*). «Хрустальная ночь» – первый шаг на пути исчезновения органной синагогальной музыки 114
Inessa Dvuzhylnaya (Belarus). Kristallnacht as the First Step on the Way to the Disappearance of Organ Music in the Synagogue

«Хрустальная ночь»: историография, источники, уроки **Kristallnacht: Historiography, Sources, Lessons**

Борис Хавкин (*Россия*). 9 ноября 1938 г. в германской истории: дата, событие, символ. 123

Boris Khavkin (Russia). 9 November in German History: Date, Event, Symbol

Маркус Рот (*Германия*). «Ночь разбитого стекла» как поворотный пункт в политике уничтожения евреев. Размышления Конрада Хейдена о ноябре 1938 года.

Markus Roth (Germany). The “Night of Broken Glass” as a Turning Point towards the Extermination of the Jews – Konrad Heiden's Reflections on November 1938. 132

Ольга Горских (*Россия*). Отражение событий «Хрустальной ночи» и ее последствий в сибирской и дальневосточной периодике. 138

Ol'ga Gorskikh (Russia). Reflection of the Kristallnacht and its Repercussions in Siberian Mass Media.

Татьяна Пасман (*Россия*). «Хрустальная ночь» в образовательных программах и учебниках России. 150

Tat'yana Pasman (Russia). Kristallnacht in Russia's Educational Programs and Textbooks.

Чиунэ Сугихара и спасение евреев Европы **Chiune Sugihara and the Rescue of European Jews**

Геннадий Костырченко (*Россия*). Биробиджан как несостоявшееся убежище европейских евреев (в свете трагедии «Хрустальной ночи»). 161

Gennady Kostyrchenko (Russia). Birobidzhan as a Failed Shelter for European Jews (in Light of the Kristallnacht Tragedy

Чизуко Такао (*Япония*). Япония и еврейские беженцы, 1938–1941 гг. 180

Chizuko Takao (Japan). Japan and Jewish Refugees, 1938–1941

Дэвид Вольф (*Япония*). Чиуне Сугихара и великий евразийский нейтралитет, 1939–1945 гг. 187
David Wolff (Japan). Chiune Sugihara and the Great Eurasian Neutrality of 1939–1945. 187

Илья Альтман (*Россия*). Чиунэ Сугихара и разрешение СССР на транзит в Японию еврейских беженцев. 197
Ilya Altman (Russia). Chiune Sugihara and the Soviet Permit To Transit Jewish Refugees through the USSR

Йохан Бекман (*Финляндия*). Чиунэ Сугихара и японская разведка в Финляндии в 30-е годы. 206
Johan Bäckman (Finland). Chiune Sugihara and Japanese intelligence in Finland in 1930^s.

Кирилл Феферман (*Израиль–Россия*). Отношение к спасению посредством виз в еврейских религиозных кругах в Литве, 1940–1941 гг. 216
Kiril Feferman (Israel–Russia). Attitudes towards Escape by Means of Visas in Rabbinical Circles in Lithuania, 1940–1941.

Татьяна Брускина (*Литва*). НКВД и изготовление фальшивых японских виз в 1940–1941 гг. в Литве. 225
Tat'yana Bruskina (Lithuania). The NKVD and the Making of False Japanese Visas in Lithuania, 1940–1941.

Сергей Шпагин (*Россия*). Спасение во время Холокоста: возможности спасаемых и спасающих. 232
Sergei Shpagin (Russia). Rescue during the Holocaust: Options of the Rescuers and the Rescued.

Круглый стол **Round table**

Андреа Лев (*Германия*). Центр по изучению Холокоста в Институте современной истории в Мюнхене.
Andrea Löw (Germany). The Center for Holocaust Studies at the Institute of Contemporary History, Munich 241

Сведения об авторах	
Note on contributors.....	246

От редакторов

Вы держите перед собой сборник работ, в основе которого лежат выступления на прошедшей 14–17 ноября 2013 г. в Калининграде Восьмой Международной научной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия». Конференция была приурочена к 75-летию «Хрустальной ночи». Ее организаторами выступили Научно-просветительный центр «Холокост» (Москва) и Институт современной истории (Мюнхен, Германия). Среди соорганизаторов конференции – Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, Институт Всеобщей истории (ИВИ) Российской академии наук (РАН), Институт Российской истории (ИРИ) РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Центр Визенталя (США), а также Университет Риккио (Япония). Конференция собрала более 60 ученых и педагогов из Беларуси, Германии, Израиля, Литвы, Молдовы, Польши, США, Украины, Финляндии, Франции, Эстонии, Японии, а также из 10 городов России. Открыл конференцию, которая проводилась в БФУ им. Канта, ректор университета, профессор А. П. Клемешев.

Место проведения конференции было выбрано не случайно. Кёнигсберг, как назывался Калининград до 1946 г., – единственный город на территории современной Российской Федерации, где в ноябре 1938 г. прошли события «Хрустальной ночи».

Сборник открывают приветствия участникам конференции, которые направили директор ИВИ РАН, академик А.В. Чубарьян, зам. директора ИРИ РАН С.В. Журавлев, проректор РГГУ А.Б. Безбородов.

Первый раздел книги посвящен истории и судьбе еврейской общины Кёнигсберга. Доцент Института гуманитарных наук БФУ им. Иммануила Канта Илья Олегович Дементьев (Калининград, Россия), рассмотрев отражение истории еврейской общины Кёнигсберга в новейшей западной историографии, поставил вопрос о «границах локальной перспективы» в региональных исследованиях и взаимовлиянии историков разных стран на выбор объекта исследований. Центральное место в этом разделе занимает статья директора Центра изучения антисемитизма д-ра Стефании Шюлер-Шпрингоум (Технический университет, Берлин, Германия), автора фундаментальной монографии по теме, посвя-

шенная судьбе еврейской общины Кёнигсберга до прихода нацистов к власти. В статье сделан особый упор на вклад в развитие общины выходцев из России, а также освещен гендерный аспект вопроса. Студентка 5 курса БФУ им. И. Канта Е.В. Воробьева (Калининград, Россия) проследила судьбу евреев Кёнигсберга после прихода нацистов к власти и до депортации евреев города в лагерь смерти летом 1942 г.

Раздел «Хрустальная ночь»: история и последствия» открывается концептуальной статьей почетного гостя конференции, одного из самых известных исследователей темы Холокоста, профессора Лос-Анджелесовского института иудаизма (США) Майкла Беренбаума, в недавнем прошлом одного из руководителей Американского музея Холокоста США в Вашингтоне и Фонда исторических видеосвидетельств «Шоа», известного как Фонд Стивена Спилберга. В ней рассматриваются вопросы истоков и последствий «Хрустальной ночи» как пролога Холокоста. Особое внимание автором уделено изучению реакции на «Хрустальную ночь» в США.

Профессор Алан Стейнвайз (Вермонтский университет, США), ведущий эксперт по данной теме и автор недавно вышедшей книги «Хрустальная ночь, 1938», подробно останавливается на исторической подоплеке погрома, его организаторах и реакции на него немецкого общества. По его мнению, «Хрустальная ночь» не может рассматриваться как заранее спланированная акция на пути к «окончательному решению еврейского вопроса»; она занимала особое место в практике нацистов по поиску «внутреннего врага».

В статье профессора Йоана Шапуто (Университет Гренобля, Франция) проанализированы малоизученные международные аспекты этого всегерманского погрома и его предпосылок. Автор также рассматривает вопрос восприятия убийства немецкого дипломата и его последствий разными слоями французского общества.

Ведущий сотрудник Института современной истории д-р Юрген Царуски (Мюнхен, Германия) анализирует немецкую политику ареста и интернирования мужчин-евреев в концлагеря в Германии с момента приходов нацистов к власти и их дальнейшую судьбу. На основе статистики смертей еврейских узников в этих

лагерях автор приходит к выводу, что реальных жертв «Хрустальной ночи» было гораздо больше, чем принято считать.

Заместитель директора Германского исторического института в Варшаве д-р Рут Лейзерович в своей статье «Отголоски Хрустальной ночи в провинциальных городах Восточной Пруссии» впервые затронула историю погромов в этом регионе, опираясь на методы устной истории и анализа мемуаров очевидцев.

Доцент Гродненского государственного университета Инесса Федоровна Двужильная (Беларусь) построила свою статью на стыке истории и музыковедения. Проследив не только ход погромов в синагогах, но и судьбы многих известных немецких музыкантов-евреев, она убедительно доказала, что «Хрустальная ночь» стала первым шагом на пути исчезновения органной синагогальной музыки.

В разделе «Хрустальная ночь»: историография, источники, уроки» редактор журнала «Новая и новейшая история», профессор РГГУ Борис Львович Хавкин (Москва, Россия) рассматривает значение 9 ноября как особой даты в германской истории. На основе немецкой историографии в статье проанализированы современное состояние и перспективы изучения этой темы.

Профессор Маркус Рот, заместитель директора Центра по изучению литературы о Холокосте (Университет им. Юстуса Либига, Гиссен, Германия), анализирует размышления очевидца погромов Конрада Хейдена как одну из первых попыток публицистического осмысления этих событий.

Доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники Ольга Владимировна Горских (Россия) проанализировала отклики на события «Хрустальной ночи» в дальневосточной и сибирской периодике конца 1938 – начала 1939 гг. Несомненно, что данное исследование может послужить важным направлением поиска информации о Холокосте в региональной советской прессе за 1933–1945 гг.

Сотрудник Псковского Центра развития образования Татьяна Борисовна Пасман (Россия) показывает, как тема «Хрустальной ночи» отражена (или может быть включена) в образовательные программы и учебники России.

В заключительном разделе сборника рассматриваются различные аспекты спасения евреев в годы Холокоста в связи с деятель-

ностью Чиунэ Сугихары, знаменитого японского дипломата и Праведника народов мира. В марте – сентябре 1941 г. Сугихара работал японским консулом в Кёнигсберге, что дало основание включить в программу конференции серию докладов, посвященных как его деятельности, так и различным аспектам спасения евреев Европы накануне и в годы Второй мировой войны. Профессор Чизуко Такао (колледж либеральных наук и искусств при Университете медицины и зубной медицины, Токио, Япония) на основе архивных документов и современной японской историографии рассмотрела вопрос о том, как в Японии воспринимали проблему еврейских беженцев и их пребывание в стране в 1938–1941 гг. Статья профессора Дэвида Вольфа (Университет Хоккайдо, Япония) представляет читателю самый сложный клубок отношений между Германией, СССР и Японией в 1940–41 гг., на фоне которого разворачивалась деятельность Сугихары в Литве. Сопредседатель Центра «Холокост», профессор РГГУ Илья Александрович Альтман (Москва, Россия) проанализировал деятельность Сугихары по спасению еврейских беженцев и их транзит через территорию СССР в контексте советских политических, экономических и разведывательных интересов в ходе Второй мировой войны. Д-р Йохан Бекман (Университет Хельсинки, Финляндия) рассмотрел деятельность Чиунэ Сугихары в Финляндии в 1937-1939 гг., отметив его особый интерес к получению информации об СССР с использованием эмигрантов-евреев из России. Д-р Кирилл Феферман, член Комиссии по присуждению звания Праведник Народов Мира Института «Яд Вашем» (Иерусалим, Израиль) и глава отдела исследований в Центре «Холокост», на основе дневника очевидца рассмотрел вопросы отношения к спасению посредством виз в еврейских религиозных кругах в советской Литве в 1940–1941 гг. Исследовательница из Вильнюса Татьяна Брускина (Литва) анализирует сенсационные материалы из фондов НКВД Литовской ССР о борьбе с изготовителями и распространителями фальшивых японских виз в 1940–1941 гг. в советской Литве. На основе анализа 4-х следственных дел она делает вывод, что изготовление таких виз и поддельных документов носили широкий характер, в него были вовлечены десятки людей, а общее число таких паспортов достигало нескольких сот. Возможно, именно этим объясняются расхождения в цифрах ме-

жду выданными Чиунэ Сугихарой визами и числом въехавших в Японию еврейских беженцев. Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Геннадий Васильевич Костырченко (Москва, Россия) поставил вопрос о роли Советского Союза в оказании помощи и спасении беженцев. На основе архивных документов он убедительно показал, что Еврейская автономная область могла, но так и не стала убежищем для европейских евреев после трагедии «Хрустальной ночи». Старший преподаватель Южного федерального университета Сергей Алексеевич Шпагин (Ростов-на-Дону, Россия) рассматривает тему «Спасение во время Холокоста», призывая тщательно и комплексно анализировать цели и возможности спасаемых и спасающих в условиях войны и тоталитарных режимов.

На круглом столе «Современное состояние и перспективы изучения темы Холокоста» основным стал публикуемый доклад д-ра Андреа Лев, сотрудницы Центра Холокоста, Институт современной истории (Мюнхен, Германия), рассказавшей о различных аспектах деятельности недавно созданного Центра Холокоста.

Тексты докладов, специально доработанные авторами для настоящего сборника, публикуются на русском или английском языке в зависимости от того, как они были заслушаны на конференции. Исключение сделано для статьи профессора Дэвида Вольфа, специально написанной для данного сборника, а также для статьи почетного гостя конференции, профессора Майкла Беренбаума, работы которого ранее не издавались в России – она выходит на обоих официальных языках конференции, так же как и введение и оглавление.

И.А. Альтман, Юрген Царуски, К. Феферман

Note from the editors

You hold in your hands a collection of works originating at the Eighth International Conference titled “Lessons of the Holocaust and Modern Russia” held on 14–17th November 2013 in Kaliningrad. The conference, to commemorate the 75th anniversary of Kristallnacht, was organised by the Research and Educational Holocaust Center and the Institute of Contemporary History.

Among the co-organisers of the conference were The Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), The Institute of General History (IGH) which is a faculty of The Russian Academy of Sciences (RAS), The Institute of Russian History (IRH), also a faculty of RAS, The Russian State University for the Humanities (RSUH), The Wiesenthal Center in the USA, and Rikkyo University in Japan. The conference brought together more than sixty scientists and teachers from Belarus, Germany, Israel, Lithuania, Moldova, Poland, the USA, Ukraine, Finland, France, Estonia and Japan as well as from ten cities in Russia. The conference took place in IKBFU and was opened by university rector Professor A.P. Klemeshev. The conference venue was specially chosen since Königsberg, as Kaliningrad was called until 1946, is the only city in modern Russia where the events of Kristallnacht took place in November 1938.

The book begins with a welcome address to the conference participants from IGH director, academic Alexander Chubar’yan, Deputy Director of IRH Sergei Zhuravlev, and Vice-Rector of the RSUH Alexander Bezborodov. The first section of the book is devoted to the history and fate of the Jewish community in Königsberg. Senior lecturer at the IKBFU Institute of Humanities Ilya Dementiev (Kaliningrad, Russia) analysed how the history of the Jewish community in Königsberg is portrayed in modern Western historiography and raised the issue of “the limits to a local perspective” when studying regions and the mutual influence of historians from various countries in selecting research topics. The article by Dr. Stephanie Schüler-Shpringoum, director of the Center for Research on anti-Semitism (Technical University, Berlin, Germany) is the central piece in this section of the book. Her important monograph on the subject is devoted to the fate of the Jewish community in Königsberg before the Nazis came to power. The article puts special emphasis on the contribution of Rus-

sian immigrants to the development of the community. The gender issue is also examined. Elena Vorobyova (Kaliningrad, Russia) a student in her fifth year at IKBFU has studied the fate of the Jews of Königsberg after the Nazis came to power and before the deportation of the city's Jews to death camps in the summer of 1942.

The section on "Kristallnacht: Its history and consequences" begins with a conceptual article by honorary guest at the conference, Professor Michael Berenbaum from the American Jewish University (Los Angeles, USA), one of the most famous historians on the Holocaust, and who, until 1993, was one of the directors of the United States Holocaust Memorial Museum in Washington and President and CEO of the Survivors of the Shoah Visual History Foundation more commonly known as the Steven Spielberg Foundation. His article researches the origins and consequences of Kristallnacht, as a prelude to the Holocaust. The author devotes particular attention to the reaction to Kristallnacht in the United States.

Professor Alan Steiweis (University of Vermont, USA), a leading expert on the subject and author of the recently published book "Kristallnacht, 1938: History and Memory", gives a detailed analysis of the historical background and motives for the pogrom, profiles of the organisers and the reaction to it in German society. According to Steinweis, Kristallnacht cannot be regarded as a preplanned operation leading towards the "Final Solution", but rather as a significant act in the Nazis' efforts to find the "internal enemy".

In his article Professor Johann Chapoutot (University of Grenoble, France) analyses the little studied international aspects of the total German pogrom and its prerequisites. The author also examines how the murder of a German diplomat and its consequences was perceived in different strata of French society.

Dr. Jürgen Zarusky, Senior Fellow at the Institute of Contemporary History (Munich–Berlin, Germany) analyzes the German policy of arrest and internment of Jewish men in concentration camps in Germany and their subsequent fates after the Nazis came to power. Based on the death statistics for Jewish prisoners in these camps, the author comes to the conclusion that there were far more victims of Kristallnacht than is generally assumed.

In her presentation "Echoes of Kristallnacht in the Provincial Towns of East Prussia", Dr. Ruth Leiserowitz, deputy director of the

German Historical Institute (Warsaw), was the first to examine the history of pogroms in this region, based on oral history and analysis of eyewitness accounts.

Senior Lecturer at Grodno State University Inessa Dvuzhyl'naya (Belarus) gave a presentation on the connection between history and musicology. Tracing not only the massacres in the synagogues, but also the fates of many famous German Jewish musicians, she has convincingly proved that Kristallnacht was the first step towards the disappearance of organ music in the synagogues.

In the section "Kristallnacht: historiography, sources, and lessons", the editor of the "Contemporary and Recent History" journal and RSUH professor (Moscow, Russia) Boris Khavkin examines 9th November as a special date in German history. In the article the current state and prospects of studying this topic are analysed on the basis of German historiography.

Professor Markus Roth, deputy director of the Center for the Study of Holocaust Literature (Justus Liebig University, Giessen, Germany) analyses the thoughts of Konrad Heiden, an eyewitness to the pogroms, in one of the first attempts in journalism at understanding these events.

Olga Gorskaya (Russia), Senior Lecturer at Tomsk State University of Control Systems and Radio-electronics analysed the responses to the events of Kristallnacht in the Far Eastern and Siberian periodicals at the end of 1938 – beginning of 1939. Undoubtedly, this study can serve as an important asset in finding information about the Holocaust in the Soviet regional press 1933–1945.

Tat'yana Pisman (Russia), coordinator of educational programs at the Centre for Civic Education (Pskov Regional Teachers-in-Service Institute), shows how the topic of Kristallnacht is depicted in (or will possibly be included in) educational programs and textbooks in Russia.

The final section of the volume examines the various aspects of saving Jews during the Holocaust, in connection with the activities of Chiune Sugihara, Japanese diplomat and recipient of "Righteous Among the Nations" award. Between March – September 1941 Sugihara worked as the Japanese Consul in Königsberg. This was reason enough to include in the volume programme a series of articles about his activities and the various aspects of the efforts to save Jews in Europe before and during the Second World War.

Professor Chizuko Takao (College of liberal arts and sciences at Tokyo Medical and Dental University, Japan) used archival documents and contemporary Japanese historiography to examine how Japan dealt with the problem of Jewish refugees and their stay in the country from 1938–1941. The article by Professor David Wolff (Hokkaido University, Japan) introduces the reader to the complicated triangular relationship between Germany, Japan and the USSR in 1940–41. Against this background of Sugihara’s activities unfolded in Lithuania. Co-chair of the Holocaust Center, RSUH Professor Ilya Altman (Moscow, Russia) analysed Sugihara’s activities in rescuing Jewish refugees and their transit through the territory of the USSR in the context of Soviet political, economic, and intelligence interests during the Second World War. Dr. Johan Beckman (University of Helsinki, Finland) reviewed Chiune Sugihara’s activities in Finland in 1937–1939, noting his particular interest in obtaining information about the USSR from Jewish emigrants from Russia.

Dr. Kiril Feferman, a member of the Yad Vashem Commission, which awards the title of “Righteous Among the Nations” (Jerusalem, Israel) and a head of the Research department at the Russian Holocaust Center, examined, with the help of the diary of an eyewitness, how visas for Jewish religious circles in Soviet Lithuania in 1940–41 helped to save people. Tatiana Bruskin, a teacher from Vilnius (Lithuania) analyses sensational material from the NKVD archives of the Lithuanian SSR¹ about the battle with the producers and distributors of fake Japanese visas in 1940–1941 in Soviet Lithuania. Based on four investigations she concludes that the production of such visas and false documents became so high that dozens of people became involved and the total number of such passports reached several hundred.

Perhaps this explains the discrepancy in the figures between the visas issued by Chiune Sugihara and the number of Jewish refugees who entered Japan. Leading researcher at the RAS Institute of Russian History Gennady Kostyrchenko (Moscow, Russia) examined the role of the Soviet Union in helping refugees. On the basis of archival documents, he convincingly showed that the Jewish Autonomous Region could have, but did not, become a haven for European Jews after the

¹ Soviet Socialist Republic.

Kristallnacht tragedy. Senior Lecturer at Southern Federal University Sergey Shpagin (Rostov-on-Don, Russia) examines the topic of “Rescue during the Holocaust”, urging meticulous and comprehensive analysis of the goals and opportunities of the saved and saviours in times of war and totalitarian regimes.

At the Round table “Current state and prospects of studying the Holocaust” the main presentation was a published report by Holocaust Center and The Institute of Contemporary History (Munich and Berlin, Germany) employee Dr. Andrea Löw, who spoke about the various activities of the newly created Holocaust Center.

The papers were specially edited for this collection and are published either in Russian or English, depending on what language they were presented at the conference. An exception has been made for Professor David Wolff’s article which was specially written for this collection, as well as the articles from guest of honor at the conference, Professor Michael Berenbaum, whose works have never been published in Russia. His article will be published in both official languages used at the conference, like this introduction and table of contents.

Ilya Altman, Jürgen Zarusky, Kiril Feferman

Приветствия Greetings

Приветствие директора Института всеобщей истории Российской академии наук, академика РАН А.В. Чубарьяна

Уважаемые коллеги!

Слово «Холокост» стало одним из мрачных трагических символов Второй мировой войны, означающим сознательное истребление целого народа. Нацистская диктатура в Германии, «новый порядок», который гитлеровский режим установил на оккупированной им территории Европы, вошли в историю человечества прежде всего своими беспрецедентными злодеяниями. Но и в этой преступной «иерархии жестокостей» Третьего рейха массовое повальное убийство евреев только за то, что они – евреи, стоит в отдельном ряду по своим масштабам. Об этом говорилось на Нюрнбергском трибунале, который вынес заслуженный приговор и идейным вдохновителям и организаторам расстрелов, строительства крематориев, газовых камер и бесчисленных гетто.

На протяжении более чем полувека тема Холокоста – одна из важнейших тем международной общественной и научной жизни. Уже написаны тысячи книг, изданы энциклопедии, снято множество фильмов. Однако говорить о том, что в истории Холокоста, в истории антифашистского Сопротивления, в том числе и сопротивления, оказанного исполнителям «окончательного решения еврейского вопроса», есть еще немало неизвестных страниц, которые ждут своих исследователей и комментаторов.

Международная научная конференция, которую совместно организовали в Калининграде ведущие научные и образовательные учреждения России, Германии, Японии, США, призвана внести свой вклад в исследование истории Холокоста.

От имени коллектива Института всеобщей истории РАН, в котором большое внимание уделяется изучению различных аспектов Второй мировой войны, разрешите приветствовать участников конференции и пожелать интересных и плодотворных заседаний.

Приветствие заместителя директора Института Российской истории РАН С.В. Журавлева

Разрешите от имени коллектива Института российской истории РАН поприветствовать участников и гостей 8-й Международной научной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия», проходящей в Калининграде.

Холокост и его уроки для всего мира – это тема, сохраняющая свою неизменную актуальность в течение всей послевоенной истории. Для России эта тема особенно важна. Холокост – это важная часть нашего прошлого. Без Холокоста невозможно в должной мере понять и оценить трагическую историю Великой Отечественной войны и величие Победы 1945 г. Одновременно Холокост – это и важная часть нашей общей социальной памяти о прошлом. И эту память обязательно нужно сохранить, зафиксировать в исторических источниках и передать будущим поколениям.

Уроки Холокоста – это напоминание человечеству не только о трагедии еврейского народа, но и о недопустимости возрождения нацизма, любой иной человеконенавистнической идеологии, а также дискриминации людей по национальному, конфессиональному, гендерному или расовому признаку. Уроки Холокоста сохраняют актуальность для современной России в связи с особой остротой межнациональных проблем в стране и поиском путей их решения.

Благодаря усилиям международного научного сообщества, в том числе российских ученых, в последние 20 лет в исследовании комплекса научных проблем, связанных с историей Холокоста, замечен серьезный прогресс. Изданы сотни исследований, налажено выявление источников и подготовка документальных публикаций. Убеждены, что данная конференция внесет существенный вклад в дальнейшее научное осмысление истории Холокоста, а также в постановку новых исследовательских задач.

Желаем участникам конференции плодотворной работы.

**Приветствие проректора РГГУ,
директора Историко-архивного института А.Б. Безбородова**

Сердечно приветствую ученых и педагогов из 13 стран мира, которые собрались, чтобы осмыслить историю и уроки «Хрустальной ночи». Отрадно, что ваша конференция проходит в Федеральном Балтийском университете им. Канта, с которым нас связывает давнее партнерство и где успешно работают выпускники Историко-архивного института.

В РГГУ уже почти 20 лет теме Холокоста и формированию толерантного создания уделяется особое внимание. Мы принимали вашу конференцию в 1997 г., в Историко-архивном институте читается спецкурс и ведется семинар по теме Холокоста, в его стенах уже третий год проходят конференции молодых ученых по теме, а несколько наших студентов презентовали свои доклады в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже.

Желаю успехов в вашей работе и надеюсь, что публикация докладов участников конференции станет важным фактором противодействия в России любым формам расизма и национальной нетерпимости.

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА КЁНИГСБЕРГА: ИСТОРИЯ И СУДЬБА

Königsberg's Jewish Community: History and Fate

Границы локальной перспективы: судьба еврейской общины Кёнигсберга и Восточной Пруссии в новейшей западной историографии

*Дементьев Илья Олегович
(Калининград, Россия)*

Основные вехи истории еврейской общины Кёнигсберга и Восточной Пруссии в целом изучались, прежде всего, немецкими историками в силу ограниченного интереса читательской аудитории к чисто региональной, как казалось, тематике. В конце XX века немецкими авторами было выпущено несколько обобщающих монографий, посвященных этой теме, в том числе «Еврейская жизнь в Кёнигсберге / Пруссии в XX веке»¹ (1983) Йорама Якоби и «Еврейское меньшинство в Кёнигсберге, Пруссия. 1871–1945» (1996) Стефани Шюлер-Шпрингорум². Итоги изучения темы еврейской истории Восточной Пруссии в ФРГ были подведены в коллективном сборнике «Об истории и культуре евреев в Восточной и Западной Пруссии» (2000)³. В сборнике были даны общие очерки истории общины XIX–XX вв. на современном уровне научных знаний (С. Шюлер-Шпрингорум, Х. Лайбер, С. Хартманн), статьи по истории повседневности (Й. Ферс о воспитании еврейских детей в XIX в.), а также просопографические (А. Айзенштайн о семье Фридлендеров, М. Коморовски о еврейских студентах и профессорах Кёнигсбергского университета) и биографические (А. Айзенштайн об Исааке Абрахаме Ойхеле) материалы.

Для немецкой историографии истории восточнопрусского еврейства характерны тренды всей западной историографии конца XX – начала XXI века. В первую очередь нужно констатировать, что нарратив о прошлом общины, созданный на основе кропотливого изучения многочисленных фактов, постепенно уступает место проблемной истории. С. Шюлер-Шпрингорум в 1999 г. отмечала то, что локальная перспектива стала входить в моду в германо-еврейской историографии конца века: «насыщенное

¹ Jacoby Y.K., *Jüdisches Leben in Königsberg/Pr. Im 20. Jahrhundert*, Würzburg, 1983.

² Schüler–Springorum S. *Die jüdische Minderheit in Königsberg, Preußen 1871–1945*, Göttingen, 1996.

³ *Zur Geschichte und Kultur der Juden in Ost– und Westpreussen*, Hildesheim, 2000.

описание» (К. Гирц) прошлого конкретной общины позволяет лучше понять многое во взаимоотношениях внутренних и внешних аспектов германо-еврейской жизни⁴. Локализация в пространстве (Восточная Пруссия и Кёнигсберг) дополняется смещением хронологических рамок (от преимущественного интереса к еврейской общине в нацистский период к более ранним этапам истории восточнопрусского еврейства, в частности к XIX и далее к XVIII веку). Обзор С. Шюлер-Шпрингорум опубликован в канун XXI столетия, и за прошедшие с того времени годы многие тренды стали еще заметнее. Цель настоящей статьи – охарактеризовать тенденции развития современной западной историографии истории Восточной Пруссии с учетом локализации тематики и обновления методологического инструментария.

Большинство работ, посвященных местным проблемам еврейской общины, выводят исследователей на обобщения, значимые для понимания логики развития немецкой, если не европейской в целом истории. Типичный образец такого рода исследования предлагает Сабина Тим (Гамбург), показавшая на примере деятельности Курта Сабацки в Кёнигсберге веймарского периода специфику ситуации в Восточной Пруссии, отличия кёнигсбергской общины от других германских общин евреев⁵. Иллюстрацией к анализу послужила биография Курта Сабацки – синдика, обеспечивавшего защиту интересов евреев в восточной германской провинции. В Кёнигсберге более, чем где бы то ни было, для еврейской общины все еще были актуальными споры по поводу достижения гражданского и социального равенства, особенно в контексте прибытия с востока *Ostjuden*. К. Сабацки был одним из немногих, кто осознал, что угрозы для евреев исходят не из прошлого, а из будущего – к пониманию этого еврейский средний класс в Восточной Пруссии не был готов. Рейх казался им гарантом самовосприятия и социального существования, поэтому они не слушали и не слышали мрачные прогнозы Сабацки. В этом, может быть, заключается основная драма еврейской общины Восточной Пруссии. Работы, аналогичные обсуждаемой, помогают преодолеть стерео-

⁴ Schüler-Springorum S., “Assimilation and community reconsidered: The Jewish community in Königsberg, 1871–1914,” *Jewish Social Studies* 5, 3 (1999), p. 105.

⁵ Sabine Thiem and Kurt Sabatzky, “The C.V. *Syndicus* of the Jewish community in Königsberg during the Weimar Republic”, *Leo Baeck Institute Yearbook* 44, 1 (1999).

типы редукции истории евреев в Германии к конфликту между двумя монолитными группами – «немцев» и «евреев».

Углубление в проблемную историю, однако, не отменяет продолжения параллельно ведущейся работы по детализации отдельных аспектов истории восточнопрусского еврейства – это еще одна характерная черта и одно из основных достоинств немецкой историографии еще с XIX века. Кропотливый сбор *персональных данных* продолжается, исследователи постепенно заполняют лакуны в наших знаниях по этой теме. Сведения обо всех восточнопрусских общинах (Кёнигсберг, Велау, Голдап, Гумбиннен, Инстербург, Лабиау, Мемель, Тапияу, Тильзит, Эйдткунен и др.) обобщены в трехтомном «Лексиконе еврейских общин в немецкоязычных землях», выпущенном Клаусом-Дитером Алике в 2008 г.⁶ В последние годы заметен дрейф от истории социальных институтов и зданий к персональной и коллективной истории, к биографиям и просопографии. Андреас Эберт в монографии «Еврейские преподаватели в университетах Пруссии, 1870–1924» (2008) дает количественное исследование с биографическими очерками по всей Пруссии, в частности исследует динамику изменений численного состава евреев, преподававших в Кёнигсбергском университете.

В «Биографическом словаре немецких раввинов» Михаэля Брое и Юлиуса Карлебаха (2004) восстановлены сведения о раввинах, служивших в синагогах Восточной Пруссии. Сведения о некоторых остаются неполными: типичный пример – Абрахам Цви Айзенштадт (Abraham Zwi Eisenstadt), все сведения о котором опираются на текст эпитафии на могиле: умер 21 августа 1868 года (между прочим, всего полтора века назад) в Кёнигсберге, был родом из Утиана⁷; известно, что Айзенштадт был раввином, но совсем непонятно, где именно. Биографии раввинов XX века, естественно, документированы значительно лучше. Например, Йозеф Хирш Дюннер (Josef Hirsch Dünner, 1913–2007) – двадцатипятилетний выпуск-

⁶ Aliche K.–D. *Lexikon der jüdischen Gemeinden im deutschen Sprachraum*. Munich, 2008. Bd. 1–3.

⁷ Утиан предположительно представляет собой ошибочное прочтение названия Утиц – городка Вотиче (Wotitz) в Центральной Чехии. См.: *Biographisches Handbuch der Rabbiner* / hrsg. v. M. Brocke und J. Carlebach. T. 1. *Die Rabbiner der Emanzipationszeit in den deutschen, böhmischen und großpolnischen Ländern, 1781–1871*. Bd. 1. Munich, 2004, p. 275.

ник Берлинского университета, он в 1936 г. стал раввином в общине «Адац Израэль» в Кёнигсберге и быстро приобрел известность как самый молодой раввин всех общин рейха. В декабре 1938 г. он получил с семьей гостевые визы в Англию и эмигрировал в Лондон⁸.

В 2013 г. вышла книга «Полевые раввины в немецких вооруженных силах периода Первой мировой войны»⁹, подготовленная Сабиной Ханк, Германом Симоном и Уве Ханком. Это скрупулезное восстановление деталей биографий полевых раввинов, помогавших еврейским солдатам в Восточной Пруссии в годы войны. В издании приведены письма раввинов, показывающие особенности повседневной жизни солдат, организацию богослужения в лазаретах и гимнастических залах казарм. Даже в этих штудиях, ориентированных на восстановление фактической канвы событий, заметны смена тематики и влияние исторической антропологии, под знаком торжества которой прошла вторая половина прошлого века.

В англо-американской историографии еще раньше проявились те же черты обновления исторической науки: смещение интереса к XIX в., рассмотрение кейсов, сочетание антропологических (гендерных и микроисторических) подходов, обращение к материалу истории повседневности. Характерно, что в 1990–2000-х гг. наблюдается заметный рост интереса к восточнопрусской тематике. Увеличение количества публикаций отвечает общей тенденции постепенного переноса интереса с типичного на уникальное, от центров к периферии.

Среди британских ученых¹⁰, обращающихся к теме еврейской истории Восточной Пруссии, выделяется профессор Кристофер

⁸ Биография Дюннера предстает как будто жизнь библейского старца: у него осталось 10 детей и более 250 внуков и правнуков. См.: *Biographisches Handbuch der Rabbiner* / hrsg. v. M. Brocke und J. Carlebach. T. 2. *Die Rabbiner im Deutschen Reich. 1871–1945*. Bd. 1. München, 2009, p. 166.

⁹ Hank S., Simon H., Hank U., *Feldrabbiner in den deutschen Streitkräften des Ersten Weltkrieges*. Berlin, 2013.

¹⁰ В этом, как и во многих других случаях, невозможно определять национальную принадлежность историка, которая в глобальном мире теряет возможность однозначной идентификации. К. Кларк – австралийский ученый, работающий в Великобритании; Я. Села-Тайхлер – выпускница Оксфорда, сотрудница берлинского Института Макса Планка (ФРГ) и Пенсильванского университета (США) и т. д. Поэтому речь об английской или немецкой историографии ведется во многом условно, с учетом, прежде всего, принадлежности к национальным традициям исторической науки, которые в свою очередь утрачивают четкие контуры в условиях глобализации и размывания дисциплинарных границ.

Кларк (Кембридж), который сосредоточился на изучении темы обращений в иудаизм в Пруссии в 1814–1843 гг.¹¹ После эдикта о равноправии 1812 г. некоторые неевреи (преимущественно женщины) попытались обратиться в иудаизм (как правило, в матримониальных целях). К. Кларк исследует мотивы конверсии и обрисовывает границы дозволенного, определенные прусской государственной властью, которая вовсе не была заинтересована в подобных процессах. Первую попытку после принятия эдикта осуществила смелая женщина – Генриетта Ковальски, жившая в Кёнигсберге. Этот кейс подробно описан К. Кларком: в октябре 1814 г. она обратилась к властям за разрешением, реакция властей определяется как «смесь шока и возмущения»¹². Первоначально чиновники пытались отговорить ее, но тщетно; тогда дело дошло до министра внутренних дел Каспара Фридриха фон Шукманна. Последний категорически воспротивился выдаче официального разрешения, однако кёнигсбергские чиновники все же ответили Генриетте, что это ее право выбирать веру. Впрочем, если бы она намеревалась стать еврейкой, правительство оставляло за собой право рассматривать ее как незарегистрированную еврейку (*unregistered Jewess*) и именно в таком качестве намеревалось с ней обращаться. Фраза, как отмечает К. Кларк, туманная, но это отредактированная версия письма Шукманна; оригинал письма, хранящийся в Тайном государственном архиве прусского наследия, проясняет судьбу, уготованную новой еврейке, подлежащей депортации за границы Пруссии. В середине ноября 1814 г. сам король Фридрих Вильгельм III обратил внимание на это дело, определил планы Генриетты как недопустимые и потребовал от Шукманна принять меры к недопущению аналогичных случаев. В свою очередь Шукманн предписал полиции в Кёнигсберге выяснить, не была ли эта заявка провокацией с намерением проверить установки прусской администрации.

Кейс Генриетты Ковальски помогает выявить многие противоречия между законом и административной практикой, разными пониманиями источника и природы права в Пруссии. Неадекват-

¹¹ Christopher Clark. “The limits of the confessional state: Conversions to Judaism in Prussia, 1814–1843.” *Past and present* 147 (1995), pp. 157–179; Christopher Clark. *The Politics of Conversion: Missionary Protestantism and the Jews in Prussia, 1728–1947*, Oxford, 1995.

¹² Clark, *The Politics of Conversion*, 1995, p. 161.

ность прусской конфессиональной политики отражает, по мнению К. Кларка, гибридный характер правления, переживавшего переход от просвещенного и склонного к реформам абсолютизма к консервативному христианскому авторитаризму постнаполеоновской эры.

Другой пример – новейшая работа Яэль Села-Тайхлер, демонстрирующая возможности культурной истории¹³. Исследовательница изучает музыку еврейского Просвещения XVIII в. В 2013 г. она опубликовала статью «Музыка, аккультурация и Хаскала между Берлином и Кёнигсбергом в 1780-х годах»¹⁴. Обращение к истории музыки открывает новые возможности для понимания культурной истории евреев в Германии. Я. Села-Тайхлер отталкивается от одного эпизода – исполнения кантаты «Суламифь и Евсевия», организованного в Юнкерхофе (Кнайпхоф) в Кёнигсберге Обществом друзей еврейской литературы 9 мая 1787 г., через год после смерти знаменитого Моисея Мендельсона. Я. Села-Тайхлер начинает с реконструкции историко-культурного контекста: христианская традиция со Средних веков вообще отказывала евреям в музыкальности, ассоциируя музыку с гармонией христианства, а еврейскую немusicalность трактуя как один из признаков общей моральной деградации детей Израиля. Однако в XVIII в. картина стала меняться – в воззрениях эпохи Просвещения музыка приобретала статус средства аккультурации еврейских элит в социум. Я. Села-Тайхлер через факт исполнения кантаты понимает место музыки в сложном процессе модернизации германского еврейства в последней трети XVIII столетия. Это произведение представляло собой пересечение жанра немецкой кантаты с еврейским содержанием, но ее исполнение не было рядовым культурным предприятием. Концерт предстает как краткосрочная встреча двух течений еврейского Просвещения: молодых маскилим, которые были привержены идеалам еврейского культурного возрождения, в частности иврита, и берлинской еврейской элиты, склонной к новым культурным практикам аккультурации, усвоения немецких социокультурных стандартов.

¹³ В смысле *cultural history*, как ее понимают П. Берк и Р. Дарнтон (в отличие от традиционной истории культуры).

¹⁴ Yael Sela-Teichler, “Music, acculturation, and Haskalah between Berlin and Königsberg in the 1780s”, *The Jewish Quarterly Review* 103, 3 (2013), pp. 252–384.

Я. Села-Тайхлер подробно описывает это *гламурное* событие, которым для кёнигсбержцев стало исполнение кантаты в память знаменитого Мендельсона: в Юнкерхоф прибыло пятьсот гостей (и евреев, и христиан), включая Иммануила Канта, уклонявшегося восемнадцать лет от публичных мероприятий, но пришедшего почтить память друга. Исследовательница показывает, что упомянутое общество было номинальным организатором концерта, на самом деле за этим мероприятием стояла группа людей, которая после того учредила Общество за продвижение добра и благодеяний (*Society for the Promotion of the Good and the Beneficent*). Это был публичный манифест общества, нацеленного на распространение моральных ценностей и благотворительность. Концерт был «аудиовизуальным и материальным представлением гражданского улучшения евреев – вероятно, первое событие такого рода в истории ашкеназского мира»¹⁵, концерт продемонстрировал приверженность евреев к немецкому языку и поэзии, к ценностям Просвещения; наконец, он опровергал предрассудок о еврейской немзыкальности. Яэль Села-Тайхлер наглядно показала, как возможности современной культурной истории могут быть применены для более адекватного понимания традиционных сюжетов истории политических и общественных институтов.

Американская историография также фокусируется на историко-антропологической и культурно-исторической проблематике, стремясь к расширению источниковой базы исследований. Яркий пример рассмотрения кейсов восточнопрусской истории в свете гендерных исследований – статья профессора истории Калифорнийского университета Деборы Хертц о жизни и творчестве двух немецких писателей XIX в. В статье «Жизни, любви и романы Августа и Фанни Левальд, обращенных кузенов из Кёнигсберга» (2001)¹⁶ она переосмысливает содержание романов двух авторов, происходив-

¹⁵ Idem, p. 379.

¹⁶ Deborah Hertz, “The lives, loves, and novels of August and Fanny Lewald, the converted cousins from Königsberg”, *Leo Baeck Institute Yearbook* 46 (2001), pp. 95–112. Перевод названия на русский язык затруднителен: в русском языке непривычно множественное число для слова «любовь», а слово «кузены» или «кузины» определяет двоюродных братьев или двоюродных сестер, т.е. лиц одного пола. Кроме того, Август и Фанни Левальд были, строго говоря, не кузенами, а дядей и племянницей.

ших из Кёнигсберга, – Августа Левальда и Фанни Левальд. Тема обращения в христианство, по прагматическим или романтическим соображениям практиковавшегося евреями в Пруссии, стала ключевой в сочинениях этих писателей. Д. Хертц обосновывает мысль о том, что Фанни Левальд смогла выразить опыт, который был недоступен ее дяде. В романе «Женни» (1843) она изображает двух героев, которые противостоят конверсии в принципе или испытывают страдания, связанные с ней. Героиня Женни обращается в христианство для вступления в брак, но страдает из-за отсутствия веры, а в глазах семьи мужа предстает как «слишком просвещенная» для мужского круга, брак распадается. Ее брат Эдуард – физик, которому для продвижения в карьере нужно обратиться в христианство и который хочет жениться по любви на христианке, но после отказа в прошении о гражданском браке вынужден отказаться и от женитьбы, и от обращения (также в силу неверия в Троицу).

Образ Эдуарда имеет сразу три прототипа в реальности Кёнигсберга XIX столетия: физик Иоганн Якоби, который отказался креститься, родственник писательницы Эдуард Симсон, который крестился, и доктор Кош – физик, который безуспешно просил разрешения на гражданский брак с христианкой. Роман «Женни», утверждает Хертц, помогает нам понять различия между опытом евреев и евреек в то время: для женщины было значительно труднее устроить свою жизнь: Женни критически настроена к неаутентичному обращению, но в отличие от брата она не может определить для себя общественную роль, отражающую аутентичные убеждения. Гендерные различия в их судьбах подчеркиваются и сюжетной линией: Женни умирает в конце романа, а ее брат только начинает путь поборника еврейских прав.

Профессор Нью-Йоркского университета Марион Каплан в статье 2002 г. «Переопределяя иудаизм в имперской Германии: практики, ментальности и сообщество»¹⁷ также обращается к тематике XIX в. Методологической рамкой для этой работы стала история повседневности (*Alltagsgeschichte*), дающая ответы на вопрос о том, как структурные изменения общества влияют на личный опыт людей, их эмоции и менталитет. На различных

¹⁷ Kaplan M., “Redefining Judaism in Imperial Germany: practices, mentalities, and community”, *Jewish Social Studies* 9, 1 (2002).

примерах, в том числе из Алленштайна и Кёнигсберга, Каплан показывает, как изменился на рубеже XIX и XX вв. иудаизм: между верностью традициям и открытостью новым формам религиозного поведения располагалось огромное количество моделей поведения религиозного еврея, множество способов, которыми евреи связывались с традицией, семьей и общиной.

Подтверждение мысли С. Шюлер-Шпрингорум о постепенном смещении интереса от тематики XX в. к более ранним периодам истории еврейской общины обнаруживается в новейшей диссертации Джилл Аниты Сторм «Культура и перемены. Евреи в Кёнигсберге в 1700–1820», защищенной в Университете Вашингтона в Сент-Луисе¹⁸. Описывая историю еврейской общины через судьбу двух основных групп (торговцев и интеллектуалов), Дж.А. Сторм очерчивает рамки для осмысления судьбы еврейской общины Кёнигсберга в середине XIX – первой половине XX в. Дж. А. Сторм также аргументирует тезис о специфике ситуации в Восточной Пруссии и связанных с нею особенностях самовосприятия евреев: постоянно меняющаяся политическая география на сопредельных территориях, миграции евреев из Российской империи, маргинальное положение Кёнигсберга в Пруссии во многих аспектах обуславливали жизнь и картину мира евреев. Сторм соединяет историко-антропологический подход и просопографическую рамку для того, чтобы обрести свой голос в хоре исследователей этой темы.

Отдельным аспектом темы восточнопрусского еврейства, который приобрел особую значимость в последние годы, стало отражение еврейской истории в зеркале послевоенной немецкой литературы о Восточной Пруссии: статья Клаус-Эберхард Муравски (2000)¹⁹ и новейшая монография польского исследователя Мирослава Оссовски «Литература поворотов – поворот литературы. Восточная Пруссия в немецкой прозе после 1945 года» (2012)²⁰. Кёнигсбергское еврейство стало своеобразным *местом памяти* для немецкого общественного сознания, и эта тема мо-

¹⁸ Storm J.A., *Culture and exchange: the Jews of Königsberg, 1700–1820*. PhD diss. Washington University in Saint Louis. Saint Louis, 2010.

¹⁹ Murawski K.–E. “Judentum im Spiegel von ostpreussischem Heimatschrifttum aus der Zeit nach 1945”. *Zur Geschichte und Kultur...*, 2000.

²⁰ Ossowski M. *Literatura powrotów – powrót literatury. Prusy Wschodnie w prozie niemieckiej po 1945 roku*. Gdańsk, 2012.

жет стать одной из самых перспективных в историографии ближайшего времени.

Обзор новейшей литературы показывает, что для немецких историков остается актуальной задача продолжать традиционную работу по кропотливому сбору и уточнению конкретных фактов о многочисленных представителях еврейской общины Кёнигсберга и Восточной Пруссии. Общим местом стал тезис о том, что понимание истоков Катастрофы немецкого и, шире, европейского еврейства требует более глубокого осмысления опыта германо-еврейской истории предыдущих столетий. Однако немецкие историки все больше практикуют обновление методологии исследования, сближающее их с англо-американскими коллегами.

Литература последних двух десятилетий наглядно показывает и возможности, и ограничения для развития историографии истории жизни евреев в восточной немецкой провинции. Большое количество архивных фондов погибло²¹, многие аспекты жизни евреев не были в свое время документированы (источник к биографии раввина XIX в. А.Ц. Айзенштадта – утраченная к настоящему времени могильная плита), существуют различные методологические проблемы в адекватной культурно-исторической интерпретации жизни замкнутого и долгое время исключенного из социума сообщества. Это объективные препятствия к воссозданию полноценной картины еврейской истории в этом регионе.

Но, несмотря на то что локальная перспектива в изучении еврейской общины в Кёнигсберге и еврейского меньшинства в Восточной Пруссии ограничена и в эпистемологическом, и в источниковедческом планах, современные исследователи находят различные способы выйти за эти границы и открыть новые перспективы в исследовании истории, наполненной как трагическими событиями, так и колоссальными достижениями на ниве экономики и культуры. Коллективная биография еврейской общины Кёнигсберга и Восточной Пруссии в XVIII–XX вв., создаваемая сегодня учеными в разных странах, позволяет от знания частных случаев перейти к общим выводам об *истоках и смысле* германо-еврейской истории.

²¹ Особенно в пожарах как военного, так и мирного времени. См. об этом: Storm, 2010, pp. 8–9.

The Jewish Community in Königsberg, 1850–1933

Stefanie Schüler-Springorum

(Berlin, Germany)

“Its borderline location determined the character of the Jewish Community in Königsberg just as much as it shaped the character of the city itself. It was at a juncture of bridge-building from West to East, although the movement of people and goods was quite one-sided, with preference East to West”¹.

Comments such as these can be found in numerous memoirs recalling the capital of East Prussia and its Jewish Community (*Gemeinde*). Yet in historiography more generally a different image of the city of Kant is spotlighted. Already early on, the Jewish minority in Königsberg – alongside Berlin, the most important center of the German-Jewish Enlightenment and the struggle for Jewish political emancipation – had achieved a degree of integration present in comparable form only in a small number of other cities in Germany. In the eyes of the liberal Königsberg middle class, which dominated the political climate in the city up until WW I, this often emphasized “harmonious coexistence of the various religions” found ample expression in the notable level of participation by Jewish residents in virtually all spheres of political, economic and social life. Against this backdrop, over the course of several decades, a large Russian-Jewish colony was able to develop in this port city on the border between Germany and the Russian Empire. That community was marked by a variegated and distinctive life of its own, with different cultural admixtures and interchange, and at the same time it left a lasting imprint on the larger urban society in the town.²

¹ David Schloßberg, “Der gesellschaftliche Rahmen“, *Rückblick und Besinnung, Aufsätze gesammelt aus Anlaß des 50. Jahrestages der Gründung der Verbindung Jüdischer Studenten Maccabäa im KJV (Königsberg)*, o.O., 1954, pp. 15–20, here p. 17, in: Central Zionist Archives, Jerusalem, A 231/3/8.

² The following is based on my dissertation: *Die jüdische Minderheit in Königsberg 1871–1945*, Göttingen, 1996. See also Ruth Leiserowitz, *Sabbatleuchter und Kriegerverein. Juden in der ostpreußisch-litauischen Grenzregion 1812–1942*, Osnabrück, 2010.

The first group of foreign Jews that relocated to the East Prussian capital were students who began to enroll at the university in 1731. In their eyes, the city represented an ideal locale to study, given its close proximity to their homeland. From the mid-19th century, Jewish merchants from White Russia and the Baltic region also came to settle in large numbers, since they hoped for improved economic possibilities for themselves in the context of the expansion of traditional Königsberg East-West trade. In addition, numerous commission agents frequented the town on a temporary basis, as well as an almost equally large number of Russian-Jewish medical patients who sought treatment in the more than 50 clinics in the city. Especially during the summer months, they imparted a certain “Russian flair” to the Königsberg streets. That was so pronounced that in the early 1890s, the Zionist politician and writer Shmaryahu Levin had the impression that the Königsberg Jewish *Gemeinde* consisted “more of foreigners – in the main Russian nationals – than local Jews”.³

Although that assessment fell somewhat short of the actual reality, surprisingly it was not far off the mark: we have only scattered data regarding the origin of the Jews resident in the town before 1880. Consequently, we must depend on our own calculations, the estimates by the chronicler of the Eastern European colony, Jacob Bähr, and the figures put together in 1882 by the East Prussian governor. All data combined permit us to realistically conclude that the proportion of foreign members of the Community was probably at least 40 percent during the period 1871 to 1885⁴.

With the exception of some religious functionaries in the *Gemeinde*, the Eastern European Jews in Königsberg, who stemmed mainly from Lithuania, Latvia and White Russia, were active in various branches of the import-export agricultural trade. At the same time, this constituted the centerpiece of the Königsberg economy as a whole. Its processing industry had developed closely connected with the upswing in trade with Russia. Consequently, in the following dec-

³ Shmaryahu Lewin, *Jugend im Aufruhr*, Berlin, 1935, p. 322.

⁴ See the diverse lists and numbers in: Schüler-Springorum, 1996, p. 382; Jacob Bähr, “Gottesdienstliche Einrichtungen der ostjüdischen Kolonie in Königsberg“, *Königsberger Jüdisches Gemeindeblatt* 4, 8 (1927), Letter Oberpräsident East Prussia to Minister of Interior, 16 January 1882, in: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin, Rep 77, Tit. 1176, 2a/1, pp. 186–191, p. 190.

ades, it was to a great degree dependent on the development of that sector of commerce⁵. It was the presence of the foreign traders in the city that initially helped to create the favorable market conditions that were to prove so decisive for economic life in Königsberg. However, competition there was exceptionally keen, and the profit margins were kept so low that few commission agents were able to set aside reserve funds for emergencies or a nest egg for later retirement. As a result, an unsuccessful business deal could often spell economic ruin and the destruction of their livelihood⁶.

On the basis of these specific conditions of trade on commission, the greater proportion of Russian Jews resident in Königsberg were anything but prosperous, belonging at best to the ranks of the lower middle class. Later on, their resultant impecunious way of life would be used as an argument by the authorities, expressed with overt cynicism, that their presence in town was purportedly rendering competition more onerous for the Christians: since “the Jew, with his meager needs, requires far less than the Christian tradesman, who has greater bourgeois demands that he must fulfill and [is] accustomed to living in a more decent and dignified manne”⁷.

Since most of the commission agents also lived separated from their families, it is hardly surprising that many sought to alter these uncertain and trying conditions of life, to settle permanently in Königsberg and to gravitate to the less risky sphere of commercial transactions. If they succeeded, which was by no means always the case, then in most instances their children were in a position to receive a good education. That opened up the door to pursue socially secure professions, upward mobility and advancement into the ranks of the Jewish middle class in the city. Hannah Arendt’s grandfather Max Arendt, who rose to become the chairman of the Königsberg city council, is one such example of a successful ascent up the social ladder⁸.

⁵ Kolof Daugilacky, *Die Bedeutung des russisch-jüdischen Zwischenhandels für den Königsberger Handel*, Diss. Königsberg, 1922.

⁶ Vgl. Daugilacky, *Zwischenhandel*, p. 103f; Bruno Siltmann, *Der Salzheringshandel Königsbergs und Danzigs*, Jena, 1926, pp. 103–113.

⁷ See: Hans Brandt, *Der Staat und die Juden*, Königsberg, 1928, p. 17.

⁸ Elisabeth Young-Bruehl, Hannah Arendt, *For Love of the World*, New Haven, Conn., 1982, p. 6.

By contrast, a significant minority among the Jewish-Russian immigrants themselves actually stemmed from the upper stratum in the Baltic and White Russian cities. This was an upper class that preferred sending off their sons to be educated in the closest commercial center in the neighboring country, there later to open a branch of the family firm. For example, the herring export firm Dinesmann & Co., whose contacts extended all the way to Odessa and Astrakhan, was established at the suggestion of Scottish relatives who required a representative based in Königsberg for handling their business dealings in Russia.

In the eyes of the earlier mentioned Zionist leader Shmaryahu Levin, all these forms of existence were equally suspect: he wrote that “they were Jews who wished to be Teutonized, yet who had no contact with Teutons. They associated solely with Germanized Jews, taking them as their prime role models. To my mind, a person who enjoys a natural national life within his own group is living authentically. An outsider who imitates him lives in a first-order translation, and a third person who imitates the second, exists in a second-order translation. Such a third person is the Russian Jew: he copies the German Jew, who in turn imitates a German”⁹.

On closer scrutiny, however, this harsh judgment has nonetheless to be differentiated, because the social status of the immigrants played a quite significant role in their choice of environment for living and cultural affiliation. Or to phrase it differently, a person had to be in a position to be able to afford resistance to pressures to adapt and conform that immigrants generally must normally grapple with. So Levin’s description applies primarily to the doubtless quite large group of “poor Russian immigrant youths”¹⁰, for whom the desired social advancement was generally associated with becoming totally integrated within the German-Jewish majority in the community. They avoided the circles of immigrants organized in the prayer room communities, attending instead, if at all, religious services at the Liberal synagogue. People learned to master standard German as quickly as possible, sundering all ties to their Russian origins. Frequently in these families, a German-Jewish spouse was sought, or “at the very least”, a

⁹ Lewin, 1935, p. 324.

¹⁰ Bähr, 1927. Cf. Schüler-Springorum, 1996, pp. 162–170.

Latvian marriage partner as a suitable match for their children. In some individual cases, the choice of a non-Jew as spouse was likewise acceptable as an option.

Another group of Russian-Jewish immigrants organized their life in their new place of residence in a manner along diametrically opposed lines. This group appears to have been numerically the largest in the years before 1880 and always evinced a high degree of fluctuation. By contrast, however, their social profile was relatively uniform, because most members had already belonged to the middle class back home in their places of origin. They were then able to maintain or extend this position after settling down in Königsberg. In addition, Königsberg for some was just an interim way station en route to the U.S., a Prussian town where they had accidentally “gotten stuck” and, depending on the economic and political situation, had stayed on for an indefinite number of years. For these families, in the final decades of the 19th century dispersed over half the globe, the bonds of kinship and contact with their Russian milieu of origin remained paramount. They associated mainly among themselves and with the numerous Russian-Jewish guests and travelers passing through town, and chose their wives from the same background. Their religious life also developed in close contact with the Russian Empire, down to 1885 displaying an intensity that, in the words of Jacob Bähr, “scarcely had its counterpart in the large centers anywhere in Lithuania”¹¹. Moreover, the modern currents of Russian Jewry were also represented in Königsberg. That included the *maskilim* of the Hebrew Reading Association as well as the readership of the periodical *Der Jüdische Grenzbote*, a journal published in German with Hebrew orthography for commission agents and new immigrants, Bundists and Zionists. A chronicler of the Russian-Jewish colony in Königsberg characterized its members as persons “stemming from the core of Russian-Lithuanian Jewry, from well-to-do family backgrounds, with a strong rabbinical schooling and some also with a secular education... for the most part imbued with local old Jewish traditions and a lofty sense of family pride, of which they did not wish to surrender one iota”¹².

¹¹ Bähr, 1927.

¹² Idem.

Some of them, such as Jakob Towbin, himself well-versed both in German and French literature, were also familiar with the culture of their new environment. Yet they considered this culture to be a mere supplement to their own, which remained a vibrant self-confident component in their lives. Thus, by no means did they live a “life in second-order translation.” Rather, they were engaged hands-on in creating an enclave of urban and urbane Russian-Jewish culture on German soil that was able to flourish up until 1885. Its unique character was described by Rabbi Emanuel Schereschewsky, himself the scion of such a family, as “impossible to imitate”¹³. We can also apply a similar characterization to the smaller group of immigrants belonging to the upper class in Russia, who fused the high culture of Russia and Germany even more intensively than the autodidact Towbin. For this tiny elite, Königsberg was but the most western city of an extended Jewish middle-class milieu: its representatives felt equally at home in the elegant upscale quarters of Königsberg, Riga or Vilna. Naturally, they were multilingual, combining Russian, Jewish and German education and culture, and often sought to occupy the role of intermediary between these cultures – which in their social stratum actually stood on an equal footing one culture beside the other. One such example was the grain wholesaler and Community chairman Salomon Feinberg. He averred that Germany was “the country of his education”, but also spoke Hebrew and was proactively involved in promoting young writers in both languages¹⁴. Another exemplar was Isidor Simon: he ran a farm in Memel, composed poems, wrote textbooks, and also served as a court interpreter for Lithuanian, Russian, Latvian, Polish and Hebrew. As a “citizen of two worlds that otherwise generally stand apart, closed off and uncomprehending, one confronting the other”, he enjoyed great esteem in the Jewish and Christian circles of Königsberg. It would appear that the great social respect accorded some individuals had in turn a positive effect on the social acceptance of the Eastern European immigrants as a whole, both within the broader urban society and the Jewish Community¹⁵.

¹³ Emanuel Schereschewsky, “Erinnerungen an Königsberg i.Pr.”, *UDIM, Zeitung der Rabbinerkonferenz in der Bundesrepublik Deutschland* 3 (1972), pp. 117–125.

¹⁴ Necrology Feinberg in: *Allgemeine Zeitung des Judentums* 57, 1893, Nr. 19.

¹⁵ Article for his 85. Birthday, in: *Königsberger Jüdisches Gemeindeblatt* 5, 1928, Nr. 9.

On the level of private contacts, where feasible persons did attempt to distance themselves from the new arrivals; in this connection, along with social perspectives, the most important crucial criterion involved was to possess a perfect command of the German language, free of error and foreign accent. However, by the time of the second generation of immigrants, these barriers had generally been surmounted and left behind, and that was indeed true for the descendants of all three groups described. Thus, a report on the situation of the foreign Jews in Königsberg around the turn of the century notes that the sons and daughters of those families that had been resident for generations in the city had “adapted and acclimatized so thoroughly to German culture that they do not deviate in any way from their surroundings, not in their philosophy of life nor in their manner of thinking and views. Indeed, most do not even know Russian”¹⁶. So the question of acculturation, of an individual’s feeling of allegiance and belonging, had little to do with nationality, and was moreover very relative in terms of generation¹⁷.

But despite the initial demarcations of distance in the private sphere that marked the relations between German and Eastern European Jews everywhere in Germany, in the framework of the religious Community in Königsberg, the latter *Ostjuden* were comparatively well integrated right from the start. Only due to the allegiance to Zionism that some members of the Russian colony began to nurture did they come into open confrontation and clash with the German-Jewish communal establishment shortly before World War I. Aside from that exception, their symbiotic conflict-free coexistence within the Jewish *Gemeinde* was based principally on the fact that foreign Jews here also had the right to vote. Thus, for example, representatives of the various different prayer room communities sat in the Jewish Community Board. A well-known Russian wholesale dealer was for many years a member of the Jewish Community Executive, a post for which he first had been obliged to obtain a special permit from the government. The internal communal harmony was even more clearly manifest in the sphere of welfare, where German and Russian Jews cooperated amicably in dealing specifically with the concerns of the Jews

¹⁶ *Israelitisches Familienblatt* 3, 1900, Nr. 43.

¹⁷ Steven Aschheim, *Brothers and Strangers: The East European Jew in German and German Jewish Consciousness, 1800–1923*, Madison, 1982, p. 54.

from Eastern Europe. Thus, one of the associations with the largest membership in the Community was *Bikkur Cholim*; it sought to assist sick Jews from czarist Russia in traveling to Königsberg and staying there for treatment in one of the local clinics. It was funded in part by the large commission firms and commercial enterprises, which allotted a fixed percentage of their turnover income to the *Bikkur Cholim* association¹⁸.

In connection with this and numerous other similar examples of active and engaged solidarity, the close geographical proximity to Russia certainly played a very significant role, coupled with the prestige of the Russian-Jewish wholesalers who set a good example here. In Königsberg, the differences between “Western” and “Eastern” Jewry were more minimal, and what was shared in common could be felt more strongly than in other regions of the German Reich. In this way, the Russian-Jewish minority in the East Prussian capital was able to develop a multitude of different and indeed even opposing hybrid forms and patterns of living, which they combined in various admixtures both with the German and Eastern European culture. However, common to almost all foreign Jews in Königsberg was a fundamental condition of their existence there, one which had a more decisive impact on their situation than anything else: namely their lack of German citizenship.

Only naturalization was able to guarantee foreigners in Germany the right of permanent residence. Until 1871, it was the requirement that applications for naturalization had to be submitted individually in Berlin, and later had to be presented to the local regional authority. However, only with great reluctance was naturalization granted to Russian nationals more generally and to Jews in particular, and then only if they met specific requirements: namely that they possessed “substantial personal assets, had an especially useful trade or an outstanding level of formal education”¹⁹. From a list of the applications approved in Königsberg between 1849 and 1880, differentiated according to origin and religion, it becomes evident that from 1871 on, the local authority was more far more lenient in approving naturaliza-

¹⁸ On the inner life of the community, see Schüler-Springorum, *Jüdische Minderheit*, pp. 112–160.

¹⁹ Brandt, *Staat*, p. 15; see also Jack Wertheimer, *Unwelcome Strangers. East European Jews in Imperial Germany*, New York, 1987, p. 78.

tion for Jews than had been the case earlier on the part of the Berlin ministry²⁰. It remains an open question as to whether this practice by the Königsberg authorities, comparatively favorable to foreign Jews seeking naturalization, was motivated purely by economic factors or perhaps also reflected a more liberal basic attitude. But it is certain that it came to an abrupt end in 1881, when the new Prussian interior minister Puttkamer instituted a far more restrictive policy on immigration. That led to the expulsion of some 30,000, among whom between ten and fifteen thousand were Jews²¹. In Königsberg, “almost all” those deported were Jews²². We can estimate the total number of Russian Jews expelled from Königsberg between 1884 and 1888 at 1,200 at the very least, thus constituting a fifth of the Jewish Community. These measures and subsequent immigration restrictions functioned to reduce the Russian-Jewish proportion in the Königsberg *Gemeinde* by almost half by 1910, diminishing it to just under 25 percent of all Jews in the Community. As a result, the Community not only shrank in size but also in terms of diversity, since many institutions frequented by foreign Jews and smaller prayer room communities were compelled to cease operation²³.

As a rule, the expulsions provided but a brief deadline for leaving the country, so that many saw themselves constrained to hastily sell off their businesses and in some cases their personal possessions, at prices below market value. In individual cases, the expulsion orders were implemented with extreme severity, in most cases destroying the laboriously constructed basis for existence of those affected. Innumerable and often repeated petitions document the scope of tragedies that engulfed many: their authors requested to be spared or at least for their expulsion to be postponed, or asked the Community for assistance in their ordeal. These were individuals who, in the words of one assistant, “in a firm belief in the march of progress in human development,

²⁰ See the list of “Naturalized Russian Citizens”, 1. 8. 1881, in: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin, Rep 77, Tit. 1176, 2a/1, p. 61f.

²¹ See: Herbert Neubach, *Die Ausweisungen von Polen und Juden aus Preußen 1885/86. Ein Beitrag zu Bismarcks Polenpolitik und zur Geschichte des deutsch-polnischen Verhältnisses*, Wiesbaden, 1967, p. 242; and Daugilacky, *Zwischenhandel*, p. 104; Wertheimer, 1987, pp. 31–35.

²² Quoted in Neubach, 1967, pp. 97, 144.

²³ *Allgemeine Zeitung des Judentums* 49, 1885, p. 608; Bähr, *Die ostjüdische Kolonie*; Wertheimer, Strangers, Tab. IIb; and *Berliner Tageblatt*, 17. 12. 1913.

had in the past tied their fate to a foreign culture, one which they had... more or less become familiar with. Yet suddenly, a mighty iron hand had appeared, (beckoning on) the specter of medieval persecutions”²⁴. To avoid this fate depended in particular on a person’s ability to prove his or her “economic utility”. The upshot was that this had a harsh impact on the religious staff in the *Gemeinde*, living on the whole in hard-pressed financial straits: this comprised young men who still could not demonstrate they had a secure economic position, and most particularly single women²⁵.

Beset by this emergency, in which suddenly 20 to 25 percent of Community members found themselves embroiled, a kind of division of labor crystallized between Jews and their Christian neighbors: public protest or active intervention were left up to respected individuals or the executive office of the merchants’ association, the *Kaufmannschaft*. The latter’s interventions were of course one-sided, shaped by their own specific interests, but at least these efforts held out some prospect for success. By contrast, the Jewish Community restricted itself to “alleviating the plight” of the expellees. In that connection, the greater familiarity that the Königsberg Community had with Eastern European culture ultimately appears to have had a positive effect. Even a contemporary who was extremely critical of German Jewry, the Zionist activist Shmaryahu Levin, praised the relief operations of the Königsberg Community²⁶. It saw itself confronted, more perhaps than any other Jewish *Gemeinde* in Germany, first with the sad plight of those from their own ranks expelled from the city, and later on with the misery of the massive tidal wave of refugees streaming in from the neighboring province. The Relief Committee for the Expellees assisted with the possibility of travel overseas; they gave preferential treatment to the men affected by the expulsion orders, whether single or the father of a family, insofar as they were fully fit for employment. But such luck to embark on ship was the lot of far too few: of the first 900 expellees provided assistance in Königsberg, 75 percent were

²⁴ See Letter from Grajewo to the Hilfskomitees in Königsberg, 15 September 1885, in: Central Archive of the History of the Jewish People, Jerusalem, Kn II, H 9, s.p.

²⁵ See the disputed cases, petitions and lifestories in: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin, Rep. 77, Tit. 1176, 2a, vol. 7; 1 M, vol. 1; 1 L, vol. 1.

²⁶ See Lewin, 1935, p. 284.

forced to return to Russia; in most instances, the others were able to depart, bound for the U.S., England or the Netherlands²⁷. Due to the selection criteria for those so favored, the situation of single women was especially grim. They were often wives alone, abandoned or widowed and with their children, women with no prospect either for official leniency or for a much-desired ticket westward, and had to look forward to the prospect of returning to Russia and the certainty of a life of poverty²⁸.

The extant correspondence between the Königsberg Relief Committee and its representative at the border station Prostken/Grajewo contains a detailed description of the chicanery and diverse subterfuges employed by the czarist officials in dealing with arrivals at the border crossing. Despite the easing of customs restrictions which the Königsberg Community had ultimately managed to laboriously achieve through the efforts of a go-between in St. Petersburg, the situation remained hopeless for the multitude of generally impoverished families without valid documents. Many were turned back at the border and forced to wait there or in Königsberg for a renewed expulsion order, without any possibility for gainful employment. In the worst-case scenario, they faced the threat of arrest by the czar's police, charged with the crime of "vagrancy" or desertion, and subsequent banishment to Siberia. It thus is hardly surprising that people left no stone unturned in seeking permission to stay on in Prussia, and that young men in particular endeavored to elude the draft and military service "back home" by means of emigration. Thus, the fate of those expelled was not simply determined by the directives of the authoritarian state. It was also shaped by the expellee's respective individual social and professional status and a person's possibilities for migration elsewhere²⁹.

²⁷ See the list of names, age, marital status, number of children and destination of those who were given financial support, in: Central Archive of the History of the Jewish People, Jerusalem, Kn II, H 9, s.p.

²⁸ See e.g., letter by Miriam Lastowska to the Königsberg Committee, 4 September 1885, loc. cit. or by Chaje Liebermann to the German Emperor, 26 November 1883, in: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin, Rep 77, Tit. 1176, 1 L, vol. 1, p. 27ff.

²⁹ See letters of Oberpräsident to Minister of Interior, 19. and 26. 9. 1885, loc. cit., Rep. 77, Tit. 1176, Nr. 2a, vol. 6, pp. 154f, 182f; and the exchange of letters between Grajewo and Königsberg, 14., 15., and 28 September 1885, in: Central Archive of the History of the Jewish People, Jerusalem, Kn II, H 9.

Initially, the more prosperous merchants and commission agents were also affected in a similar way by the wave of expulsions. However, they could harbor the hope, far more than others so affected, for intervention on their behalf by the Community, the merchants' *Kaufmannschaft* or the municipal authorities in particular. In this connection, the spokesman of the city council also cited humanitarian reasons as a factor, condemning the expulsion measures as inhumane and motivated by anti-Semitic animus. The assiduous efforts by the Christian colleagues proved effective in sparing some of the more prosperous merchants and wholesale traders the ordeal of deportation, albeit in some cases only temporarily. However, these exceptions could not prevent the decline in trade with Russia, with grave repercussions for the Königsberg economy. Now not only were the local traders who had been expelled absent from the town, along with those who had left more or less voluntarily in the face of the mounting anti-Semitic measures. Likewise now absent from the scene were many Russian-Jewish merchants from czarist Russia: they had been so scared off by these developments that from this juncture on, they assiduously avoided the East Prussian capital, pursuing their business and dealings in the other Baltic ports instead³⁰.

After the termination of the mass expulsions in 1888, the *Kaufmannschaft* association of the merchants managed to achieve certain isolated improvements. Yet the primary goal remained elusive: namely to enable a secure basis of livelihood for those Russian-Jewish merchants who had remained on, living under the threat of individual expulsion. From 1884 on, naturalization had become in practical terms impossible for Eastern European Jews, and many decided from the very start against that route, so as to avoid calling undue attention by the authorities to themselves. Consequently, the risk of deportation would remain: around the turn of the century just in Königsberg, the "Damocles sword of expulsion" hovered menacingly above the heads of more than 80 to 100 families – a threat that could at times only be averted by openly publicizing a case in the press³¹.

The uncertain legal status of a substantial proportion of the Jewish *Gemeinde* appears to have had paradoxical consequences for the inner

³⁰ Vgl. the reports of the Königsberg Chamber of Commerce 1885–1889, Königsberg, 1886–1890.

³¹ *Berliner Tageblatt*, 24 May 1900. Cf. Wertheimer, 1987, pp. 54–60.

workings of the Community. On the one hand, the expulsions served as a social filter mechanism, since they impacted mainly on the poorer families and individuals. By contrast, those who were financially better-off tended to be protected and thus spared, provided support by the Community. Hence, prior to World War I, these wealthier individuals were roughly identical in number to the total of all Russian-Jewish contributors to the *Gemeinde* budget coffers. The iconic image of the cultivated, urbane and sophisticated Königsberg “Eastern European Jew”, who possessed both a Jewish and secular education – an image that repeatedly surfaced in the memoirs and contemporary descriptions of the day – was thus not rooted solely in their country of origin. Rather it also sprang from the consequences of coercive measures by the Prussian state, and the kind of Russian-Jewish community of the more privileged strata that this ultimately generated in Königsberg³². On the other hand, there is ample evidence that it was precisely their precarious legal status, a tightrope situation which scarcely invited individuals to attempt to consciously integrate, which contributed to the genesis of the rich Russian-Jewish cultural milieu in Königsberg. Under constant threat of expulsion, it may have been especially important for many to actively preserve and maintain the cultural bonds to their Russian homeland, which was moreover located so close by.

On the basis of the distinctive and engaged Judaism of the members of the Russian-Jewish colony there, it proved possible to maintain this milieu relatively intact, despite all manner of persecution, down to 1914 and the outbreak of war. It was only rent asunder and demolished in the autumn of 1914, when all Russian Jews were expelled, including “likewise those who had been long resident many years” and had enjoyed “all-around protection, in part under the aegis of the merchants’ association”³³. Attempts by the Community to have the expulsion orders revoked proved futile, and only managed to gain some short-term postponements of the inevitable. Persons who had lived and been active for decades in Königsberg were “suddenly detained and abruptly hauled off by police officers to the train station, at times seized directly on the street... often in a manner that was uncivil, without even being allowed time to arrange their personal affairs”. In

³² *Berliner Tageblatt*, 17 December 1913.

³³ Trude Maurer, *Ostjuden in Deutschland 1918–1933*, Hamburg, 1986, p. 40.

the course of two days, the persons expelled were crowded into freight cars and sent off from the town with no indication given of final destination³⁴. The inconsiderate manner of their deportation as well as the altered conditions after the war's end were sufficient reason for but few of them to return, so that already in 1914, the destruction of the Russian-Jewish milieu in Königsberg was to be its final hour.

That was because – and this should have become clear through my analysis – the unique Russian-German-Jewish coexistence in this city, which also had facilitated publicly recognized forms of hybrid identities, cultural diversity and autonomy, was able to thrive only on a very specific economic and political basis. This was a space or platform that had existed in Germany, and not only there, always solely in a very circumscribed local and temporal framework. That becomes all the more clear if we recall the unanticipated rapidity with which first the economic and then the political basis of this liberal and in part also multicultural island in the far northeastern reaches of the German Reich was to collapse and disintegrate after 1918.

The economic, social and psychological consequences of World War I were dramatically exacerbated here by the geographical location of the city. The time-honored nationalistic tradition of the town as a bastion on the eastern border gained new impetus as a result of the wartime events. In addition, the East Prussian capital was separated from the Reich proper by the corridor; residents in all circles of the population sensed from that darkening juncture on that they were living on a kind of threatened island, and consequently had their own very specific interest in a revision of the Versailles accords. However, more grave were the economic consequences of this spatial disjuncture: since those professional groups who suffered most under the subsequent postwar currency devaluation were over-proportionately represented in Königsberg, the city was hit harder than others by the ensuing inflation. In addition, trade with agricultural produce collapsed completely as a result of the corridor and the altered political situation in the neighboring eastern states. This had an adverse impact not only on the large and small commercial firms but also on the numerous

³⁴ Josef Rosenthal, *Die Kriegsarbeit des Jüdischen Hilfskomitees von 1914*, Königsberg, 1919; „Necrology for Jacob Towbin,“ *Königsberger Jüdisches Gemeindeblatt* 8, 3 (1931); correspondence of Alfred Klee, 14–16, and 19 November 1914, in: Central Zionist Archives, Jerusalem, A 142/78.

processing plants in the town. The consequences of the world financial crisis from 1929 were less drastic in Königsberg than elsewhere, yet this hardly served to ameliorate the catastrophic overall situation.

In this vortex of psychological and economic factors, we can probably also see the underlying reason why the NSDAP proved able to gain ground so swiftly in this formerly so liberal provincial capital: from 1924 on, the Nazi party achieved results in all elections far better here than the national average vote for the NSDAP, and in July 1932, it garnered 44 percent, the second highest result for the party in any German large city. Although democratic politicians headed up the municipal and provincial administration until 1932, the shifts in the political climate were nonetheless clearly palpable. In communal policy, for example, the classic forum for Jewish participation in the local administration, this was scarcely possible to overlook by 1924 if not earlier. By then there was no member of the Jewish Community in the city council and but a small number in the commissions and committees of the municipal administration, while the minority felt itself exposed to the attacks by the rightwing nationalist-folkish city council members without any possibility for self-defense³⁵. In other public spaces as well, such as the university or some restaurants and seaside resorts near Königsberg, anti-Semitic incidents were an ever more common occurrence – this in the proverbial “city of Pure Reason”, where but a few years before they would have been deemed unimaginable³⁶. With the arrival of Gauleiter Erich Koch in 1928, the anti-Semitic activities in Königsberg took a more brutal turn, and were by no means limited only to verbal attacks and abuse. The provisional high point of the excesses came the night of 31 July 1932, when a number were injured and one person killed in attacks on opponents of the NSDAP.

All this now confronted a Jewish population heavily decimated as a result of the expulsion of numerous Russian nationals at the start of World War I, and increasingly more impoverished as a consequence of the economic developments after the war. Earlier than elsewhere, the Jewish *Gemeinde* in Königsberg also experienced a decline in absolute numbers: in 1925 it had plummeted to only 4,049 members, a drop of more than 500 compared with membership in 1910. Like the general

³⁵ Kurt Sabatzky, *Die Lehren der nationalsozialistischen Politik*, in: KGB 7, 1930, Nr. 8.

³⁶ *Israelitisches Familienblatt* 30 (1927), Nr. 16, 29, 31, 46; KGB 2, 1925 Nr. 5.

population in Königsberg as a whole, the economically active Jewish population was disproportionately overrepresented in trades and professions badly battered by the war and ensuing inflation, so that the consequences here were even more dramatic than for the Jewish population in Germany as a whole. The impoverishment of the Community cannot be demonstrated with precise figures, but its welfare files reveal an impressive picture of the “powerful impact” exerted by the inflation on the “financial situation of the *Gemeinde*”. Thus, from 1920 on, the number of petitions to the Jewish institutions for assistance registered a huge upsurge. The lists of those receiving support lengthened from year to year, and scarcely declined in the subsequent period. For example, in 1925, twice the number of household heads and individuals were receiving support as compared with 1914. This was compounded by an even more extreme level of impoverishment among Jews in the province, for whom Königsberg continued to remain the first urban center to turn to for help. Thus, in 1926, we find that the files contain the mention of some 2,600 welfare cases recorded in one way or another. By expanding the traditional scope of welfare activity and creating new facilities, such as the middle-class soup kitchen, the Community sought to successfully grapple with the virtual stampede by the needy on their facilities. This was additionally aggravated by the fact that the formerly wealthy welfare organizations had lost their assets in the inflation, and at the same time were taking in fewer contributions from an ever more impoverished population.

Despite this multitude of burdens impacting on communal life, people did not limit themselves solely to a passive internal effort to contain the damage. Rather, they mounted an active offensive in response to the political shifting sands and changes, and most particularly to the mounting tide of social anti-Semitism.

Internally, in psychological respects, the communal Jewish leadership endeavored to confront the anti-Semitic hostility by means of a visible upgrading of religious practice and the representation of Jewish self-esteem and pride. Thus, in 1932, the Jewish Assembly of Representatives called on the parents officially for the very first time not to send their children to school on the Jewish holidays – a step that 30 years earlier would have been inconceivable. We can note numerous other changes in Community life over and beyond such direct appeals to the population, changes that taken as a whole actually give the im-

pression of an ongoing “closing of the ranks” in the face of the crisis, a change already diagnosed by contemporaries at the time.

Externally, the Central Association of German Citizens of the Jewish Faith, the *Centralverein*, sought to resist by legal means: on the one hand, it repeatedly stressed, especially together with the Socialist Party (SPD), the political threat to democracy posed by the nationalist-folkish parties. On the other, with the aid of its associated lawyers, it initiated a number of law suits against the nationalist-folkish associations, even though this litigation often did not eventuate in the success originally hoped for. In addition, efforts were made within the Community to heighten consciousness about the dangers that loomed. The *Jüdisches Gemeindeblatt*, the local communal paper, is replete with quite detailed reports during these years about the anti-Semitic movement in Königsberg and East Prussia. Finally, they organized awareness-raising events designed to influence the thinking of the rest of the population, in the hope that “many reflective non-Jewish observers will recognize ... what path our people would tread should this movement come to power”. Yet the reports on these events, of which there were quite a few, make for depressing reading: in any case, they were only attended by those non-Jews who did not see themselves at all as anti-Semitic, but considered it their appointed task “tactfully to point out” to their Jewish fellow citizens, as a report notes, “certain errors and deficiencies that they have noticed regarding the Jews”. Instead of the initial fond hope “to mitigate differences and initiate rapprochement”, such evenings for awareness-raising and encounter turned into one-sided tribunals phrased in well-chosen wording. On a note of resigned disappointment, the stenographer recording the minutes of such an event organized by the Jewish Women’s Associations observed: “But unfortunately no woman spoke out on our behalf, saying that she was in fact acquainted with us from our joint work and that they regarded our cooperation as valuable”³⁷. Thus, already in the 1920s, anyone appealing to the solidarity and the commonly cherished values of the former Jewish middle class in the city was fighting a losing battle: all that no longer existed. Indeed, even before 1933 it had already disappeared.

Translated by Bill Templer

³⁷ Central-Vereins Zeitung vol. 8, 1929, Nr. 42; vol. 9, 1930, Nr. 23.

Еврейская община Кёнигсберга в 1933-1939 гг.

Воробьева Елена Александровна

(Калининград, Россия)

В начале XX века большинство немецких евреев были полностью интегрированы в немецкое общество. Они служили в немецкой армии и на флоте, преуспевали в немецкой науке, бизнесе и культуре. Жизнь евреев начала меняться после назначения Адольфа Гитлера канцлером Германии 30 января 1933 г. и узурпации им власти после поджога Рейхстага. С самого начала гитлеровский режим развернул антиеврейскую политику. Евреев считали врагами, ответственными за поражение Германии в Первой мировой войне и последующие экономические трудности.

С 1933 г. правительство Германии издало ряд постановлений, ограничивающих права евреев зарабатывать себе на жизнь, пользоваться полным объемом гражданских прав и правом на образование, в том числе был принят Закон о восстановлении профессиональной гражданской службы, который запрещал евреям работать на государственных должностях. В 1935 г. утверждены «Нюрнбергские законы», лишившие немецких евреев гражданства и запрещавшие им вступать в отношения с немцами¹.

Целью данной статьи является освещение истории евреев Кёнигсберга в условиях нацистского режима. Антисемитизм в Восточной Пруссии отличался особой силой, широким масштабом и агрессией, здесь постоянно нарастали националистические настроения. Разумеется, еще до 1933 г. наблюдались отдельные проявления антисемитизма, а между 1933 и 1935 гг. национализм вылился в открытые и грубые выступления против евреев. В центре провинции, в Кёнигсберге, от антисемитизма пострадали, прежде всего, торговцы. Большинство евреев задумывались об эмиграции или о переезде в Берлин, полагая, что среди большой массы еврейского населения они будут в безопасности. Еще в 1935 г., до принятия в сентябре «Нюрнбергских законов», многие евреи думали, что «призрак нацизма» скоро улетучится. В Кё-

¹ *Die nationalsozialistische Judenverfolgung* // www.hagalil.com/deutschland/ost/judentum/nsverfolgung.htm
(дата обращения: 3 ноября 2013 г.)

нигсберге, изолированном от общей еврейской жизни Германии, каждый еврейский дом чувствовал шаткость почвы под собой².

К 1933 г. в Кёнигсберге было 5 синагог, специальный дом для детей-сирот, дом для престарелых и 3 еврейских кладбища, около 10 различных и регулярно издававшихся газет и журналов на иврите. Ситуация изменилась после того как нацисты достигли абсолютного большинства на выборах в городское правительство в феврале 1933 г. Подавляющая часть еврейского населения города не ожидала этого, не была готова к такой ситуации и надеялась, что все изменится к лучшему. Через несколько месяцев евреи осознали серьезность положения. Большинство членов общины, прежде всего сионисты, приняли правильные решения. Сионисты эмигрировали в Палестину, где боролись за создание государства Израиль, были его первостроителями.

С национал-социалистским «захватом власти» начался антисемитский «террор», т.е. ущемление прав евреев, ненавистное отношение к ним и отдельные акты насилия против евреев Кёнигсберга. Вскоре дело дошло до нескольких убийств лиц иудейского вероисповедания, покушений на еврейские учреждения и Старую синагогу. Первой жертвой стал еврей – управляющий фирмы «Зоммерфельд» Макс Нойманн, который был арестован 13 марта 1933 г. и вскоре был жестоко убит. Некоторые кёнигсбергские евреи предпочли депортации добровольную смерть после месяцев, проведенных в страхе при каждом стуке в дверь, при каждом письме с казенным штампом³.

В апреле 1933 г. были уволены еврей-чиновники. Адвокаты еврейского происхождения, получившие практику после 1914 г. и не участвовавшие в войне, лишались ее. Позже была запрещена профессиональная деятельность евреям врачам и дантистам. Сокращалось число еврейских студентов университета. «Ариизация» высшей школы вела к увольнению доцентов и профессоров. В течение 1936 г. были «ариизированы» магазины и универмаги,

² Кельтер Д.Ф. Заметки по еврейской истории / Пер. В. Шапиро // <http://berkovich-zametki.com/2006/Zametki/Nomer10/VShapiro1.htm> (дата обращения: 3 ноября 2013 г.)

³ Еврейский интернет-клуб // Холокост: «Кёнигсбергские хроники» <http://base.ijc.ru/new/site.aspx?IID=64571&SECTIONID=64565&STID=248594> (дата обращения: 3 ноября 2013 г.)

многими из них завладели «партайгеноссен». В феврале 1938 г. в Кёнигсберге остались еще 201 еврейская фирма, 38 врачей и 22 адвоката⁴.

В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. в Германии и Австрии прошли массовые еврейские погромы, вошедшие в историю как «Хрустальная ночь» (из-за осколков стекла, разбитых витрин и окон, которыми были усыпаны улицы десятков городов). Эта вакханалия случилась и в Кёнигсберге. Организованные группы эсэсовцев под руководством командиров, на руках у которых были заранее подготовленные списки, ходили от одного еврейского магазина к другому, били витрины, похищали товары, громили внутреннюю отделку. Как и повсюду, в Германии в эту ночь отряды эсэсовцев врываются в квартиры еврейских семей, громили, грабили, хватали отцов семейств, старших сыновей⁵. К утру арестовали примерно 450 человек. Еврейские кладбища были осквернены, еврейский приют разгромлен, а дети выгнаны на улицу⁶.

Хайнц Финке, житель Инстербурга, вспоминает о тех событиях: «В ту ночь нас вывели из дома, нас и еще множество семей; нас, евреев, колонной повели мимо синагоги с горящей крышей и привели в полицию. Утром моя мать, бабушка, брат и я были отпущены, но мой отец был посажен на четыре недели в тюрьму. Нацисты понимали под арестом подозреваемых необходимую меру пресечения»⁷. Можно предположить, что также нацисты поступали и с кёнигсбергскими евреями.

В Кёнигсберге нацистские головорезы проникли в так называемую Новую синагогу на Линденштрассе и заперлись внутри. Они осквернили Тору, оставшиеся свитки выбросили из окон на улицу, после этого подожгли купол синагоги⁸. Из всех городских

⁴ Idem.

⁵ Schüler–Springorum, 1996, p. 349.

⁶ Jäger–Dabek B. *Jüdisches Leben in Ostpreußen*. Berlin, 2004, p. 11.

⁷ Цит. по: Leiserowitz R. *Wenn doch bloß dieser hässliche Krieg vorbei sei. Jüdisches Leben in der ostpreussischen Provinz (1939–1943)*, p. 2. // http://www.judeninostpreussen.de/upload/pdf/Juden_1941–43_in_der_ostpreussischen_Provinz.pdf (дата обращения: 5 ноября 2013 г.)

⁸ Propp A. *Memoirs – November, 1938 in Königsberg* //

<http://www.danpropp.com/arthur.cfm> (дата обращения: 8 ноября 2013 г.)

синагог «Хрустальную ночь» пережила только одна – синагога ортодоксальной общины⁹.

С началом Второй мировой войны кёнигсбергское еврейское население города подверглись множеству новых ограничений: отныне в определенное время им было запрещено выходить из своих домов и квартир, покупки в магазинах евреи могли совершать лишь в установленные для этого часы, вместе с этим прослеживалась и дискриминация при распределении товаров первой необходимости и продуктов питания, также евреям было запрещено пользоваться какими-либо средствами связи. Вскоре начались принудительные работы, изъятие радиоприемников и теплой одежды. С 1 сентября 1939 г. все евреи должны были носить вне дома на одежде заметные для всех «еврейские звезды». Несколько позже начались депортации с утратой гражданства и лишением имущества. В Кёнигсберге они были осуществлены массовыми транспортом в 1942–1943 гг.¹⁰.

Еще с 1939 г. существовало несколько различных способов изгнания евреев, которые преследовали цель изолировать их от немецких сограждан.

Многие евреи эмигрировали самостоятельно, а кто не успел – отправлялись товарными составами в концентрационные лагеря. К 1942 г. около 1000 евреев из Кёнигсберга погибли в лагере Терезиенштадт¹¹.

Мужчины, которые были арестованы после ноябрьского погрома и отправлены в лагерь, отпускались со своей семьей при условии эмиграции из империи. Если семьи не хотели добровольно покинуть Германию, речь шла о вынужденном выезде. В основном евреев насильно отправляли в Шанхай.

Но не всегда отправка евреев из империи носила подобный принудительный характер. Так еврейские дети были вывезены в Великобританию в ходе спасательной операции «Киндертранспорт», подготовленной «Центральным британским фондом немецких евреев». В Англии евреи были расселены в приемных

⁹ Службы в единственной уцелевшей синагоге проводились и в 1942 г. для тех немногих, кто все-таки остался в городе. В августе 1944 г. во время налета британской авиации на Кёнигсберг была уничтожена последняя синагога.

¹⁰ Jäger–Dabek, 2004, p. 14.

¹¹ Schüler–Springorum, 1996, p. 357.

семьях, хостелах и фермах страны. Большинству детей удалось пережить войну, но совсем немногим посчастливилось найти своих родителей, воссоединиться с ними, ведь зачастую эти дети были единственными членами своих семей, пережившими Холокост. Сколько восточнопрусских детей было отправлены в Великобританию, до сих пор неизвестно¹².

После 1933 г. число евреев в Кёнигсберге неуклонно сокращалось. Если в 1931 г. евреев было более 4 тыс., то уже к 1939 г. их оставалось чуть более полутора тысяч. Необходимо отметить, что еврейская община со второй половины 1939 г. состояла преимущественно из людей пожилого возраста. В их числе было много одиноких женщин, которые потеряли супругов в результате Первой мировой войны¹³.

Возвращаясь к ключевому событию – к чудовищной «Хрустальной ночи», отмечу, что ее последствия были несколько смягчены географическим положением Кёнигсберга. Концлагерей в Восточной Пруссии еще не было, этапировать заключенных в Германию через «данцигский коридор» – слишком сложно и хлопотно. Арестованных разместили в городской тюрьме и в старом здании пожарной охраны. Продержав четыре недели и вынудив «продать» имущество, всех задержанных нацисты отпустили.

«Хрустальная ночь» внесла глубокие изменения в жизнь кёнигсбергских евреев. Всевозможные ограничения прав евреев привели к тому, что уже к началу Второй мировой войны общественная жизнь кёнигсбергских евреев постепенно угасает. Отныне заниматься она могла только некоторыми разрешенными делами – богослужением, погребением, благотворительностью, обучением, эмиграцией. Община просуществовала еще несколько лет до ее роспуска по распоряжению правительства 10 мая 1943 г.

«Хрустальная ночь» – первая крупная акция физического насилия по отношению к еврейскому населению Кёнигсберга, оставившая кровавые раны в душе каждого еврея, жившего в городе. Масштабный погром считается фактическим началом Холокоста.

¹² Leiserowitz. *Wenn doch bloß*, p. 5.

¹³ Idem, p. 6.

«ХРУСТАЛЬНАЯ НОЧЬ»: ИСТОРИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Kristallnacht: Its History and Consequences

Общегерманский погром ноября 1938 г. «Хрустальная ночь»: конец начала, начало конца

*Майкл Беренбаум
(Лос Анжелес, США)*

Семьдесят пять лет назад в Германии прошла серия погромов. Более 1000 синагог были сожжены, свитки Торы и святые книги – Библии и молитвенники – погибли в огне. Более 7000 еврейских предприятий были разграблены и 30000 мужчин в возрасте от 16 до 60 лет были арестованы и отправлены в новые и расширенные немецкие концлагеря, такие как Дахау, Заксенхаузен, Бухенвальд. Эти погромы получили красивое имя «Хрустальная ночь»; под этим названием они и вошли в историю.

Несколько слов о языке: нацисты сознательно, намеренно и лживо пользовались языком. «Переселение на восток» означало не переселение на восток, а депортации в лагеря смерти. Под «исполнительными мерами» подразумевались массовые расстрелы. Только один термин они использовали правильно: «Окончательное решение еврейского вопроса». Это подразумевало уничтожение евреев; всех евреев – мужчин, женщин и детей. И оно было окончательным.

За последние 30 лет немцы перестали говорить «Хрустальная ночь»; ими используется термин «Общегерманский погром ноября 1938 года». Хрусталь прекрасен; он имеет определенный звук и определенную хрупкость. Общегерманский погром – это гораздо более глубокое явление; это санкционированное насилие в отношении к евреям.

Несколько слов о синагогах в Германии. Перри Марголис, исследователь из Милуоки (штат Висконсин), собрал много исторических данных о немецких синагогах и их месте в планах городов, сопоставил с величественными соборами, известными церквями и общим пейзажем немецких городов. Надо понять роль синагоги в немецкой жизни, чтобы осознать, что их уничтожение имело отношение не только к евреям, но и к Германии.

Я родом из общины Лос-Анджелеса, в котором живут 600000 евреев и, вероятно, находится менее 200 синагог. А на 525000 евреев в Германии приходилось 2 200 синагог.

Эти синагоги стали еврейской частью немецкого общества. Они часто строились в треугольнике, состоящем из католического собора и протестантских церквей, чтобы подчеркнуть плюралистический и многоконфессиональный характер Германии, а также отразить значительный прогресс, достигнутый евреями. Строительство таких величественных зданий служило для евреев способом подчеркнуть их присутствие и их значимость.

Первым еврейским общественным имуществом в США были не синагоги, а кладбища. Евреи могли лишь арендовать любое помещение и использовать его в качестве синагоги. Когда евреи пришли в Новый Амстердам (который позже стал называться Нью-Йорком), одним из явных ограничений, наложенных на них Петером Стюивесантом, давшего разрешение еврейской общине поселиться в городе, был запрет строить дома для общественного богослужения. Прошло почти столетие, прежде чем американские евреи смогли построить синагогу. Еще больше времени потребовалось, чтобы синагоги вписались в ландшафт города.

В тот вечер нацисты показали наиболее явным и публичным образом, как далеко они готовы были пойти и какую цену заплатить, чтобы вырвать еврейскую общину из единой картины немецкой жизни.

Несколько слов об эволюции немецкой политики. Если Вы хотите знать о первых восьми годах того, что мы сейчас называем Холокостом, Вы должны знать три слова:

- Определение.
- Экспроприация (ее можно также назвать «обратная эмансипация» — изоляция, лишение гражданских прав и свобод, установление апартеида).
- Концентрация.

Гитлер пришел к власти с антисемитской, расистской и экспансионистской повесткой дня. Он поведал миру о том, что собирается делать, в своей книге «Майн Кампф», а также во многих публичных выступлениях. Но его аудитория ощущала, что имелось противоречие между тем, что он говорил и тем, что, по их мнению, он сможет сделать. Ему просто не верили. Консервативные политические лидеры предполагали, что, придя к власти, ответственность, связанная с занимаемой должностью, вы-

нудит его проявить умеренность. А они будут направлять и контролировать его.

Между прочим, евреи иногда благоразумно воспринимают угрозы всерьез, а обещания – несерьезно.

Гитлер открыто объявил о том, что он собирался сделать. В дальнейшем немецкая политика, в той форме, в какой она развивалась с 1933 г., преследовала две цели: в расовой политике – установление господства высшей расы; в экспансионистской политике – предоставление Германии *Lebensraum*, жизненного пространства, дабы она могла дышать, процветать и расширяться.

Антиеврейская политика развивалась волнами. Гитлер пришел к власти 30 января 1933 г. Первая атака была проведена на политические институты Германии; она включала поджог Рейхстага и затем принятие закона, приостановившего работу парламента и давшего Гитлеру диктаторские полномочия.

22 марта был создан первый концлагерь в Дахау, а 1 апреля 1933 г. был нанесен первый удар по евреям – бойкот. Этот первый удар носил экономический характер – бойкот еврейских предприятий, за которым семь дней спустя последовало изгнание евреев с государственной службы, в том числе – педагогов средних школ, преподавателей ВУЗов, врачей и медсестер в больницах, адвокатов и судей, а также обычных госслужащих.

10 мая, в сотый день пребывания Гитлера в должности канцлера, были сожжены книги, признанные антинемецкими, авторами которых были, в основном, евреи, но не только. Среди них – Зигмунд Фрейд и Альберт Эйнштейн, а также книги Джека Лондона и Хелен Келлер. Полтора века назад великий немецкий писатель еврейского происхождения Генрих Гейне сказал: «Где сжигают книги, там рано или поздно начнут сжигать людей».

Расстояние между сжиганием книг и людей заняло всего восемь коротких лет. В тот момент антиеврейская политика застыла на некоторое время. И появилась «новая нормальность», заключающаяся в том, что вы живете в состоянии неуверенности, не зная – ухудшится ситуация или улучшится, или же она стабилизируется. Эта новая «нормальная жизнь» состояла из огромной неуверенности. Есть горькая шутка о том, как евреи реагировали на нацистскую Германию: «пессимисты ушли, оптимисты умерли».

Если вы полагали, что ситуация была ужасной и будет только ухудшаться, вы предпринимали шаги, которые необходимо было предпринять, чтобы уехать. Если вы верили, что ситуация не может уже больше ухудшиться, а дальше произойдет стабилизация, и вы в состоянии это выдержать, то вы оставались и, в конечном счете, погибали. По иронии судьбы, обратное утверждение было верно для описания спасения. Пессимисты утверждали, что ничего нельзя поделать, и ничего не делалось. Оптимисты заявляли, что мы должны сделать хоть что-нибудь, что угодно, но их считали безумцами.

До начала войны немецкая политика была направлена на то, чтобы заставить евреев эмигрировать: если государственная политика и поведение обыкновенных немцев сделает повседневную жизнь невыносимой для евреев, то они уйдут. Охарактеризовать эту политику можно в двух словах: тяни-толкай. Вы выталкиваете людей оттуда, где они находятся, или тяните их, привлекая куда-то еще. Германская идея заключалась в следующем: если мы сделаем невозможным для евреев жить как евреи, то они уедут. И 30000 евреев уехали в первые же месяцы после прихода Гитлера к власти. К сожалению, одни вернулись спустя некоторое время, а другие просто не уехали достаточно далеко. Они снова столкнулись с немцами, когда вермахт вторгся в Западную Европу в 1940 г.

В 1935 г. в нацистских законах было дано определение евреев с биологической точки зрения, с учетом религии их бабушек и дедушек. Это создало странную ситуацию, при которой все католические священники и монахи, протестантские пасторы и теологи были классифицированы государством как евреи. Возникла аномалия: церковь боролась с государством, в первую очередь, в отношении тех людей еврейского происхождения, кого они считали христианами, потому что они были крещены. Но церковь не поднимала более широкий вопрос об общей политике дискриминации и антисемитизма.

Антиеврейская политика была приостановлена на некоторое время в период Олимпиады 1936 года. Исчезли граффити; надписи на скамейках «Не для евреев!» закрашили; нацисты получили инструкции вести себя мирно.

Давайте поговорим о синагоге.

Но прежде чем мы это сделаем, я хочу подчеркнуть принцип, который часто упускается из виду историками Холокоста. То, что евреи были бессильны, не означает, что они были пассивны.

Позвольте мне повторить: евреи были бессильны, но это не означает, что они были пассивны.

Как же немецкая синагога функционировала в нацистской Германии? В понедельник она становилась театром, потому что еврейские актеры не могли выступать на немецкой сцене. Во вторник она становилась симфоническим залом, так как музыканты-евреи были уволены из немецкого оркестра. В среду – оперой, потому что оперным певцам нужно было место, чтобы заработать себе на жизнь. В течение дня синагога служила школой для еврейских детей, отчисленных из немецких школ. Их учителями часто были профессора, писатели и художники, пытавшиеся выжить в новом мире. Учителем рисования мог быть художник мирового класса; учителем музыки – известный пианист. Еврейская школа была самым безопасным местом для еврейского ребенка, а самое опасное – дорога в школу и обратно. Издевательства были обычным явлением; запугивание было принято, насилие было санкционировано. Педагоги делали вид, что ничего не замечают, даже если они прямо и не поощряли насилие.

В понедельник утром синагога становилась местом для распределения социальной помощи. По понедельникам, вторникам и средам в синагоге проходили занятия по обучению евреев «мобильным профессиям», поскольку не было лучшего способа выжить, кроме как уехать, овладев востребованной профессией, чтобы вы смогли заработать себе на хлеб в стране, в которую вам предстояло иммигрировать. Что такое мобильная профессия? Сантехник, электрик и работник сельского хозяйства – вот мобильные профессии. Врачи и юристы таковыми не являются. Бухгалтеры мобильны, но не те бухгалтеры, мастерство которых часто зависит от их знания налогового законодательства. Даже нянька – это мобильная профессия. Врачи к этому не относятся из-за сложновыполнимых требований к лицензированию. Архитекторы – это мобильная профессия, также как и писатели; но музыканты, конечно, таковыми не являются.

Синагоги стали учебным центром для поколения, которое находилось на пути в изгнание. Проблема заключалась не в том,

что евреи не хотели уезжать. Сложность состояла в том, что идти было некуда, по крайней мере, не такому большому количеству людей.

Синагога была также местом, где преподавали людям, которые не знали, что значит быть евреем. Великий еврейский философ Мартин Бубер остался до марта 1938 г., т. е. почти до самого конца, потому что он основал Институт иудаики для взрослых, чтобы попытаться помочь людям найти внутренние ресурсы для того, чтобы выжить в условиях крайней деградации и унижения. Он пытался дать им духовные силы, чтобы носить с гордостью еврейскую звезду.

Синагога сохранилась также и как место, где читались молитвы, но молитвы приобрели новый смысл, новую актуальность.

Две истории

Раввин Лео Бек хотел научить евреев, как реагировать на ту жизнь, которую они вели. Он написал молитву на Йом-Кипур 1935 года, которую читали в синагогах по всей Германии. Он должен был быть осторожен в том, что он говорил, иначе его могли арестовать. Молитва, которую он написал, была копией Алейну: «Мы низко склоняем головы и преклоняем колени перед Королем, Царем Царей, Святым, Благословен Он». И добавил слова: «Но мы стоим прямо перед человеком».

Раввину Иоахиму Принцу, который был одним из последних раввинов в Берлине, впоследствии обращавшийся к собравшимся у монумента Вашингтону в августе 1963 г. перед тем, как Мартин Лютер Кинг произнес свою бессмертную речь «У меня есть мечта», было запрещено проповедовать в 1937 году. В тот момент молитва была еще разрешена, и люди еще могли собраться для молитвы. Он спросил офицера гестапо: «Могу ли я вести молитву?» Гестаповец ответил: «Конечно, Вы можете вести молитву». И он читал в ней те строки, которые традиционные евреи читают три раза в день, но теперь они звучали иначе. Есть люди, которые произносили эти слова тысячи раз, но никогда не обращали на это внимание. Он заставлял молящихся повторять эти слова снова и снова на иврите, на языке, который гестаповец не мог понять: «ве-хол ха-хошвим алай ра махер хафер эцатам ва-калкел махшшевотам» («И всех, кто замышляют против меня зло, [про-

шу тебя, Господи], быстро нарушь их намерения и сорви их планы»). Иными словами: «Пусть Бог наведет смятение на наших притеснителей».

Собрание повторяло эти слова снова и снова, пока до них постепенно доходил смысл слов (их перевод был в молитвеннике на немецком). Только те, кто не смогли уследить за переходом с иврита на немецкий, не смогли понять смысла.

Само событие

Вечером 9 ноября 1938 г. насилие против евреев вспыхнуло на всей территории Рейха, который с марта 1938 г. включал также Австрию. Эта вспышка казалась спонтанным взрывом народного гнева по поводу убийства сотрудника немецкого посольства в Париже семнадцатилетним еврейским юношей Гершелем Гриншпаном. Однако это насилие срежиссировано в деталях. 28 октября польские евреи, проживающие в Германии, были изгнаны из страны. Они не были допущены в Польшу, так как 29 октября польский МИД аннулировал их паспорта. Они были вынуждены жить, находясь в отчаянном положении, на нейтральной территории, у приграничного города Збеншин. 3 ноября Гершель получил открытку от своей сестры Берты, описывающую тяжелое положение семьи. И он перешагнул черту.

Это убийство стало поводом для «Хрустальной ночи». И в прошлом были убийства, в том числе и совершенные евреями, но они не вызвали такой отклик. 9 ноября совпало с юбилеем провалившегося гитлеровского путча 1923 г., отмечавшегося среди нацистских ветеранов. В 23 ч. 55 м. 9 ноября шеф гестапо Генрих Мюллер отправил телеграмму во все полицейские подразделения: «В кратчайшие сроки действия против евреев и, особенно, их синагог будут проходить по всей Германии. Этому не надо препятствовать...» Свидетели насилия и полиция должны были арестовывать жертв. Пожарным службам было поручено не защищать синагоги, но убедиться, что огонь не будет распространяться на соседние арийские здания.

В течение 48 часов более чем 1000 синагог были сожжены вместе с имевшимися в них свитками Торы, Библии и молитвенных книг; 30000 евреев были арестованы и отправлены в концлагеря, 7000 частных предприятий были разгромлены и разграбле-

ны, а 236 евреев (обычно в литературе фигурирует цифра 91. – *Ред.*) были убиты. Еврейские кладбища, больницы, школы и дома были разрушены.

Час за часом темпы погрома усиливались; ежеминутно увеличивался ущерб. Ни одно еврейское учреждение, предприятие или дом не были в безопасности. Террор, направленный против евреев, был часто результатом действий не чужаков, а соседей.

После «Хрустальной ночи» евреи в Германии остались без своих синагог. Многие потеряли свои предприятия и дома. Концлагеря Бухенвальд, Дахау и Заксенхаузен были переполнены новыми еврейскими заключенными.

Когда огонь спал, погрому было дано красивое имя – «Хрустальная ночь».

Большинство евреев не питали иллюзий. Их жизнь в Рейхе была более невозможна. Многие покончили с собой. Наиболее отчаявшиеся пытались уехать. Ненужные дома; но и за рубежом у них было только несколько мест, где можно было спастись. Они не могли оставаться. Но им некуда было уехать!

Немцы тоже извлекли важные уроки. Из-за буржуазной чувствительности немцев – городских жителей многие из них были несогласны с тем, что произошло во время «Хрустальной ночи». Бурный характер погромов и взрывное насилие, применявшееся СА, вскоре сменилось холодным, расчетливым, дисциплинированным и контролируемым насилием СС. Они расправятся с евреями так, что большинство немцев и не увидят этого.

На 12 ноября 1938 г. рейхсмаршал авиации Геринг созвал совещание нацистских чиновников, чтобы разобраться с проблемами, возникшими в результате «Хрустальной ночи». Историкам повезло, что сохранились стенографические записи этой встречи, потому что немногие документы свидетельствуют более откровенно о немецкой политике в отношении евреев в этот переходный момент. Иозеф Геббельс, имевший степень доктора философии Гейдельбергского университета, а в тот момент занимавший пост министра народного просвещения и пропаганды, присутствовал на заседании. У нескольких министерств, включая юстиции и экономики, оказались неотложные дела в связи с «Хрустальной ночью», а одна отрасль – страхование – могла потерять гигант-

ские суммы денег по итогам этой встречи, если бы ей пришлось оплачивать иски от тех, чье имущество было уничтожено.

Геринг был явно встревожен ущербом двух дней вакханалии, но не еврейским магазинам, домам или синагогам, а немецкой экономике. «Это безумие сжигать еврейский склад, а затем требовать, чтобы немецкая страховая компания возместила убыток, – сказал он. – Мы страдаем – не евреи».

Была предложена идея, как решить еврейскую проблему раз и навсегда. Но в 1938 г. ее смысл был экономический. Только позже, к 1941 г., это стало языком геноцида.

Обратите внимание на озабоченность вопросами законности и поддержания стабильности экономики. Таким образом, в то время как экономическое устранение евреев не могло быть осуществлено мгновенно, направление политики было очевидно. Евреи должны исчезнуть из немецкой экономической жизни.

Когда поднимался вопрос об иностранных евреях, то МИД проявил интерес, полагая, что вопрос находится в его ведении. Его опасения были учтены, но не полностью. С ними будут консультироваться только в крупных вопросах, но не во всех случаях.

На этой встрече было много торговли и немного «мозгового штурма». Некоторые конкретные результаты были достигнуты: экономический эффект от них будет смертельным для евреев. Еврейская община будет оштрафована на 1 млрд рейхсмарок; евреи будут отвечать за понесенные ими убытки, они не смогут подавать страховые иски.

Был введен в действие апартеид. Евреям было запрещено появляться в театрах; в поездах они стали ездить в отдельных купе; им было отказано в посещении немецких школ и парков; с 1 января 1939 г. евреям будет запрещено заниматься розничной торговлей.

Была выражена озабоченность по поводу тех, кто грабил: добыча в виде мехов и драгоценностей принадлежит государству, а не частным лицам. И в заключение Геринг выразил сожаление по поводу всей этой истории. «Я предпочел бы, чтобы вы убили 200 евреев, а не уничтожали такие ценности». И заканчивает он на иронической ноте: «Я бы не хотел быть евреем в Германии!»

Посредством нескольких политических решений нацисты превратили «Хрустальную ночь» в программу устранения евреев из экономической жизни Германии:

* Виновные не были привлечены к уголовной ответственности. У них якобы «были причины такого поведения».

* Руины разрушенных синагог должны были быть очищены еврейской общиной. Еврейские требования компенсаций были узурпированы Рейхом; еврейские владельцы недвижимости вынуждены были ремонтировать ее за свой счет.

* Немецкие евреи не могли подать иски за причиненный ущерб.

* На еврейскую общину был наложен коллективный штраф в один миллиард рейхсмарок (\$400000000 по курсу 1938 г.).

15 ноября евреям было запрещено посещать школы. Две недели спустя власти получили право вводить комендантский час. К декабрю евреям было запрещено посещать большинство общественных мест. С января 1939 г. все мужчины-евреи были обязаны принять второе имя «Израиль»; все еврейские женщины – «Сара».

Ноябрьские погромы были последним проявлением уличного насилия против евреев в Германии. В то время как евреи могли оставить свои дома, не опасаясь нападения, смертельный процесс разрушения, более эффективный и более опасный, был запущен.

Евреи, которые были арестованы и отправлены в концлагеря были «счастливчиками». Если они получали визу, чтобы покинуть страну, они могли быть освобождены из концлагеря. И еврейские женщины, матери своих сыновей, жены своих мужей, сестры своих братьев, друзья друзей, делали все возможное, чтобы добиться освобождения своих близких. Вопрос был теперь не в том, следует ли уехать или когда уехать, но только в том, как выбраться, и никакая цена не казалась слишком высокой.

Давайте теперь обратимся к американской реакции.

Американский ответ на погромы 1938 г. был любопытным. К 1938 г. Америка являлась воплощением идеи свободы религии. Ни одно другое событие не удостоилось такого всеобщего осуждения. От крайне правых до крайне левых; католики, протестанты и другие резко осудили «Хрустальную ночь». Если вы поджигаете синагогу, вы разрушаете свободу вероисповедания. Президент Франклин Рузвельт отозвал американского посла в Германии до-

мой, сделав самый значительный дипломатический демарш по сравнению с другими мировыми лидерами, но не разорвал дипломатические отношения. Но общественное мнение по вопросу об иммиграции не сдвинулось более чем на 3%.

Это все равно, как если бы американское правительство заявило: «Мы ненавидим то, что они сделали, но мы не хотим их здесь. Они не должны занять рабочие места американцев. Мы презираем то, что произошло, но это вовсе не означает, что наша политика должна измениться».

Какой была реакция еврейских общин в Германии и Австрии? Она была весьма простой, выражаясь словами Генри Киссинджера, чья семья бежала: «В случае моей семьи, речь шла не о предсмотрительности, а только о возможностях». Не нужно было обладать большой мудростью, чтобы знать, что нужно бежать. Вы должны были просто найти место, куда уехать; любое место. И быть готовым платить за результаты, что означало убытки, переезды с насиженных мест в сторону неопределенности; жизнь беженца и тому подобное.

Некоторые евреи были настолько уверены, что события будут только ухудшаться, что они послали своих детей в Англию, к приемным родителям, в рамках проекта, который получил название «детский транспорт» (Kindertransport). Десять тысяч еврейских детей были отправлены в Англию; многие никогда не увидели своих родителей снова. Они хотели, чтобы их дети выжили. Ни один родитель в нормальных условиях никогда не передал бы своего ребенка на воспитание чужому человеку, если только он не понимал, насколько отчаянным было положение. Они любили своих детей настолько, что готовы были отказаться от них.

Предпринятая по инициативе сенатора Роберта Вагнера и конгрессмена Эдита Роджерса попытка привезти в США 20000 еврейских детей не удалась. Конгресс боялся, что дети вырастут и займут рабочие места, предназначенные для американцев.

Совершая нападения на синагоги, нацисты нападали не только на душу и сердце еврейской общины, они также нападали на учреждения, которые отреагировали на катастрофу. Нацисты лишили евреев всего, приблизительно напоминающего общественную жизнь или общинную жизнь. И они яростно вырвали их из немецкого общества.

Поэтому сегодня мы помним.

Мы вспоминаем с гордостью о значительной роли синагоги в немецком обществе.

Мы помним жестокость, которая выплеснулась в эту ночь 75 лет назад.

Мы помним прохожих, которые смотрели, как горят синагоги и которые приводили своих детей посмотреть на это.

Мы помним возмущение мира, которое не переросло во что-нибудь серьезное, что могло бы повлиять на ситуацию.

Мы вспоминаем мужество евреев, которые поняли, что им нужно бежать, и они бежали; и отчаяние евреев, которые знали, что они должны были бежать и не смогли найти место, куда бежать.

И мы помним: к сожалению, это было только начало. Конец начала и начало конца.

The Reich Pogroms of November 1938: The End of the Beginning and the Beginning of the End

Michael Berenbaum
(Los Angeles, USA)

Seventy Five years ago this week, a series of pogroms took place in Germany, which by then included Austria. More than 1,000 synagogues were burned, their pews destroyed, sacred Torah scrolls and holy books – Bibles and Prayer Books – set aflame. More than 7,000 Jewish businesses were ransacked and 30,000 men age 16–60 were arrested and sent off to newly expanded German concentration camps, most especially, Dachau, Sachsenhausen and Buchenwald. These pogroms were given a fancy name Kristallnacht and it is by that name that they are best known.

A word about language: The Nazi used language deliberately, deliberately and deceptively. “Resettlement in the East” did not mean resettlement in the east. It meant deportation to death camps. “Executive Measures” was the way the Nazis referred to mass executions. They used one terms correctly: “The Final Solution to the Jewish Problem”, the annihilation of the Jews, all Jews, men, women and children was all too final.

Over the past 30 years the Germans have ceased to refer to Kristallnacht as Kristallnacht but as the Reich Pogroms of November 1938. Crystal is beautiful, Crystal is lovely, Crystal has a certain sound to it and a certain delicacy to it, the Reich’s pogroms tells a much deeper truth, sanctioned violence against the Jews.

A word about the synagogues in Germany: There is a researcher in Milwaukee Wisconsin, Perry Margolis who has gathered the historical record of German synagogues and their place within the city plans, their juxtaposition to the grand Cathedrals, the prominent Churches and the downtown landscape of German cities. One must understand the role of the synagogue in German national life to begin to understand what the burning of these structures meant not only to the Jews but to Germany as well.

There were 2,200 synagogues in Germany for 525,000 Jews. I come from a community of Los Angeles which has 600,000 Jews, and may not have 200 synagogues. So the 525,000 Jews in Germany had

two thousand two hundred synagogues and those synagogues became part of the public manifestation, the public presence of Jews in German society.

They were often built in triangulation with the Cathedral and the Protestant Churches to indicate that Germany was a pluralistic, multi religious community and the synagogues that were built were an expression of the great progress that the Jews had made within Germany. By building buildings of significance, Jews made their presence and their prominence manifest.

The first piece of Jewish property in the United States was not a synagogue, but a cemetery. Jews were commanded to own their cemeteries, they could rent any facility to be a synagogue, and in fact when Jews came to the New Amsterdam [which later became New York] one of the explicit restrictions imposed by Peter Stuyvesant when he accepted the Jewish community (under duress) was that they could not build houses of public worship and it took the Jews in what later became the United States, almost a century before they could build a synagogue. Even then it took a longer time for synagogues to make themselves manifest within the landscape of the city.

So what the Nazis were doing that night was to essentially show the most physical, the most public way imaginable how far they were willing to go, what price they were willing to pay, to tear the Jewish community out of the fabric of Germany.

A word about the evolution of German policy: If you want to know about the first eight years of what we now call the Holocaust, you have to know three words.

- Definition.
- Expropriation – which can also be called dis-emancipation, segregation, loss of civil rights and civil liberties, introduction of apartheid.
- Concentration.

Hitler came to power with an antisemitic racist, and expansionist agenda. He told the world what he was going to do in his book *Mein Kampf* and in many public addresses. But there was a disconnect among his audience between what he said and what they believed he might do. He simply was not believed. Conservative political leaders presumed that once in power, the responsibility of office would force him to moderate. They would be there to guide him, to control him.

Parenthetically, Jews are sometimes wise to take threats seriously, and promises lightly.

Hitler said what he was going to do, and the rest of German policy as it evolved from 1933 onward was to pursue the two goals, the racial policy: to establish the supremacy of the master race, and the expansionist policy, to give Germany, *Lebensraum* – living space for Germany to be able to breathe, prosper and expand.

Anti-Jewish policies happened in a series of waves. Hitler came to power on 30 January 1933. The first attack was on Germany's political institutions, the burning of the Reichstag and then the enabling legislation that suspended parliamentary rule and gave Hitler dictatorial powers. On 22 March, the first concentration camp was established in Dachau, and on 1 April 1933, the first attack against Jews. – The boycott.

The first attack against Jews was economic. It is the boycott of Jewish businesses followed seven days later by the expulsion of Jews from the civil service, which included teachers in high schools, professors in the universities, doctors and nurses who worked in hospitals, lawyers and judges as well as ordinary civil servants.

And on 10 May, on Hitler's 100th day in office, books were burned that were Un-Germanic, primarily Jewish, but not only Jewish. Sigmund Freud and Albert Einstein but also Jack London and Helene Keller. A century earlier the great German writer of Jewish origin, Heinrich Heine had said, "People who burn books ultimately burn people".

The distance between book burning and people burning was eight short years. But an awful lot of policies.

At that point anti-Jewish policy froze for a while. And the "new normal" came into being. The "new normal" was that you lived in insecurity not knowing if things were going to get worse or get better or would be stabilized. The new normal was a life of enormous insecurity.

There is a bitter ironic joke about Jewish reactions to Nazi Germany: "The pessimists left, the optimists died."

If you believed the situation was terrible and was only going to get worse, you took the type of steps you had to take to leave, and if you believed the situation couldn't get much worse and would be stabilized, and you could endure this, then you stayed; ultimately you didn't leave and died. Ironically, the opposite was true of rescue: "The pessimists

said nothing could be done, and nothing was done. The optimists said we have to do something – anything – and they were regarded as mad.

Until the outbreak of war, German policy was designed to force the Jews to emigrate: if German national policy and the behavior of ordinary Germans makes day-to-day life difficult for the Jews, they will leave. If you want to understand immigration, you can grasp its essence in two words: Push–Pull.

You push – force – people out of where they are or you pull them, you attract them, to somewhere else. The idea in Germany was that if we make it impossible for Jews to live as Jews, they will leave. And 30,000 Jews left in the first months that Hitler came to power. Sadly some returned after a time and some just did not go far enough. They came again under German domination when the Wehrmacht invaded Western Europe in 1940.

In 1935 German law defined Jews biologically based on the religion of their grandparents. This created the bizarre situation: Roman Catholic priests and nuns, Protestant Ministers and theologians were all defined by the state as Jews. They also created a peculiar anomaly by which that church was fighting the state but primarily over those people of Jewish origin whom they regarded as Christian because they been baptized but Churches did not raise the larger issue about the general policy of discrimination and antisemitism

Anti-Jewish policy stopped for a time in 1936 when the Olympics were held in Berlin. Graffiti was removed, segregated benches were covered and the Nazis were instructed to be on good behavior.

Let's talk for a moment about the synagogue.

But before we do, I want to establish a principle often overlooked in Holocaust history. *Just because Jews were powerless, it did not mean they were passive.*

Let me repeat that: *Just because the Jews were powerless, that does not mean they were passive.*

How did the German synagogue function under Nazism?

On Monday it became a theatre because Jewish actors could not perform on the German stage. On Tuesday it became a symphony hall as Jewish musicians were dismissed from German orchestras. On Wednesday it became an opera house, because Opera Singers needed a place to earn a living. During the day, the synagogue served as a school, for Jewish children expelled from German schools. Their

teachers were often professors, writers and artists struggling to survive in a new world. The art teacher might be a world class artist; the music instructor, a concert pianist. The Jewish school was the safest place for a Jewish child; yet the most dangerous part of the students' day was walking to and from school. Harassment was routine, bullying was accepted, violence was sanctioned. Teachers turned their back even when they did not overly encourage the violence.

On Monday morning the synagogue became the place for the distribution of welfare. On Monday Tuesday and Wednesday, classes were convened in the synagogue teaching Jews mobile professions because the best way to survive, the best way to leave is if you had a mobile profession so that you can earn a living in the country to which you must immigrate.

What is a mobile profession? Plumbers, electricians, and agricultural workers are mobile professions. Doctors and lawyers are not. Bookkeepers are mobile, but not accountants whose skill often depends on their knowledge of the tax laws. Even nursing is a mobile profession, Doctors are not because of the licensing requirements are cumbersome. Architects are a mobile profession. So too are musicians but writers certainly are not.

Synagogues were a training center for a generation en route to exile. The problem was not that Jewish did not want to leave. Their problem was that there was nowhere to go, at least not in numbers sufficient to absorb so large a population.

The synagogue was also a place where you taught people who didn't know what it really was to be Jewish.

The great Jewish philosopher Martin Buber stayed until March 1938, until almost the very end, because he had founded an institute for Adult Jewish Studies to try to give people inner resources with which to face extreme degradation and humiliation. He tried to give them the spiritual capacity to wear the Jewish star with pride.

The synagogue remained a place where prayers were recited, but prayers took on a new meaning.

Two stories

Rabbi Leo Baeck wanted to teach the Jews how to respond to the life they were living. He composed a prayer for Yom Kippur 1935, which was read in synagogues throughout Germany. He had to be

careful in what he said or he could be arrested. So listen to what the prayer he wrote. It was a copy of *Aleynu*, “We bow our heads and bend our knees before the King of the King of Kings, the Holy One Blessed be He.” And he added the words, but we stand erect before man”.

“We bow before God but we stand erect before man”, which is a way to tell the community on the most scared of Jewish nights that that part of being a Jew is to stand against the idolatry that they were experiencing all around them.

Rabbi Joachim Prinz, who was one of the last rabbis in Berlin, gave his address to the gathering at the Washington Monument in August 1963 just before Martin Luther King gave his immortal “I Have a Dream” speech, was prohibited from preaching in 1937. At that point prayer was still permitted, people could still assemble for prayer. He asked the Gestapo officer: “Can I lead my Congregation in prayer?” And the Gestapo said, “Of course you can lead your congregation in prayer”. So he read them a line that traditional Jews read three times a day, and the line sounds very different and there are people here who have prayed it thousands of times, but never paid real attention to it, He had his congregation read it again and again in Hebrew, not a language the Gestapo could understand: “*ve chol hachoshvim olay ra'ah, meheyra hofer atzotam ve'kalkel maschshevotam*”. And all who plan evil against me, quickly annul their counsel and frustrate their intentions”. In other words, “Let God confuse our oppressors”.

The congregation read it; they read it again, and they read it again and again. because it was sinking into them as they understood what the translation was in the siddur, what it translated into in Germany, what it, said. The only ones who didn't get it were the ones who couldn't follow the transition from Hebrew into German.

The Event Itself

On the evening of 9 November 1938, anti-Jewish violence erupted throughout the Reich, which since March included Austria. The outburst appeared to be a spontaneous eruption of national anger at the assassination of a minor German embassy official in Paris by a seventeen year-old Jewish youth, Herschel Grynszpan. However, the violence was in fact choreographed in detail. On 28 October, Polish Jews

living in Germany were expelled from the country. They were not admitted to Poland as the Polish Foreign Ministry invalidated their passports effective 29 October. They were forced to live under desperate conditions in no-man's land in the border town of Zbnszyn. On 3 November, Herschel's received a postcard from his sister Berta describing the family's plight. He was pushed over the edge.

The assassination was the pretext for what was to follow. There had been previous assassinations, even assassinations by Jews and not had resulted in such a massive response. November 9th coincided with the anniversary of Hitler's failed 1923 putsch. It was a time of celebration among veteran Nazis.

At 11:55 on the evening of November 9th, Gestapo Chief Heinrich Mueller sent a telegram to all police units: «In shortest order, actions against Jews and especially their synagogues will take place in all Germany. These are not to be interfered with....» Bystanders to the violence, the police were to arrest its victims. Fire companies were instructed to stand by not to protect the synagogues, but to ensure that the flames did not spread to adjacent Aryan property.

Within 48 hours, more than 1,000 synagogues were burned, along with their Torah scrolls, Bibles, and prayer books; 30,000 Jews were arrested and sent to concentration camps, 7,000 businesses were smashed and looted, and 236 Jews were killed. Jewish cemeteries, hospitals, schools, and homes were destroyed.

Hour after hour the pace of the pogrom intensified, minute by minute the damage toll increased. No Jewish institution or business or home was safe. The terror directed at the Jews was often not the action of strangers but neighbors.

In the aftermath of *Kristallnacht*, the Jews in Germany were left without their synagogues. Many had lost their businesses and their homes. The concentration camps of Buchenwald, Dachau and Sachsenhausen were overflowing with new Jewish inmates.

As the fury subsided, the pogrom was given a fancy name: «*Kristallnacht*» – Crystal Night.

Most Jews were without illusions. Jewish life in the Reich was no longer possible. Many committed suicide. Most desperate tried to leave. Unwanted at home, Jews had only a few havens abroad. They could not stay. They had nowhere to go!

Germans too had learned important lessons. Because of the bourgeois sensibilities of the urbanized Germans, many opposed the events of *Kristallnacht*. The sloppiness of the pogroms and the explosive violence of the SA, were soon replaced by the cold, calculated, disciplined and controlled violence of the SS. They would dispose of the Jews out of the view of most Germans.

On 12 November 1938, Fieldmarshall Goering, convened a meeting of Nazi officials to deal with the problems that resulted from *Kristallnacht*. Historians are fortunate that the stenographic records of that meeting survived, for few documents reveal more candidly and more directly German policy toward the Jews at this transitional moment. Joseph Goebbels, a Ph.D. from Heidelberg, and now Minister for Public Enlightenment and Propaganda attended the meeting. Several Ministries had urgent matters including Justice and Economic matters and one industry had much at stake in the outcome of the meeting -- the Insurance Industry which stood to lose huge sums of money if it were to pay claims from those whose property had been destroyed.

Goering was clearly disturbed by the damage of the two day rampage -- not to Jewish shops, homes or synagogues but to the German economy. It's insane to burn a Jewish warehouse and then have a German insurance company pay for the loss, he said. We suffer, not the Jews.

The idea was introduced to solve the Jewish problem once and for all, but in 1938, its meaning was in economic terms. Only later by 1941 would the language be genocidal.

Notice the concern for legality, for maintaining the stability of the economy. Thus, while the economic elimination of the Jews cannot be done all at once, the direction of policy is clear. Jews are to disappear from German economic life. When concerns are raised about foreign Jews, the Foreign Ministry expresses interest, not willing to surrender its authority or preeminence. Their concerns are assuaged by not fully satisfied.

They will be consulted only for important cases, but not for every case.

There was much give and take at the meeting and some brainstorming. Several concrete results are achieved, all economically lethal to the Jews. The community will be fined 1 billion Reichmarks;

Jews will be responsible for cleaning up their losses, they will be barred from collecting insurance.

Apartheid is introduced. Jews barred from theaters; they are travel on separate compartments on trains, they will be denied entry to German schools and parks; by 1 January 1939, Jews are forbidden to operate retail trades.

Concern is expressed for those who looted; the booty in furs and jewels belongs to the State, not to individuals. And in the end Goering expresses regrets over the whole messy business. «I wish you had killed 200 Jews and not destroyed such value». He concludes on a note of irony. «I would not like to be a Jew in Germany!»

By a series of policy decisions, the Nazi transformed *Kristallnacht* into a program eliminating Jews from the German Economic life.

- * The perpetrators were not to be prosecuted. They had «no ignoble motives for their excesses».

- * Rubble of ruined synagogue had to be cleared by the community. Jewish compensation claims were confiscated by the Reich and Jewish property owners were forced to repair their property.

- * Jews of German nationality could not file for damages.

A collective fine of one billion Reichsmark fine (\$400,000,000 in 1938 dollars) was imposed on the Jewish community.

On 15 November, Jews were barred from schools. Two weeks later, authorities were given the right to impose a curfew. By December, Jews were denied access to most public places. By January, all Jewish men had to adopt the middle name of Israel; all Jewish women, Sarah.

The November pogroms were the last occasion for street violence against Jews in Germany. While Jews could leave their homes without fear of attack, a lethal process of destruction which was more effective and more virulent was set in place.

The Jews that were arrested and sent to concentration camps were the “lucky ones”. At that time, if they could get a visa to leave the country, they could be released from the concentration camp. And Jewish women, mothers for their sons, wives for their husbands, sisters for their brothers, friends for friends, left no stone unturned to get their men released. It was no longer a question of whether to leave or when to leave, but only how to leave and no price was too steep to pay.

Let now turn our attention to the American reaction:

The American response to the 1938 pogroms was interesting, in fact damned near fascinating. By 1938, America understood and had embodied the value of freedom of religion. No other event garnered such universal condemnation. From the extreme right to the extreme left, triggered such a reaction Catholic and Protestant and every form of denomination everyone condemned Kristallnacht. If you are setting a synagogue up in smoke, you are destroying freedom of religion. President Franklin Delano Roosevelt called the ambassador home, the most powerful response of any of the leaders, but he didn't sever diplomatic relations. But public opinion on the issue of immigration did not move by more than 3%.

It was as if they said: "We hate what they were doing, but we don't want them here. They can't take American jobs. We despise what has happened, but that doesn't mean our policy has to change".

What was the response of the Jewish community in Germany and Austria? The response was very simply in the words of Henry Kissinger, whose family fled. "In my family's case it took no foresight, merely opportunity". You didn't need to be very smart to know you had to leave. You merely had to find a place to go, anywhere to go to get out and wanted to pay those consequences which meant loss and dislocation the movement beyond certainty and the life of a refugee and the like.

Some Jews were so certain that events were only going to get worse that they sent their children to England, into the arms of strangers, on what became known as the Kindertransport. Ten thousand Jewish children were sent to England, many never saw their parents again. They wanted them to survive. No parent under normal circumstances would give their child to an unknown person, to raise them unless they understood how dire their circumstances were. They loved their children so much that they were willing to give them up.

An effort to bring 20,000 children to the United States led by Senator Robert Wagner and Congresswoman Edith Rogers failed. The Congress feared that children would grow up and take American jobs.

By attacking the synagogue, the Nazis were attacking not only the heart and soul of the Jewish community, they were also attacking the institution that had responded to the catastrophe. The Nazis deprived Jews of anything roughly resembling a public life or a communal life. And they violently ripped them out of the presence of German society.

So tonight we remember.

So tonight we remember with pride the role of the synagogue and the prominence of the synagogue in German society

We remember the cruelty that was inflicted this night 75 years ago.

We remember the bystanders who watched the synagogues burn and who brought their kids to watch the synagogues burn.

We remember the outrage of the world that did not translate into doing something serious about the situation.

We remember the courage of the Jews who understood they had to get out and that got out, and the despair of the Jews who knew they had to get out and couldn't find a place to go.

And we remember sadly that this was only the beginning: it was the end of the beginning and the beginning of the end.

Kristallnacht 1938, History and Memory

Alan E. Steinweis
(Burlington, USA)

The Kristallnacht was a significant event for several reasons¹. It was the single instance of large-scale, public, and organized physical violence against Jews inside Nazi Germany before the outbreak of the Second World War. It unfolded in the open, in hundreds of German communities, even in those with very few Jewish residents, and took place partly in broad daylight; it inaugurated the definitive phase of so-called «Aryanization,» i.e., the coerced expropriation of German Jewish property; it led to a dramatic rise in applications for emigration among German Jews, further exacerbating the Jewish refugee crisis; and it intensified diplomatic tensions between Germany and other countries, which had already suffered considerably as a result of the Sudeten Crisis.

The anti-Jewish violence of the Kristallnacht paled in comparison to the catastrophe that befell European Jews during World War Two. The 1938 pogrom was aimed at a population of German Jews that amounted to around half-a-million people, in contrast to about a million Polish Jews who were subjected to ghettoization and slave labor after 1939, and the multiple millions of Jews from all over Europe who were targeted by the so-called Final Solution. The 1938 pogrom has nonetheless retained a prominent place in the collective memories of Jews, Germans, and others. The purpose of my remarks will be to suggest some reasons for why the event has remained so compelling after so many years. I also hope to explain why some of the ways in which the Kristallnacht has been preserved in popular historical consciousness serve to distort our understanding of the actual events of November 1938.

One reason why the Kristallnacht continues to shock the conscience, despite the magnitude of the subsequent Holocaust, is that the violence of November 1938 was of a form that disturbs us precisely because of its familiar and recognizable nature. It was an act of barba-

¹ The scholarly literature on the Kristallnacht is large. My own contribution is Alan E. Steinweis, *Kristallnacht 1938*, Cambridge, MA, 2009, which contains detailed bibliographical references to earlier work on the subject.

alism, a cathartic outpouring of ethnic and religious hatred on a gigantic scale. In this respect, it was rather different from the Final Solution, which was planned and implemented in a manner that was far more bureaucratic. Of course there were elements of the Final Solution in which barbarism, sadism, and raw hatred were very much on display, but the overall character of the genocide was that of an action that was conceived and executed in a coldly rational way. Historians and philosophers have characterized the Final Solution as a kind of modernity run amok, epitomized by Auschwitz, where an unwanted population was subjected to an industrial process of wealth extraction, killing, and physical disposal². In contrast, there was little about the Kristallnacht that was modern, other than that some of the perpetrators travelled by automobile and communicated via telephone during the pogrom. The primordial quality of the Kristallnacht is precisely what disturbs us most about it. It did not reflect modernity run amok, but rather modernity suspended. In this respect, the Kristallnacht was by no means unprecedented. Jews had fallen victim to pogroms for decades, and large-scale group violence targeted at ethnic minorities were a rather normal occurrence in many societies, including the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries, and the United States during the 1920's. But Germany, where a high value is placed on law and order, did not seem a likely candidate for such violence, even after several years of Nazi rule. The Kristallnacht therefore, marked a breach of civilization in a country that had previously been celebrated, not least among its Jewish citizens, for being civilized.

Even by the standards of Nazi Germany up to that point, the Kristallnacht marked a significant departure from previous practices. Between the Nazi seizure of power in 1933 and November 1938, anti-Jewish measures had been mainly legal and bureaucratic in nature³. It had largely been through the promulgation of laws, decrees, and regulations that German Jews had been deprived of their citizenship, their jobs, and their property, bureaucratic and legal methods of persecution. The disenfranchisement of Jews had taken place within the framework of the law. This process had been spurred on by frequent incidents of violence and intimidation, which, while tolerated and

² Most notably, Zygmunt Bauman, *Modernity and the Holocaust*, Ithaca, NY, 1989.

³ For a comprehensive treatment see Peter Longerich, *Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews*, Oxford, 2010.

sometimes encouraged by the national leadership, were NOT legal. One point that has been emphasized in some recent scholarship is that these illegal acts of violence and intimidation targeted at Jews were more frequent than has generally been recognized in histories of Nazi Germany⁴. Nevertheless, the Kristallnacht did represent an entirely new dimension of antisemitic violence on the part of the Nazis. This was widely recognized at the time by Jews, Germans, and the outside world.

The unprecedented scale and intensity of the violence of November 1938 has led some historians and commentators to characterize the Kristallnacht as a quote-unquote «prelude» to the Holocaust⁵. This term may be justified inasmuch as the scale and destructiveness of the pogrom foreshadowed the mass anti-Jewish violence that occurred later, during World War Two, more than they resembled the sporadic attacks on Jews that had taken place earlier, between 1933 and 1938. But the term «prelude» can also be misleading in two important respects. First, I've already mentioned that pogrom lacked the careful preparation and official coordination that were hallmarks of the «Final Solution», but let me expand on this point. One of the most widely held misconceptions about the Kristallnacht is that it had been planned in advance⁶. But all of the evidence points to the absence of advance preparation, and to a decision by Hitler to unleash the violence during the day on November 9th, only hours in advance of the actual pogrom.⁷ In the enormous documentary record left behind by the Nazi regime, no historian has ever found as much as a single document reflecting a pre-existing plan, advance preparation, or a high-level decision taken before November 9th. A crucial document that we do have is the diary of Nazi propaganda minister Joseph Goebbels, in which Goebbels re-

⁴ Michael Wildt, *Volksgemeinschaft als Selbstermächtigung. Gewalt gegen Juden in der deutschen Provinz 1919 bis 1939*, Hamburg, 2007.

⁵ See, for example, Martin Gilbert, *Kristallnacht: Prelude to Destruction*, New York, 2006.

⁶ For example, on page 26 of the work cited directly above, Martin Gilbert writes, «A violent mass action against the Jews had been in the minds of the Nazi leaders for some time. As vom Rath lay gravely wounded, the moment seemed to have come to bring existing plans into instant readiness». But Gilbert provides no evidence for the existence of such plans.

⁷ The decision-making process preceding the pogrom is examined in my book (cited in note 1), in chapter 3.

ported in some detail about a conversation he had with Hitler on November 9th, which resulted in Hitler authorizing the pogrom⁸. We also have many memoirs and legal testimonies by lower-level Nazi officials to the effect that the order to launch the pogrom in their region or town arrived only late in the evening on November 9th.

So why, then, does the myth persist that the Kristallnacht was planned and prepared-for in advance? One reason is that many German Jews believed this at the time of the event. They could not comprehend that an atrocity of such magnitude could be organized and executed on the spur of the moment. In addition, as thousands of Jewish men who had been arrested in the immediate aftermath of the pogrom arrived in concentration camps, they were informed by existing inmates about recent construction to expand camp capacity. They interpreted the camp expansions as evidence of a Nazi plan to arrest and incarcerate German Jews. At the time this was a very reasonable conclusion, but, as we now know, it was erroneous. The expanded camp capacity had been intended for Germans classified by the Nazi SS as quote-unquote «asocial» or quote-unquote «averse to work», and not for German Jews⁹.

Emphasizing the absence of planning or preparation for the Kristallnacht, which is to say, recognizing the Kristallnacht for the improvised event that it actually was, does not diminish its atrociousness. To the contrary – we must ask how it was possible for an atrocity on that scale to ensue from an improvisation. The answer lies in the

⁸ *Die Tagebücher von Joseph Goebbels*, Elke Fröhlich (ed.), 32 Vols., Munich, 2004–2008, Part 1, Vol. 6, entry for 10 November 1938. This diary entry has also been reprinted in *Die Verfolgung und Ermordung der Europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945*, vol. 2; *Deutsches Reich, 1938–August 1939*, Susanne Heim (ed.), Munich, 2009, Doc. 124.

⁹ See, e.g., K.J. Ball-Kaduri, “Die Vorplanung der Kristallnacht,” *Zeitschrift für die Geschichte der Juden* 3 (1966), pp. 211–216; and Vincent C. Frank, “Neuer Blick auf die Reichskristallnacht: Ungereimtheiten in der Vorgeschichte und bei den Folgen,” *Neue Zürcher Zeitung*, 4 November 1998. Heinrich Himmler had ordered the expansion of the camps as part of a broader campaign he wished to wage against “asocials,” “work-averse” Germans, recidivist criminals, and other categories of suspects. Stefanie Schüler-Springorum, “Masseneinweisungen in Konzentrationslager. Aktion 'Arbeitsscheu Reich', Novemberpogrom, Aktion 'Gewitter'.” *Der Ort des Terrors: Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager*, vol. I: *Die Organisation des Terrors*, Wolfgang Benz and Barbara Distel (eds.), Munich, 2005, pp. 156–164, here pp. 156–157.

readiness of tens of thousands of Germans to perpetrate acts of violence against Jews on a moment's notice. Recognizing the improvised nature of the pogrom does not soften the indictment of German society, it *deepens* it.

The improvised quality of the Kristallnacht distinguished it from the meticulously planned genocide of the war years, which is one reason why I hesitate to refer to the Kristallnacht as a «prelude.» A second reason is the risk of depicting the pogrom as an element of a Nazi master plan culminating in the mass murder of the Jews. In November 1938, no Nazi plan for the mass murder of the Jews yet existed. At that time, Nazi policy toward German Jews focused on compelling them to emigrate. The decision to murder the Jews of Europe, including those who had remained in Germany, emerged in the year 1941. This decision resulted from a complex set of policy considerations that the German leadership did not anticipate in late 1938¹⁰. From our perspective as historians, we look back at history and position the Kristallnacht along a trajectory culminating in genocide. But those who ordered and participated in the pogrom did not necessarily see it that way. It was a «prelude» only to those who know how the story ended.

While the Kristallnacht was not part of a genocidal master plan, it did signal the death knell of Jewish life in Germany. Before November 1938, as badly as the situation had deteriorated, only about one-third of German Jews had emigrated. Many who had tried to leave could find no refuge in their desired destinations. Some hoped that the situation might improve, or at least not deteriorate further. Despite the persecution, one could still live as a Jew in Germany. There were synagogues, Jewish hospitals, Jewish schools, Jewish newspapers, and Jewish cultural organizations¹¹. But after the Kristallnacht, a Jewish future in Germany was no longer possible or imaginable.

The shock of this revelation should not be underestimated. The culture that was now seen as doomed had been a very special one, having produced great accomplishments in science, the arts, and Jewish

¹⁰ Christopher R. Browning, *The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 – March 1942* (with contributions by Jürgen Matthäus), Lincoln, 2004.

¹¹ See the useful essays in *Jewish Life in Nazi Germany: Dilemmas and Responses*, Francis R. Nicosia and David Scrase (eds.), New York, 2010.

thought. Germany had not only produced Einstein, it had also produced Reform Judaism. The Jews of Germany had lived for centuries as a persecuted people, and had then experienced emancipation, integration, economic success, and educational attainment. Between 1914 and 1918, ten thousand Jews had sacrificed their lives for their German Fatherland. The negation of German Jewry as a distinct cultural entity began in 1933, and then reached its point of no return with the Kristallnacht. The pogrom exposed not only the fragility of civilization, but also the reversibility of progress.

In German collective memory of the persecution of the Jews, the Kristallnacht has featured prominently, but in ways that are complex and even contradictory. Germans who have a decent understanding of history are aware of the contribution that Jews had made to German culture. So in addition to recognizing the pogrom as an atrocity against its victims, they see the end of German-Jewish culture as a self-inflicted wound by a nation that rejected an important part of itself.

On the other hand, the memory of the pogrom has been a sanitized one. The mass participation by ordinary Germans in the brutality of the Kristallnacht has largely been forgotten. Instead, there arose a self-exculpatory narrative in which responsibility for the pogrom has been attributed to Adolf Hitler, Joseph Goebbels, and the Stormtroopers of the Nazi party. In this skewed understanding of history, a tiny sliver of German society had carried out the pogrom, while the vast majority had witnessed it passively. This narrative was psychologically comforting and politically convenient in both halves of a divided Germany during the Cold War, and persisted into the post-unification period after 1990¹².

Nowadays, however, a more self-critical understanding of the conduct of the German population during Kristallnacht is gaining wider acceptance. One reason for this is psychological. As the Nazi era recedes further and further into the past, it becomes easier for Germans to acknowledge the complicity of previous generations in the crimes of Nazism. Another reason is an improved understanding of the actual

¹² Harald Schmid, *Erinnern an den «Tag der Schuld»: Das Novemberpogrom von 1938 in der deutschen Geschichtspolitik*, Hamburg, 2001; *Antifaschismus und Judenverfolgung: Die «Reichskristallnacht» als politischer Gedenktag in der DDR*, Göttingen, 2004.

events of November 1938. Although the Kristallnacht now lies three-quarters of a century in the past, new research on the subject is by no means closed. Our knowledge of the Kristallnacht has been significantly enhanced by historical documentation that until recently had been very difficult to access. Let me provide three examples.

First, there are trial records. After 1945, thousands of Germans were prosecuted before German courts for their involvement in the Kristallnacht¹³. The records of these trials were stored for decades in the archives of German district courts, where theoretically they were available for research, but on a practical level were extremely difficult to use. These records have recently been integrated into a massive digital data base of materials relating to prosecutions for Nazi crimes, which researchers can use at the Institute for Contemporary History in Munich¹⁴. The trial records reveal a great deal about the biographies of the perpetrators of the pogrom, about relations between Jews and the majority population on the eve of the event, and about how the violence played itself out in specific urban neighborhoods and rural towns. They show that active participation in the pogrom extended far beyond the Nazi Stormtroopers to include large numbers of so-called «ordinary Germans,» including many teenagers and many women, the latter having played a particularly important role in the looting of Jewish homes and Jewish-owned businesses after these had been vandalized by the male rioters.

A second major source for research is a large collection of testimony given by Jews who experienced the Kristallnacht first-hand¹⁵. These testimonies were recorded in Amsterdam and London within weeks of the pogrom, as Jewish refugees from Germany arrived in those cities, and were ultimately deposited in the Wiener Library in London, an institution devoted to documenting the Holocaust. Although the testimonies had been open for research in the Wiener Library for many years, they were indexed and published only in 2008. The value of the Wiener Library Reports derives not only from the

¹³ Edith Raim, *Justiz zwischen Diktatur und Demokratie: Wiederaufbau und Ahndung von NS-Verbrechen in Westdeutschland 1945–1949*, Munich, 2013.

¹⁴ The database is described at the following link: <http://www.ifz-muenchen.de/das-archiv/benutzung-und-service/nsg-datenbank/> (Accessed on 8 December 2013).

¹⁵ *Novemberpogrom 1938: Die Augenzeugenberichte der Wiener Library London*, Ben Barkow, Raphael Gross, and Michael Lenarz (eds.), Frankfurt, 2008.

fact that they reflect a Jewish perspective on the events, but also from the fact that they were recorded so soon after the pogrom, when memories were still very fresh, and before impressions could be shaded by knowledge of the genocide that still lay in the future. These Jewish testimonies corroborate a broad participation in the pogrom by ordinary Germans. But they also contain many stories about Germans coming to the assistance of Jews during the pogrom, either by offering shelter or by attempting to ward off attackers. These decent and courageous people also do not conform into the widely held stereotype of the «passive» bystander.

The third new source at the disposal of historians is a massive collection of reports in which Nazi officials recorded their impressions of how the German public responded to the persecution, deportation, and murder of the Jews between 1933 and 1945. These documents remained dispersed among dozens of local and regional German archives after 1945. As the result of a joint project by German and Israeli scholars, these documents, which are exactly 3,744 in number, were collected and published on a CD-Rom, which scholars like myself, and their students who read German, can download onto their laptops¹⁶. A volume containing 752 of these documents in English translation was published by Yale University Press in 2010¹⁷.

Several hundred of these documents address German responses to the Kristallnacht. Political authorities and police agencies were quite systematic in their efforts to take stock of the depth and breadth of the pogrom, quantify the physical destruction, and gauge the reactions of the population. The reports tend to validate the established view that the national orgy of violence was not well received by the majority of the German population. Yet, they also suggest that the minority of Germans who applauded the pogrom was larger than has typically been acknowledged. Consider the following statement by the mayor of Borgentreich, an administrative district in northwestern Germany:

In many instances, the population has no understanding for the operation, or better, did not wish to understand it. The Jews were also the

¹⁶ *Die Juden in den geheimen NS-Stimmungsberichten, 1933–1945*, Otto Dov Kulka and Eberhard Jäckel (eds.), Düsseldorf, 2004.

¹⁷ *The Jews in the Secret Nazi Reports on Popular Opinion in Germany, 1933–1945*, Otto Dov Kulka and Eberhard Jäckel (eds.), translated by William Templer, New Haven, 2010.

object of pity, especially because their property had been damaged and the male Jews had been taken to a concentration camp. This mood in the population was certainly not the general feeling, but I would estimate that at least sixty percent of the population here was thinking along these lines (Doc. 368).

The official was concerned that a majority of the citizens in his jurisdiction had reacted negatively to the pogrom, but this implies that as much as forty percent of the population did not share this view. While precise quantification of the reactions are not possible, it is clear from this and many similar documents that the number of Germans who were prepared to accept the use of officially sanctioned violence against Jews was not insignificant. This is an important point when one considers that the pogrom took place less than a year before the outbreak of World War II, and less than three years before the initiation of the «Final Solution».

1938: A Turning Point in Nazi Anti-Jewish Policy

Johann Chapoutot
(Grenoble, France)

The *Kristallnacht* seems to be the event of the year 1938, at least as far Nazi anti-Semitic policy is concerned. The event *per se*: violence, arsons, arrests, injured people... massive destruction of *Kulturgüter* and *Güter* in general. The world was suddenly reminded that the Nazi regime did not wish well to the Jews. The two previous years had been mild, in comparison, and had led people – at least those who wanted to – to forget how anti-Semitic the Third Reich was: in 1936, during the Olympic games the Nazis had been more discreet with their anti-semitism, and the year 1937 had been quiet on the racist front – apparently, because behind the scene, the anti-Jewish policy went on.

But the fact remains that this policy was accelerated in 1938. Not by the *Kristallnacht*, even if, today, one tends to consider this pogrom as the highlight or as the symptom of the anti-Jewish policy. But we have to be aware it was only the consequence of it – even if of spectacular nature – and – this, so far, is true – the starting point of a new era in the Nazi persecution of the Jews.

1938 represents, indeed, a turning point in this set of policies – and cannot but be seen as part of a general context we have to consider here. This context was that of a growing incapacity of the Nazis to cope with the “Jewish question” they themselves invented – and, as a result of this incapacity, of a growing radicalization.

We know the basic principles and aims of this policy: it aimed at getting rid of the Jews. I will not elaborate on what the Jews represented for the Nazis: an alien body, of pathologic nature, an enemy from within. To secure the present and the future of Germany, there was only one way: the way out. When Hitler spoke of the “*Vernichtung der jüdischen Rasse in Europa*” (30.1.1939), he spoke of the expulsion of the “*Judentum*” out of Germany and out of the territories that were ruled – or were to be ruled – by Germany, for “*Vernichtung*”, by then, still meant that the Jews had to disappear from the area placed under the domination of the Nazis¹.

¹ Browning, 2004.

At first, this policy was crowned with success. It appeared more and more clearly to the German Jews that their future, if they wanted to live at peace and safely, was to occur outside Germany. The NSDAP had already shown, before 1933, that it was no friend to the Jews, and so did the new “regime” after January 1933. With an impressive series of decrees, the new masters of the country did everything they could to make Jewish life impossible in Germany. After 1933, Jews could not, for instance, be civil servants any more, work as lawyers, go to specific places. After 1938, they could not have a PhD, own music instruments, go out after 8 p.m., buy bread or run errands before 5 p.m., drive a car... this is only a short list of new regulations that literally choked the Jews of Germany, robbed them of every freedom and air they could breathe, to force them out of Germany and, after 1938, of the *Grossdeutsches Reich*.

This policy was a success till 1938, with some 150,000 Jews leaving the country, and the Nazi hierarchy was well decided to go on like this. Actually, this forced emigration policy went on till 1941, when the *Auswanderungsverbot* eventually prohibited the emigration of the Jews trapped in the territories controlled by the Germans.

In 1938, though, something went wrong – paradoxically enough because it went too well for the third Reich, because the Nazis succeeded in everything they undertook and because they accelerated history in a way they themselves could not follow.

In March 1938, Germany incorporated Austria, earning power, riches, men and... inheriting many Jews from the former Austrian Empire, one of the most “racially” mixed nations of the world, loudly denounced by Hitler in *Mein Kampf*. Some 206,000 Jews were placed by the *Anschluss* under German sovereignty, which displeased the new masters, of course. The anti-jewish policy in Austria was at once harsh, brutal: the goal was to expel as many Jews as possible, not without robbing them of anything they could leave behind them. Adolf Eichmann found in the spring and summer of 1938 an opportunity to prove his talent as the head of the *Zentrastelle für jüdische Auswanderung*, and as a *Herrenmensch* who, according to testimonies, enjoyed his new status. The once little traveling salesman had made it to master of life and death for the mighty Jewish community of the capital city of his own country, Vienna.

In the *Altreich*, too, the coercion went worse. In June 1938, the Reichsführer SS ordered the so-called “*Aktion Arbeitsscheu Reich*”

(also called “*Juni-Aktion*”). This operation launched by police and SD aimed at rounding up as many “useless Germans” as possible, to force them to work in concentration camps. The primary target were the “*Gemeinschaftsfremde*” (“aliens to the community”), people who racially belonged to Germanism but whose laziness and idle habits drove them to drink, beg and do nothing instead of working for the 4-years plan that aimed at preparing the Reich for a war. In June, though, Jews were added to the list, and for the first time, were sent in thousands to concentration camps, a first mass imprisonment in concentration camps – although concentration camps had not been designed at all primarily for Jews. This intimidation of the Jews by means of physical violence, legal insecurity and police brutality was meant to put more pressure on the Jews and to force them to leave the Reich. The Reich was, indeed, concerned with the number of Jews it still had on its territory and by those who, in addition, had just been inherited from Austria.

The annexation of Austria, though, had driven many Jews out, and had brought about international concern. Europe seemed to be overwhelmed by flows of refugees: German and Austrian Jews, Spanish citizens afraid of Franco and leaving the country to France. France, and Belgium, the Netherlands, Switzerland as well as Scandinavian countries, were preoccupied by this immigration. What could they do? France, especially, which was struck by a deep economic and social crisis, was not willing to welcome everybody. As a *finis terrae* of continental Europe, as a neighbour to Spain, and as the supposed homeland of liberty, equality and fraternity, it was the receptacle of the vast majority of refugees. In July 1938, the French government, as well as the government of the US, invited all those willing to participate in an international conference in Evian, France, officially called “international committee on the refugees”. More than thirty countries took part in it. They decided to... decide nothing. Each and every one of them declared that they sympathized with all the poor devils of the world who had left their home, but added that they could do nothing – excepted San-Domingo, whose dictator wanted to whiten its population by welcoming 10,000 European Jews... – people who should be saved from racism by racism.

While the situation in Spain went worse, while France opened its first camps for the refugees in 1938, camps where so many opponents

to Franco and Jews from Germany and Austria would land, nobody was eager to help the Jews. This provoked the bitter irony of the Nazis, like Rosenberg. The Nazi press and Nazi leaders denounced and mocked this attitude

On 13 July 1938, *Völkischer Beobachter* published an article bluntly entitled “No One Wants to have Them”:

In accordance with their democratic ideology and political tendencies, the official statements made by the representatives of the United States, France and – to a lesser degree – England, made noises of moral outrage over the liquidation of the Jewish problem in Germany. At the same time, however, England and France were so reserved when it came to declaring readiness to accept more emigrants, that the representatives of other states, who did not wish to speak out at all at the outset, found the courage to express one after the other their reluctance to permit new Jewish emigration².

Nazi leaders used the Evian Conference to prove that democracies, in the most hypocritical way, left Germany alone with the “Jewish question – a problem they did not want to acknowledge. A famous press drawing of those days shows a Jew sitting in despair in the centre of a *Hakenkreuz*, surrounded by signs which show every direction. And each and every direction is blocked: all exits are locked. The Jews aren’t welcome anywhere. As to Palestine: the British authorities, which were entrusted with Palestine by the League of Nations, did not want to hear from that. – They did not want the European Jews there, because they feared the reactions of the Arabs.

Some countries developed an open anti-Semitic discourse, or sent telegrams to the conference saying their Jews were a problem too, not only those from Germany or Austria. Hungary, for instance, asked if its government had to become brutal like Berlin in order that other countries take their Jewish problem seriously... instead of helping the Jews, the Evian conference turned into a catastrophe, where governments felt entitled to scorn, accuse and mock the Jews more and more openly³.

² “No One Wants To Have Them. Fruitless Debates at the Jew-Conference in Evian”, *Völkischer Beobachter*, North German Edition, 13 July 1938.

³ Catherine Nicault, “L’abandon des Juifs avant la Shoah: la France et la conférence d’Evian”, *Les cahiers de la Shoah* 1 (1994), pp. 101–130.

So did, for instance, the polish government, who had already passed a law withdrawing their citizenship to all polish citizens who had lived abroad for more than 5 years. The target, of course, were the Jews living abroad: they were deprived of the possibility to come back. At the same time, between July and September 1938, fascist Italy passed its racist laws too. The world seemed closed to the Jews, who were more and more trapped.

Meanwhile, German expansion went on. The other incredible success of 1938 was the annexation of the *Sudetenland*, after threats and bluffs of all kinds. Same problem: more Jews came into the Reich – though less than from Austria – but the Nazis anticipated the future annexation of the Rest-Tschechei, with even more Jews to be incorporated into the Reich.

In that context, the polish law I mentioned was put into effect, because Poland wanted to pre-empt a large expulsion of Jews from Germany. The deadline being 30 October (at that date, the Poles from abroad who had not renewed their passport would lose their citizenship), the Reich in fact expelled 17,000 “*polnischstämmige Juden*” in a brutal way. They were transported to the polish border and left behind between 27 and 29 October 1938, in the area of the polish town of Zbaszin. As the polish State did not want to let these people in, they stayed between the borders in a sort of no-man’s-land, some of them till the fall of 1939, when German police and SD picked them up after the victory of the *Wehrmacht*. In order to protest against such deportation, a polish Jew, whose family had been expelled, Herschel Grynszpan, shot an aide of the German embassy in Paris on 9 November 1938. This was an attack against the German Reich but against France too: France which had hosted the Evian Conference and which had just signed the Munich agreement with Germany, and France whose Foreign Minister, Georges Bonnet, had already invited Ribbentrop for a trip to Paris. The German minister would delay his visit because of the shooting and would eventually come to Paris on 6 December, enjoying *judenfreie* dinners where French Jewish ministers would not be invited, and signing a solemn peace treaty with France that Hitler would hastily shred, like all the others.

This attack on Vom Rath was, as we know, the pretext for the *Kristallnacht*.

We know very well today that this event, the *Kristallnacht*, or this series of events, was not approved of by everybody in the hierarchy of

the Reich. It was largely an initiative of Goebbels who wanted to reassert his authority and restore his influence. He convinced Hitler that something had to be undertaken against the Jews – and the SD and SS eventually had to follow. Still, this eruption of violence reminded the Germans (in a worse manner) of another event that had displeased them and proved inefficient, even counter-productive: the boycott of Jewish-owned shops in April 1933.

Against such spectacular and vulgar anti-Semitism, the SS wanted clean and rational measures. Himmler and Heydrich followed Goebbels – though late in the night – but were furious of the consequences. They seized the opportunity to put more pressure on the German Jews by imprisoning 25,000 persons in concentration camps, to force them to leave the country as soon as possible with mistreatments and violence that resulted in thousands of deaths and wounded. But they knew, through the reports of the SD, that this pogrom – at least, the disorders and violence that it brought about all around the country – had shocked the Germans.

Another furious man was Hermann Goering, who was in charge of the 4-years-plan. The cost of the pogrom was horrendous, and German insurance companies protested loudly. On 12 November, Goering called a meeting where he announced the complete expulsion of the Jews from German economic life, the “*Völlige Ausschaltung der Juden aus dem deutschen Wirtschaftsleben*”. On top of that, the Jews were stigmatised as being responsible for the pogrom – because “they” had killed vom Rath. As a penalty, they had to pay a fine of more than a billion *Reichsmark*.

In short, we should not be blinded by the flames of the *Kristallnacht*, or be overwhelmed by the massive violence of this night. As historians, we have to study it in a context – the context of the fateful year 1938: the sudden acceleration of Nazi foreign policy, this series of annexations, from the *Rheinland* in 1936 to the *Rest-Tschechei* in 1939, via Austria and the *Sudetenland*, was a series of successes for the third Reich, but a challenge and a problem too. The Nazis started creating situations that they could not handle, and that led them to radicalize their already radical policies. In that regard, the year 1938 can be very well compared with another, more fateful year – 1941. By the fall of 1941, though, the Jews would not be allowed to emigrate any more. The policy, then, had changed.

Массовые аресты еврейских мужчин и их судьбы в нацистских концлагерях в рамках «Хрустальной ночи»

Юрген Царуски
(Мюнхен, Германия)

В статье «Последнее серьезное предупреждение перед уничтожением» Барбара Дистель, многолетняя заведующая мемориальным музеем концлагеря Дахау, констатировала, что, хотя в связи с 50-летием погрома 9 ноября 1938 г. историческая наука и общественность уделили немало внимания этому событию, судьба более 26000 еврейских мужчин, которые после этой акции были арестованы и отправлены в концлагеря Дахау, Бухенвальд и Заксенхаузен, остается малоизученной¹. Статья Дистель вышла в 1998 году. С тех пор ситуация в определенной степени изменилась к лучшему, но не кардинально. Об этом свидетельствуют разные публикации, вышедшие в Германии и других странах в связи с 75-летием ноябрьского погрома. Целью данной статьи является анализ массовых арестов евреев в ноябре 1938 г. и значение этих преследований в рамках всего комплекса событий, имя которым «Хрустальная ночь».

Именно концлагеря часто ассоциируются с судьбой евреев под властью Гитлера, и это оправдано тем, что, за исключением тех, кто мог спрятаться, и за исключением жителей Будапештского гетто, практически все уцелевшие евреи были узниками концлагерей. Но в первые годы гитлеровского режима и его антисемитской политики, концлагеря играли меньшую роль. Концлагеря в основном являлись инструментом репрессий по отношению к реальной или потенциальной оппозиции нацистскому режиму. Скоро в лагеря попали также так называемые «асоциальные элементы». Подавляющее большинство еврейских узников концлагерей с 1933 по 1937 г. подверглись аресту не только потому, что они были евреями, но в связи с разными обвинениями, в основном по политическим мотивам. Тем не менее они не были обычными политзаключенными, потому что к узникам еврейского происхождения СС относились с особой жестокостью. Об этом свидетельствует, например, статистика убитых уз-

¹ Distel B. “Die letzte ernste Warnung vor der Vernichtung”. Zur Verschleppung der “Aktionsjuden” in die Konzentrationslager nach dem 9. November 1938”, *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 46 (1998), pp. 985–990.

ников за первый год существования концлагеря Дахау. Из 17-ти 13 были коммунистами, что не является неожиданным; более показателен тот факт, что 9 из 17 убитых были евреи, т.е. 53 процента². Один из них, Луис Шлосс, попал в лагерь не по политическим причинам. Шлосс, приговоренный в 1926 г. в Нюрнберге к четырем годам тюремного заключения за изнасилование и телесное повреждение, уже тогда стал мишенью пропаганды гауляйтера Штрейхера и его газеты «Дер Штюрмер», которые сделали из него символ «еврейского насильника», жаждущего «осквернения расы»³. С принятием пресловутых «Нюрнбергских законов» в сентябре 1935 г. «осквернение расы» было включено в криминальный кодекс и запрещенные сексуальные контакты между евреями и «арийцами» преследовались судами. Наказанию подлежали только мужчины. Осужденных еврейских мужчин, как правило, после отбытия срока в тюрьме гестапо депортировало в один из концлагерей⁴.

На форме все узники концлагерей имели специальную отметку. Евреи получали дополнительный отличительный знак – желтый треугольник – чтобы выделить их от «арийских» заключенных различных категорий⁵. Таким образом, в системе концлагерей с самого начала имелись политзаключенные и еврейские политзаключенные, профессиональные преступники и еврейские профессиональные преступники и т. д. Уже в середине 30-х годов еврейские узники в Дахау жили в особом еврейском блоке, хотя их редко было больше 100 человек⁶. Самый известный заключенный этого блока – Ханс

² Kimmel G., “Das Konzentrationslager Dachau eine Studie zu den nationalsozialistischen Gewaltverbrechen”, *Bayern in der NS-Zeit*, vol. 2: *Herrschaft und Gesellschaft im Konflikt*, Broszat M. and Fröhlich E. (eds.), Munich, 1979, pp. 349–413, here p. 360.

По данным чешского историка и бывшего узника концлагеря Дахау Станислава Замечника, до 1938 г. смертность еврейских узников составила больше 50 процентов, несмотря на их относительно небольшое число в этом концлагере. Zamečník S. *Das war Dachau*. Frankfurt a.M., 2007, p. 106: “Trotz der geringen Zahl jüdischer Häftlinge in Dachau vor 1938 betrug ihr Anteil an der Mortalität des Lagers schon zu dieser Zeit mindestens 50 Prozent”.

³ Ruault F., “Neuschöpfer des deutschen Volkes”. *Julius Streicher im Kampf gegen «Rassenschande»*, Frankfurt a.M., 2006, pp. 239–251.

⁴ Przyrembel A., “Rassenschande”. *Reinheitsmythos und Vernichtungslegitimation im Nationalsozialismus*. Göttingen, 2003, pp. 426–440.

⁵ Eberle A., “Häftlingskategorien und Kennzeichnungen”. *Der Ort des Terrors...*, Benz et al. (eds.), vol. 1, 2005, pp. 91–109, here p. 94.

⁶ Zamečník, 2007, pp. 102–104.

Литтен. Он родился в 1903 г. и в молодости жил в городе Кёнигсберг. Его отец, Йозеф Литтен, был ректором Кёнигсбергского университета и течение некоторых лет председателем еврейской общины города. Ханс Литтен стал видным «политическим адвокатом» и участвовал во многих судебных процессах против коммунистических рабочих. В одном процессе в мае 1931 г. Литтен допрашивал самого Гитлера в течение 3-х часов, доказывая, что его признания, данные под присягой, о принципе легальности, якобы положенном в основу деятельности НСДАП, были ложными. Этого «Фюрер» Литтену никогда не простил. Почти пять лет Литтен был в разных концлагерях, последняя остановка была в Дахау. Лихорадочные старания его матери добиться его освобождения не дали результата. Литтен потерял надежду и больше не мог выдержать жестокость со стороны СС. 4 февраля 1938 г. он покончил с собой⁷.

Хотя концлагеря в первые годы антисемитской политики нацистского режима играли меньшую роль по сравнению с антисемитским законодательством Третьего рейха, отношение к еврейским узникам было показательным. В своей книге «Истоки тоталитаризма» Ханна Арендт – она, кстати, тоже еврейка из Кёнигсберга – характеризовала концлагерь как лабораторию тоталитарного режима⁸. Нацистские концлагеря, без всякого сомнения, с самого начала являлись такими лабораториями антисемитской ненависти.

Систематическое развитие системы концлагерей начиналось только во второй половине 30-х годов. До этого концлагеря были более или менее временным явлением. За исключением лагеря в Дахау, почти все они прекратили свое существование уже в 1934 году. Но после того как Гиммлеру удалось убедить Гитлера в том, что этот институт необходим Третьему рейху, в Германии стали строить новые, так называемые современные концлагеря⁹. К лету 1936 г. был построен концлагерь Заксенхаузен. В 1937 г. в Дахау началось строительство нового лагеря. Работы завершились в сентябре 1938 г. Строительные работы в Бухенвальде начались в июле 1937 г. и были еще к моменту «Хрустальной ночи» не завершены.

⁷ Bergbauer K., Fröhlich S., Schüller-Springorum S. *Denkmalsfigur. Biographische Annäherung an Hans Litten (1903–1938)*, Göttingen, 2008.

⁸ Arendt H. *Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Antisemitismus, Imperialismus, Totalitarismus*. Munich, 2001, p. 822.

⁹ Orth K. *Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Eine politische Organisationsgeschichte*. Hamburg, 1999, p. 33.

Число еврейских узников заметно выросло в ходе 1938 г. Среди политзаключенных, которые после аншлюса в марте 1938 г. были депортированы в лагерь Дахау, было немало евреев. Уже в мае того же года гестапо арестовало несколько сотен «нежелательных» венских евреев и выслало их в Дахау¹⁰. В это же время, т.е. в апреле и июне, по всему рейху шли массовые аресты и отправки в концлагеря так называемых асоциальных элементов и тунеядцев. По указанию Гитлера в июньскую акцию были включены евреи. Критерии «асоциальности» по отношению к ним были особенно расплывчатыми¹¹. Представители еще существующих еврейских организаций ощущали растущую угрозу. При этом не имело значения, что возвратившиеся из лагерей евреи отказывались рассказывать о пережитом, потому что это было запрещено гестапо. Достаточно было взглянуть на их лица¹².

Даже если нацисты в 1938 г. все больше стали арестовывать евреев, до ноябрьского погрома это в большинстве случаев происходило под разными предлогами или, по крайней мере, в рамках более широких акций. Но поздним вечером 9 ноября 1938 г. все изменилось кардинально. В 23 час. 55 мин. все местные отделения гестапо получили телеграмму от начальника тайной государственной полиции Генриха Мюллера с указаниями по поддержке уже начавшегося погрома. Их третий пункт гласил: «Подготовить арест около 20–30 000 евреев в Рейхе, выбирая в особенности зажиточных евреев. Более подробные указания последуют еще в течение этой ночи»¹³. Эта детализация была получена от шефа полиции безопасности спустя полтора часа. Гейдрих приказал арестовать столько евреев, сколько позволяют имеющиеся в наличии камеры. «Пока», как говорилось в телеграмме, аресту подлежали только здоровые, не слишком старые еврей-

¹⁰ Schnellbrief Gestapo–Leitstelle Wien, 24 May 1938,

<http://www.doew.at/erkennen/ausstellung/gedenkstaette-salztorgasse/die-gestapo-und-die-verfolgung-der-juden-und-juedinnen> [Accessed on 6 December 2013].

¹¹ Schüler-Sringorum S., “Masseneinweisungen in Konzentrationslager. Aktion 'Arbeitsscheu Reich', Novemberpogrom, Aktion 'Gewitter'”. Benz et al., 2005, pp. 156–164, here pp. 157–159.

¹² Reichmann H. *Deutscher Bürger und verfolgter Jude*, bearbeitet von Michael Wildt, Munich, 1998, pp. 74–108.

¹³ *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933 – 1945*. Vol. 2: *Deutsches Reich 1938 – August 1939*, Susanne Heim (ed.), Munich, 2009, Doc. 125.

ские мужчины, которых следует отправить в концлагеря¹⁴. Указание Гейдриха не истязать арестованных на фоне происшедшего этой ночью и обычной практики обращения с заключенными в концлагерях необходимо воспринимать лишь как иронию.

До тех пор пока не был обнаружен полный текст дневника Геббельса в так называемом Особом архиве в Москве в начале 90-х годов, некоторые историки полагали, что гестапо в ходе «Хрустальной ночи» руководствовалось заранее подготовленным приказом о массовом аресте евреев. На самом деле это было не так. Как и погром в целом, эта акция была личной инициативой Гитлера, отдавшего приказ об осуществлении массовых арестов еврейских мужчин¹⁵.

Аресты начались немедленно и приобрели разные формы. Часто они сопровождались избиениями и оскорблениями, особенно в тех многочисленных случаях, когда члены СС или СА выступали в качестве помощников полиции. Без подобного содействия действия полиции часто имели более умеренный характер. Но в любом случае арест являлся шоком для пострадавших и их семей. По всей территории германского рейха шла буквально охота на еврейских мужчин. Некоторым из них удалось спрятаться до ее завершения, последовавшего согласно приказу Гейдриха от 16 ноября. В спасении евреев иногда принимали участие их друзья-немцы. Но в основном гестапо без особых затруднений достигло запланированного количества арестованных и очень быстро направляло их в концлагеря Дахау, Бухенвальд и Заксенхаузен. В некоторых случаях переход от места ареста до вокзала для отправки в концлагерь приобретал форму «позорного марша»: в Ольденбурге¹⁶, Баден-Бадене¹⁷ и Регенсбурге¹⁸ арестованных евреев проводили под конвоем СС или полиции по улицам мимо толпы зевак. Для транспортировки в концлагеря использовались в большинстве случаев поезда, автобусы и иногда грузовики. По пути следования также царил произвол. Сопровождаю-

¹⁴ Там же, Doc. 126.

¹⁵ Steinweis, 2009, p. 52; Hermann A., “Hitler und sein Stoßtrupp in der „Reichskristallnacht“. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 56 (2008), H. 4, pp. 603–619, here p. 610. www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0118_gob&object=translation&l=de

¹⁶ http://www.yadvashem.org/yv/en/exhibitions/this_month/november/05.asp [2013–12–06].

¹⁷ <http://www.yadvashem.org/yv/en/exhibitions/kristallnacht/baden.asp> [2013–12–06].

¹⁸ http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_image.cfm?image_id=3759&language=german [2013–12–06].

щие издевались над евреями и уже в пути некоторые, особенно пожилые или больные мужчины, умерли. Зачастую сильно испуганных жертв заставляли молчать на протяжении всей дороги, а если была возможность разговаривать, это вряд ли приносило утешение, потому что распространялись самые разные, но всегда страшные слухи о целях поездки. Когда звучало слово «концлагерь» многие просто были в шоке, поскольку это «учреждение» давно имело соответствующую репутацию.

По-видимому, не всех арестованных евреев отправляли в лагерь, так как их количество было больше, чем тех, кто оказался в концлагере. В историографии иногда можно встретить цифру 36000 арестованных, но она, возможно, не окончательная¹⁹. По имеющимся данным, всего 27227 евреев оказались в трех больших концлагерях:

Дахау – 10911²⁰; Бухенвальд – 9845²¹; Заксенхаузен – 6471²².

27227 человек – это большая цифра, как на нее ни смотреть. Она составляла около 5 процентов тогдашнего еврейского населения Рейха. Это была третья по масштабам среди довоенных акций массовых арестов, осуществленных нацистским режимом. На первом месте были аресты левых противников нацистов в 1933 г. (около 100000); на втором – аресты после аншлюса Австрии в марте 1938 г. (больше 70000 человек). В рамках акции «Arbeitsscheu Reich» («тунеядцы рейха») в апреле и в июне 1938 г. были арестованы 10 000 человек, из них – 2500 евреев. Беспрецедентные масштабы этой акции очевидны и при сравнении с вместимостью имевшихся на тот момент лагерей. До ноябрьского погрома число узников концлагерей составляло 21000, что вполне соответствовало вместимости перестроенных или новых лагерей – Дахау, Бухенвальд и Заксенхаузен²³. Разумеется, что посту-

¹⁹ Pollmeier H., “Inhaftierung und Lagererfahrung deutscher Juden im November 1938,” *Jahrbuch für Antisemitismusforschung* 8 (1999), pp. 107–130, here p. 109.

²⁰ Wolfgang Benz “Mitglieder der Häftlingsgesellschaft auf Zeit: Die „Aktionsjuden“ 1938/39,” *Das Konzentrationslager Dachau. Geschichte und Wirkung nationalsozialistischer Repression*, Benz W. and Königseder A. (eds.), Berlin, 2008, pp. 207–218, here p. 208.

²¹ Stein H., “Das Sonderlager im Konzentrationslager Buchenwald nach den Pogromen 1938,” „*Nach der Kristallnacht*“. *Jüdisches Leben und antijüdische Politik in Frankfurt am Main 1938–1945*, Kingreen M. (ed.), Frankfurt a.M., 1999, pp. 19–54, here p. 30.

²² Wildt, “Einleitung”, Reichmann, 1998, pp. 1–38, here p. 25.

²³ Orth, 1999, p. 39.

пление более 27000 новых заключенных в течение только одной недели создали очень тяжелые условия в лагерях. Действия эсэсовской охраны еще больше усугубило положение.

По сложившейся с 1933 г. традиции ужас концлагеря для узника начинался с так называемого приветствия, сопоставимого с наказанием шпицрутенами: оскорбления – обычное обращение было «жидовская свинья» – и сразу же следовали сыпавшиеся градом удары. Попав в лагерь, мужчины обычно ждали многие часы на плацу, без всякой защиты от ненастной ноябрьской погоды. Охранникам, очевидно, доставляло удовольствие заставлять их жертв заниматься гимнастикой, петь веселые песни и не разрешать пользоваться туалетом. Эти формы издевательства являлись выражением главного движущего фактора всего происходящего – яростной антисемитской ненависти²⁴.

Наиболее плохие условия были в концлагере Бухенвальд, где строительные работы еще не были завершены. Особенно сказывалось недостаточное водоснабжение. Если в других лагерях эсэсовцы наслаждались всякими разными «играми», особенно с холодной или горячей водой при обязательном для новоприбывших душе, то в Бухенвальде ни воды, ни душа в импровизированном секторе для «Aktionsjuden» («евреи, арестованные в ходе акции») не было. Даже питьевую воду они начали получать только 13 ноября. Узники располагались на узких нарах в переполненных бараках без окон. Неудивительно, что при таких условиях имели место немало случаев нервного срыва и самоубийств. В течение шести недель в особом лагере евреев в Бухенвальде погибло 227 человек²⁵. В связи угрозой эпидемий и полного коллапса этой части лагеря на третий день пребывания узников в нем эсэсовцы начали понемногу облегчать невыносимые условия.

Гигиенические условия в других концлагерях, на первый взгляд, были лучше. Для концлагеря Дахау, например, был характерен так называемый террор чистоты. Малейшее проявление беспорядка или загрязнения территории и барака служило для охраны концлагеря поводом для жестокого наказания узников. В Дахау также не было достаточно места для столь большого потока заключенных, часть из которых вынуждена была размес-

²⁴ Ср. напр. Reichmann, 1998, pp. 122–188.

²⁵ Stein, 1999, p. 46.

таться в двух больших палатках на плацу. Аналогично решалась проблема размещения вновь прибывших заключенных и в концлагере Заксенхаузен²⁶.

В отличие от других узников жертвы ноябрьских массовых арестов обычно не привлекались к работе в лагерях. Они становились объектом разных издевательств со стороны администрации и охраны, заставлявших их заниматься бессмысленными и изнурительными упражнениями.

Во всех лагерях сразу же по прибытии начиналось ограбление евреев. Главной целью массовых арестов была ускорение «ариизации» имущества евреев и принуждение их к эмиграции. Эта информация доводилась до сведения как заключенных, так и их родственников, которые вообще оставались в неведении относительно судеб заключенных. Если последним была разрешена переписка, то только в строго цензурируемой форме, т.е. с неукоснительным требованием сообщать о якобы «нормальных» условиях пребывания в лагере. Жены и другие родственники лихорадочно старались получить необходимые документы для эмиграции как предпосылки освобождения близкого человека из концлагеря. У самих узников постоянно вымогали имущество и ценности. Это был процесс обогащения алчущих «арийцев» на всех уровнях. Кроме «официальной» ариизации, лагерное начальство заставляло узников переоформлять различную собственность (дома, автомашины и т. п.) на их имя. Так, например, в автостанционной концлагеря Дахау узники перелакировали захваченные офицерами СС машины бывших еврейских владельцев²⁷. Деньги и ценные вещи, которые арестованные имели с собой, часто отбирала охрана концлагеря. В Бухенвальде даже уголовники принимали участие в ограблении евреев²⁸. Надежды, связанные с возможностью выкупить себя, однако, зачастую не оправдывались. Процесс освобождения из концлагеря в значительной мере определялся сверху. Так, 16 ноября был издан указ об освобождении всех больных евреев, а также достигших 60 лет; согласно указу от 28 ноября подлежали освобождению участники Первой

²⁶ Stanislav Zámečník, *Das war Dachau*, Frankfurt, 2007, p. 105.

²⁷ Benz, 2008, pp. 211–212.

²⁸ *Der Buchenwald-Report. Bericht über das Konzentrationslager Buchenwald bei Weimar*, D. A. Hackett (ed.), Munich, 2002, Doc. 95.

мировой войны и юноши, не достигшие 16 лет; указом от 12 декабря освобождались все те, кто был старше 50 лет. Сами узники не были информированы о том, каковы причины освобождения их товарищей. Всех освобождаемых обязывали ничего не рассказывать на воле о происходившем в концлагере²⁹. Весной 1939 г. почти все жертвы ноябрьской акции были освобождены, исключение составили погибшие за эти месяцы.

В особом лагере в Бухенвальде умерли 255 мужчин³⁰. Хотя отсутствуют конкретные данные о смертности еврейских узников в концлагере Дахау, можно допустить, что на них приходилась львиная доля общей смертности. До сентября 1938 г., т. е. за пять с половиной лет существования лагеря Дахау, там погибли 218 узников, в то время как с ноября 1938 г. по март 1939 г. их число составило 258 человек³¹. Это были, без всякого сомнения, в подавляющем большинстве или даже только жертвы ноябрьской акции. Нет точных данных по концлагерю Заксенхаузен. Согласно одним сведениям, число погибших за ноябрь и декабрь 1938 г. составило 50 человек³². До весны 1939 г. эта цифра возросла еще примерно на 80–90 жертв³³. Самая большая смертность была в Бухенвальде (2,6%), чуть меньше – в Дахау (2,4%), а существенно меньше – в Заксенхаузене (1,4%). Подытоживая, можно констатировать, что в результате массовых арестов еврейских мужчин в ходе «Хрустальной ночи» погибло 600 человек, т. е. в шесть раз больше, чем в ходе самого погрома, который создал необходимые предпосылки последующих массовых арестов еврейских мужчин.

Концлагерь	Число арестованных	Число погибших 1938.11 – 1939.3	Смертность
Бухенвальд	9845	255	2,6 %
Дахау	10911	258	2,4 %
Заксенхаузен	6471	90	1,4 %

²⁹ Pöllmeier, 1999, p. 114 f.

³⁰ Stein, 1999, p. 46.

³¹ Zámečník, 2007, p. 106.

³² Wildt, 1998, p. 29.

³³ Pollmeier H., “Die Verhaftungen nach dem Proqram 1938 und die Masseninternierung in den „jüdischen Baracken“ des KZ Sachsenhausen”, *Jüdische Häftlinge im Konzentrationslager Sachsenhausen 1936 bis 1945*, Morsch G. and zur Nieden S. (eds.), Berlin, 2004, pp. 164–179, here p. 177.

Reverberations of Kristallnacht in the East Prussian province towns

Ruth Leiserowitz
(Warsaw, Poland)

Preface

There is almost no information about the period between November 1938, when synagogues were burned as well in the small towns of East Prussia, and the final act when the last Jews were deported from those places. Up to this point the research as has shown little interest in these details. In her study about the Königsberg Jews, Stefanie Schüler-Springorum does recount the end of the Jewish community there¹. Beyond that there are reports about this period from Michael Wieck², Hella Wertheim³, Heinrich Wolffheim⁴, and Nechama Drober⁵. These are basically in relation to the situation in Königsberg, yet in Hella Wertheim's case to Insterburg as well. There has hardly been any inquiry into the circumstances of individual Jews in the smaller towns, let alone villages. In the meantime, the generation who witnessed those events has died off and it is solely the papers and documents left behind which shed some light on what took place. However, there have been a few people who have shown interest in the fate of the East Prussian Jews and they have collected material about it. The collection by the former citizen of Insterburg, Günther Ruddat, plays a significant role here. In the period between 1965 until approximately 2003, he asked many former citizens of Insterburg about the fate of the Jews there; he corresponded with emigrants; he

¹ Schüler-Springorum S., *Die jüdische Minderheit in Königsberg, Preußen. 1871 – 1945*. Univ., Diss./94—Bochum, 1993, Göttingen, 1996.

² Michael Wieck, *Zeugnis vom Untergang Königsbergs: ein «Geltungsjude» berichtet*, Heidelberg, 1989.

³ Hella Wertheim, Manfred Rockel, *Immer alles geduldig getragen. Als Mädchen in Theresienstadt, Auschwitz und Lenzing, seit 1945 in der Grafschaft Bentheim*, Nordhorn, 1993.

⁴ Alfred Gottwaldt, *NS-Gewaltherrschaft. Beiträge zur historischen Forschung und juristischen Aufarbeitung*, Berlin, 2005.

⁵ Nechama Drober, Uwe Neumärker, *Ich heiße jetzt Nechama. Mein Leben zwischen Königsberg und Israel*, Berlin, 2012.

collated the facts he gathered⁶. Other important information was gathered together by Horst Leiber, a former citizen of Tilsit and later resident of Wuppertal. For his research project, he corresponded with numerous Jews who had come from East Prussia, either fleeing the Holocaust or surviving it⁷. Other interviews were conducted by the author between 1999 and 2010.

In East Prussia, because of the unique geographical situation, the Reich's planned pogrom night and its aftermath took place somewhat differently from what happened in the rest of the Reich. For one thing, this was because of East Prussia's insular setting. Also, at the time it did not have a concentration camp available in its own province. The idea of sending through the Polish Corridor all of those who were to be taken into custody was dropped for political and financial reasons, with the result that the arrests and detention of people happened locally, being determined by decentralized decision-making. Furthermore, what also played a role was that there was a nearby border with Lithuania, which at the time was still considered to be a safe haven. After the events in November 1938, many Jews whose families had originally come from Lithuania fled from East Prussia to neighboring towns in Lithuania or to Kaunas. The goal of this article is to depict in word and image some of these regional peculiarities, and to show that the measures taken by the Reich in these local settings turned out in various ways.

Kristallnacht

In perusing the registries of the East Prussian synagogues, it quickly becomes clear that while the majority of the synagogues were set afire, some did in fact escape the flames, as was the case with the synagogues in Wartenburg, Oletzko, and Schirwindt. In a few places, there were people who reacted against the destructive intentions, one being the commissioner of the district of Schlossberg. What happened is recounted as follows in the Bredow family: "Wichard von Bredow put on his army uniform and told his wife, 'I'm going to the synagogue in Schirwindt, where I want to prevent one of the greatest crimes in

⁶ Now the file is located in the documents in the archive of the Association of Jews in East Prussia (JOP).

⁷ The collection for Horst Leiber's scholarly project is located in the JOP archive. Mrs. Leiber has kindly made it and the research library available.

my district.' When Nazi arsonists arrived at the synagogue, von Bredow was waiting for them with his revolver. The group left and the synagogue was saved, the only one in the district that survived. Von Bredow was never punished and remained the county officer throughout the war"⁸.

During the war, however, the surviving synagogue was used as kindergarten. Leo Direktor, born in 1927 in Goldap and who witnessed it at the time, remembers: "Kristallnacht was the night when the Synagogues in Germany were set alight. The Synagogue in Goldap was also desecrated, although it was not actually set alight, as far as I can remember. Each morning, when going to school I would pass the Shul"⁹. But on that day, Leo Direktor did not go to school. He had other things to do:

On Kristallnacht all adult Jews were rounded up and put into prison. I remember, on the following days, going to the prison, which was in the center of the Marktplatz, to take food to father"¹⁰.

Direktor was not able to add much more to this recollection. Another contemporary witness, Ernest Cohn (born in 1920 in Gumbinnen) told the following story about his father who was still living at the time in Gumbinnen, although already retired. On 10 November, his father Joseph Cohn proceeded unmolested through Gumbinnen to the train station and travelled to Goldap (about 40 kilometers away) in order to see whether there had also "been trouble" there. When he arrived, all the women relatives clapped their hands above their heads over how he had been able to get there. The men had all been arrested and sat in the small firehouse (of the local fire department). Cohn did want to travel back home without having done something. He spoke with the policeman on guard and was allowed to go inside. The men there had passed the time for a few days by telling stories and playing cards. Twice a day meals were brought by family members, and clean laundry as well. His father on that same day sent a postcard to his wife in Gumbinnen saying that his visit was going to take somewhat

⁸ Mitchell Geoffrey Bard, *48 hours of Kristallnacht. Night of destruction/dawn of the Holocaust: An oral history*, Guilford, Conn., 2010, p. 162; Cf. See also Hasso von Bredow; Catherine von Bredow; Dagmar, Mallett, *In einem Augenblick. Eine wahre Geschichte über Schicksal, Tapferkeit und Liebe*, Augsburg, 2013.

⁹ Leo Direktor, *My Recollections*, JOP archive.

¹⁰ Idem.

longer. After a few days, all the men in Goldap were let go again and father returned home.¹¹ Not everyone got through it so easily. In many other towns, the police arrested the Jewish men and took them to a labor camp, for example, to Lauken (Hohenbruch), where they had to dig out trenches for draining the swamp.¹² In fact, November 1938 went more leniently for Goldap Jews than in other places. Still, in 1940 they were commanded by the local authority to leave the town, since the administration wanted to have a “locale free of any Jews”¹³. Heinz Finke from Insterburg reports on the event as follows:

On Kristallnacht on 9–10 November 1938, we were also taken from our home during the night and marched by the synagogue with its roof in flames and taken to the police. In the morning, my mother, grandmother, my brother, and I were let go, but my father was detained for 4 weeks in the Insterburg jail (They called it “protective custody”)¹⁴.

Later on, all the Insterburg Jews were re-housed and some of them had to move to the old castle, meaning that they were being displaced from their homes right in the town where they lived.

Decisions

There were Jewish families who had already planned to leave the country, with some waiting on visas, but now the events forced them to hurry. Other families, primarily with fathers who had been active participants in the First World War, had never seriously considered leaving the country. The sudden arrests of these men and the threat of a long imprisonment forced them into emigrating. However, financial reasons made it such that it was seldom possible to actually flee. While many before 1938 would have declined to go into exile to Palestine, South America, or Shanghai, now any destination was fine.

Ernest Cohn recalls how he and his siblings brought their parents to Palestine: “That was the time of the ‘Haavara Agreement’. If you had 1,000 English pounds, you received a certificate – automatically. It was

¹¹ Interview with Ernest Cohn (Gumbinnen/New York), 4 March 2003.

¹² *Alltag in Ostpreußen 1940–1945. Die geheimen Lageberichte der Königsberger Justiz*, Christian Tilitzki (ed.), Leer, 1991, p. 51 ff.

¹³ This is according to the Direktor family from Goldap, who went to Berlin and then were deported from Rykestrasse 4.

¹⁴ Heinz Finke, letter from 8 April 1998 to Günther Ruddat, in the JOP archive. Bestand Ruddat.

called a capitalist certificate. 1,000 pounds was a large amount of money back then, 5,000 U.S. dollars, and if I am not mistaken, the exchange then was 52 marks for every pound – that was a lot of money.”¹⁵ All four children, who had come to Palestine with the Ha-Shara, then pooled their resources and borrowed money. He continues:

I was in a kibbutz at the time and on the August 9, 1939, my sister wrote to me: ‘My dear little Ernest, hurrah, hurrah, hurrah, the certificate for our parents has arrived. That is all I wanted to tell you today. I received the confirmation today from Jerusalem. I am sitting at the typewriter writing feverishly to our parents.’ And of course three weeks later, the war broke out, and we knew that is the end¹⁶.

He goes on to say: “But then the parents did receive the certificate, and things went rather well for them in Gumbinnen. Hitler and no Hitler....there were a few Jews left in Gumbinnen and they were not in a rush. Four months after the outbreak of the war they (the parents) arrived with a container holding all their furniture from Gumbinnen, with the piano, with all kinds of things. I asked: ‘How is it that the Nazis let you out?’ They said ‘Well, the man, the customs officer, came when the container was being packed with all our things. And then we put him a box of cigars and cognac and then he said:

“Listen carefully Mr. Cohn, I have to tell you what my instructions are. You are not permitted to take any gold, any jewelry and I don’t know...any other things. But you can pack up everything else. And when you are finished, then let me know and I will stamp it.’ [In the meantime he was busied with the cigars and the cognac.] That was December 1939... This moving container arrived four months after the outbreak of the war”¹⁷.

In most of the cases the only option for families, because of the regulatory pressure, was to go to Shanghai, which did not require a visa. Among those who fled to Shanghai were Julius Markowski from Insterburg¹⁸ and the scrap metal dealer Arthur Markus¹⁹. The Salomon Echt family, with its four children, left from Groß Kuhren and also went to

¹⁵ Interview with Ernest Cohn (Gumbinnen/New York), 4 March 2003.

¹⁶ *Idem.*

¹⁷ *Idem.*

¹⁸ Notes of Günther Ruddat. JOP archive.

¹⁹ Notes of Günther Ruddat. JOP archive.

Shanghai²⁰. Arthur Rowelski from Tilsit, who had earlier been in a labor camp in Lauknen (Hohenbruch), went to Shanghai as well as the family of the furrier Abraham Leiserowitz, who together with his son Herbert had been detained in ‘protective custody’²¹. Others obtained emigration papers to Argentina, for example, Moritz Neumark from Groß-Kakschen who with his wife and four children left on an emigrant steamer sailing from Hamburg harbor²². The son recalls that his mother, Hertha, went directly onboard the ship with the four children, and his father, Moritz, was taken straight from the jail onto the boat in handcuffs²³. What is striking is that none of these persons lost their citizenship, in that they were not put on the denaturalized lists for the German Reich²⁴.

Kindertransport

Leo Direktor goes on to say:

The morning after Kristallnacht I started off to go to school as usual but Tante Meta came to intercept me, since there had been a decree that Jewish children were not allowed into “Aryan” schools. The result was that I had no schooling for about three months until my parents were able to arrange for me to be accepted in the Jewish Day School in Königsberg, attached to the Great Synagogue there (or what had been the Synagogue), and which had been allowed to reopen²⁵.

Many children were now confronted with the problem that they were no longer permitted to attend school. While other Jewish school children had had to leave their German schools after the enactment of the Nuremberg Laws (such as Ernest Cohn and his siblings, who for that reason quickly decided to flee), it was the case that the children of

²⁰ Included in the census from 17 May 1939.

²¹ Erika Heldt (Daughter of Abraham and sister of Herbert Leiserowitz), letter from 20 November 1967 to Hans Leiserowitz, original in the JOP archive.

²² Beatriz Berg (Wife of Martin Neumark), email from 27 April 2009 to Ruth Leiserowitz.

²³ Idem.

²⁴ Hans G. Lehmann, Michael Hepp, *Die Ausbürgerung deutscher Staatsangehöriger 1933–45 nach den im Reichsanzeiger veröffentlichten Listen*, München [u.a.] 1985. Here it would be important to research the files of the respective German foreign consulates. For Shanghai it is known that there is documentation up to the arrival date of 27 June 1939. See Christiane Hoss, Christiane Hoss, “Abenteurer. Wer waren die Shangai-Flüchtlinge aus Mitteleuropa?” *Exil Shanghai. 1938 – 1947; Jüdisches Leben in der Emigration*, Georg Armbrüster (ed.), Teetz, 2000, pp. 103–132, here p. 105.

²⁵ Leo Direktor, *My Recollections*.

solders who had served on the front in the First World War had been allowed to attend school normally up until November 1938. But then the expulsion from school that happened on 10 November 1938 was something everyone found outrageous²⁶. Leonore Echt from Insterburg (born in 1929) left the town with her parents and waited at her grandfather's in Guttstadt to leave the country for South America. Other children were sent to England in what was called *Kindertransport*²⁷. How many East Prussian children were among them has not yet been determined. There is only scattered information available. Leo Direktor from Goldap departed for England at the beginning of May 1939²⁸. Gerd Wolfgang Matheus left from Tilsit in June 1939²⁹.

The exact date when Helga Fein from Tilsit began her journey is not known. Heinz Finke from Insterburg left his hometown on 25 June 1939. He later thought that there had been only one Kindertransport from East Prussia, with 20–30 children from the province³⁰. The fact was that there must have been at least two (one in May and the other in June 1939) and until the outbreak of the war, the hope remained that there would be additional ones in which one could send along younger siblings³¹. What was also essential for that was a personal involvement in order to find accommodation for each individual child. In the case of Leo Direktor, his grandmother remembered that back in her day, shortly after her own wedding, all the relatives had given her sister-in-law money so that she could go to England and get married. Through the International Red Cross it was possible to find that family, and their daughter agreed to be a host for Leo³². Leo Direktor himself remembers his departure from Goldap: Early in the morning of May 1, 1939, just

²⁶ Heinz Finke, Letter of the 8. April 1998 to Günther Ruddat in the JOP archive: Bestand Ruddat; Hella Wertheim, letter from 5 May 1998 to Günther Ruddat in the JOP archive.

²⁷ *Kindertransport* was the designation for an exception provision given by the British government allowing from time to time the immigration of Jewish children between the ages of 14 to 17 from Germany to Great Britain from the period of December 1938 to 1 September 1939. Rebekka Göpfert, *Der Jüdische Kindertransport von Deutschland nach England 1938/39. Geschichte und Erinnerung*, Frankfurt a. M. and New York, 1999.

²⁸ Leo Direktor.

²⁹ Debbie Matheus, email from 3 July 2009 to Ruth Leiserowitz.

³⁰ Heinz Finke, letter to Horst Leiber, Birmingham, 1995.

³¹ Idem.

³² Leo Direktor.

when the workmen were busy erecting the Maypole in the Marktplatz ready for the day's celebrations, I walked across the Marktplatz for the last time, carrying a little suitcase containing my essential belongings in my hand, on my way to the railway station to catch the train to Königsberg – the first part of my journey to England. Other than some family photographs, I had in my suitcase only two things of sentimental value, to remind me of home: one was a dessert spoon which had the name of "Hugo" engraved on it – the name of a brother who had died in infancy and whom I had never known; the other was a serviette ring. To these two things I have become very attached, and I use them to this day. Of course, I also had my passport (and I still have it with my papers) with a big red "J" for "Jude" stamped across its title page"³³.

Other Pathways for Leaving the Country or Fleeing

Another group of Jewish citizens emigrated on their own at the beginning of the war and went to nearby Lithuania. Often this choice of destination was made because of relatives living there³⁴. The preferred places there were either the former Lithuanian capital Kaunas or the hometowns of relatives along the border. From Tilsit: attorney Dr. Max Sandelowski with his wife and son as well as Manfred Bassmann and the salesman Abraham Chassmann with his family³⁵.

It was these very Jews, having gone to these areas near the border, who in the summer of 1941 were to become the victims of the mass executions carried out by the Tilsit Einsatzkommando³⁶. In the documents of the German legation in Kaunas there is a list from the autumn of 1940 on which Jewish citizens of the Reich are registered – among others, Jews from East Prussia.

³³ Idem.

³⁴ http://www.statistik-des-holocaust.de/stat_ger_emi.htmlJüdische Auswanderung in Europäische Länder und Regionen, bis Oktober 1941, 2012. http://www.statistik-des-holocaust.de/stat_ger_emi.html (last visited on 24 July 2012). The number of Jews officially emigrating to Lithuania between 1 January 1933 and October 1941 totaled 2,995. That was 1.94% of the total number of Jews who emigrated into other European countries.

³⁵ Trude Loewenson, Letter from 25 June 1947 to Mrs. Naujoks, Orselina/Locarno.; Christian Grusdt, email from 9 February 2009 to Ruth Leiserowitz.

³⁶ Ruth Leiserowitz, *Sabbatleuchter und Kriegerverein. Juden in der ostpreußisch-litauischen Grenzregion 1812 – 1942*, Humboldt-Univ., Habil.-Schr., Berlin, 2007, Osnabrück, 2010.

Among the Jewish activities which stand out in this period in East Prussia is the agricultural training for youths interested in emigrating. This was organized by a former front officer and activist of the Reich Association of Jewish Fighters at the Front (RjF)³⁷, Walter Sandelowski, on his property in Norgitten. In this way, he enabled dozens of youths to escape the German extermination policies³⁸. In May 1939, there were still 20 youths staying with him awaiting training³⁹.

Documents

The November pogrom and its aftermath had numerous ramifications – affecting the personal documents of the Jews as well. When Erna Echt from Groß Kuhren applied for a passport for herself and her children in early 1939, the arbitrary decision of the registrar was that the first name of the 10 year-old daughter must be changed from Erna to Ruth. Even Jews who were fortunate to have fled Germany were not safe from the reach of the National Socialist authorities. The war widow Ida Leiserowitz emigrated in autumn 1937 from Königsberg to Palestine. Because she was receiving a pension as a war widow, she was able to point to regular income and in that way received an entry permit from the governing office of the British Mandate. After the November pogrom, she had to report to the German consulate in Haifa at which time the “J” was stamped in her pass and “Sarah” was added to her name.

³⁷ Former *Hauptmann* Leo Löwenstein (1879–1956), who had been a Captain, founded in February 1919 the “Reich Association of Jewish Soldiers on the Front” (RjF) to recognize the efforts of all the Jews who participated in the war. The society, which in the middle of the 1920s had about 40,000 members, was oriented toward providing information about the service of about 85,000 Jewish soldiers who had fought at the front in the First World War and the 12,000 who lost their lives. The RjF stood for a German–national Jewry and was close to the “Central Association of Citizens of the Jewish Faith“, a group that rejected Zionism and expressed its allegiance to the German nation. In 1938, the RjF was disbanded.

³⁸ Interview with Ernest Cohn. Likewise, Doc. 116. Bericht des Geheimen Staatspolizeiamts Berlin vom April 1934 zur Überwachung der jüdischen Organisationen und ihrer Tätigkeit in Deutschland, in: *Deutsches Reich 1933 – 1937 (Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933 – 1945)*, Wolf Gruner (ed.), Munich, 2008, pp. 326–336, here p. 332.

³⁹ BA (Berlin) Datenbank. Sandelowski and his family emigrated at the last moment to South America.

Summary

Despite the regional particularities, the November pogrom represented as well in East Prussia the precursor of the ultimate extermination of the Jewish presence there. After the November pogrom, many Jews in Königsberg, Tilsit and Insterburg had to abandon their ancestral homes and move into what were called Jewish houses. With that, a further phase began of displacing them even as they remained in their own home area. As a rule, it was just older women who stayed behind. Often they moved in together with an acquaintance or relative who was also alone; this was in those cases when they were not hosted by a family. In Tilsit, in May 1939, among the 311 registered Jewish persons, one counts seven men living alone, but 40 women were on their own⁴⁰. Jewish families from many small towns went to Berlin, because they thought themselves safer there⁴¹. The dismemberment of the Jewish families was complete. The younger generation had emigrated; the children in part had been brought to safety by the Kindertransport. This experience of being forced to leave and of having to leave behind a portion of the family, stayed with the migrants for the rest of their lives. Those who were left behind were families with small children with meager means and the elderly, all later murdered by the National Socialists. In the whole of East Prussia, on 17 May 1939, 3,169 Jews were counted; by the end of August 1941, just barely 600 were still living in the administrative district of Gumbinnen⁴². In June 1942, the deportations began in East Prussia⁴³.

Translated by Philip Jacobs

⁴⁰ That the Nazis murdered a larger number of older women is something referenced by Marion Kaplan, *Der Mut zum Überleben*, Berlin, 2001, p. 17.

⁴¹ An example: the Finkelstein family went from Gumbinnen to Berlin in 1935; Kerstin Emma Schirp/Werner Max Finkelstein, *Jude, Gringo, Deutscher. Das abenteuerliche Leben des Werner Max Finkelstein*, Berlin, 2002.

⁴² Kossert, p. 292.

⁴³ See also Alfred Gottwaldt/Diana Schulle, *Die ‚Judendeportationen‘ aus dem Deutschen Reich 1941–1945*, Wiesbaden, 2005.

Specifically on the arrival destinations of the first transport, see Christian Gerlach, *Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941–1944*, Hamburg, 1999, pp. 756–791. The deportation was the topic of discussion in East Prussia: *Alltag in Ostpreußen*, 1991, pp. 209–210.

«Хрустальная ночь» – первый шаг на пути исчезновения органной синагогальной музыки

Инесса Федоровна Двужильная
(Гродно, Беларусь)

Орган в Кафедральном соборе Калининграда дарит присутствующим счастливые мгновения пребывания с великими творениями композиторов разных эпох: дважды в неделю предлагаются концертные программы органной музыки. Когда-то в этом городе орган звучал и в Новой синагоге на ул. Линде (сейчас Октябрьская), находившейся прямо напротив Кафедрального собора, через деревянный мост. Звучал орган до ноября 1938 г., до скорбно прославившейся «Хрустальной ночи»¹.

Органная музыка и синагога... Совместимы ли эти явления? Попытаемся ответить на этот вопрос, совершив небольшой экскурс в историю. Как свидетельствуют исследования американского музыковеда Тины Фрюхоф², не без влияния протестантизма орган появился в реформистских немецких синагогах в начале XIX века. Как инструмент богослужения впервые был введен Израилем Якобсоном в 1815 г. в Берлинской синагоге. Большинство общины выступило категорическими противниками этого нововведения и обратилось к королю Фридриху Вильгельму III с просьбой закрыть синагогу. Просьба была решена положительно³. Однако в 1818 г. деятели реформистского движения по-

¹ Возрождение Кёнигсбергской синагоги // Симха (еврейская газета Калининграда), октябрь 2011. – Электронный ресурс. Режим доступа:

<http://www.google.by/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=60&cad=rja&ved=0CF4QFjAJODI&url=http%3A%2F%2Fsimha-kaliningrad.narod.ru%2FGazeta%2F121.pdf&ei=EhMSUpXFHaKi4gSJroDYAw&usg=AFQjCNGmSgUMoRYKp1l8ctJi9tLKzjbfTw&bvm=bv.50768961,d.bGE>

² Фрюхоф Т. Синагогальная органная музыка. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://holocaustmusic.ort.org/ru/music/organ-music/> и Т. Frühauf, *The organ and its music in German-Jewish culture*, New York, 2009.

³ Орган // Еврейская энциклопедия Брокгауза–Ефрона. – Электронный ресурс. Режим доступа:

<http://www.google.by/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&cad=rja&ved=0CDgQFjAC&url=http%3A%2F%2Fbrockhaus-efron-jewish-encyclopedia.ru%2Fbeje%2F15%2F206.htm&ei=UxZIUUpPSBuiz4ATes4HwDA&usg=AFQjCNGKpaqJ2lis45sASnCZiVcSpdJcTA&bvm=bv.53217764,d.bGE>

строили новую синагогу в Гамбурге, в которой должность органиста занял нееврей. Нововведение вызвало отчаянные споры со стороны евреев-ортодоксов; они рассматривали орган как признак «христианизации». На разных уровнях – в общинах и на раввинских конференциях велась полемика и по вопросу игры на органе по субботам, во время праздников. Вместе с тем итогом реформистского синода (Лейпциг, 1869 г.) стало появление инструмента в большинстве германских синагог⁴.

Изначально органист аккомпанировал кантору или заполнял молитвенные паузы инструментальными интерлюдиями, создавая молящимся особый настрой. Со временем выработался и стиль подобной музыки, впитавший особенности иудейской литургии, еврейских народных песен и традиции западноевропейской классической музыки. Подобного типа репертуар мог звучать как во время молитвы, так и в концертной светской программе. А история сохранила имена еврейских композиторов, авторов органной синагогальных сочинений: Генрих Шалит (органист синагоги Мюнхена, 1927–1932, с 1933 г. – в США), Хьюго Хаим Адлер (1896–1955, кантор и органист синагоги Мангейма), Герман Шредер (1904–1984, ведущий композитор Германии; синагога г. Кёльна), Артур Зерке (1892–1973, органист Новой Берлинской синагоги и собора в Гнезно, Польша).

Калининградцы в полной мере могут гордиться Арно Наделем, который родился в Вильно (1878) в хасидской семье, а свое раннее музыкальное образование получил в Кёнигсберге. Юноша пел в хоре Городской синагоги (Бюргер-шул), кантором которой был Эдуард Бирнбаум, его первый учитель⁵. В 1895 г. Арно стал студентом Еврейского педагогического института в Берлине, по окончании которого работал педагогом и хормейстером, редактором музыкального приложения в журнале Мартина Бубера «Евреи» (с 1916 по 1918 гг.). Был соавтором нескольких справочников, страстным коллекционером еврейского музыкального фольклора. В 1916 г. Надель стал регентом одной из синагог Берлина, позднее взял под свой контроль руководство музыкальной деятельностью всех синагог этого города. На протяжении 15 лет

⁴ Фрюхоф.

⁵ Фрюхоф Т. Арно Надель. – Электронный ресурс.

Режим доступа: <http://holocaustmusic.ort.org/ru/places/ca>

по поручению еврейской общины Берлина работал над систематизацией новой музыки для синагогальной литургии. Надель был также одаренным поэтом, драматургом⁶ и художником, нередко выступал в качестве лектора своих сольных органных концертов. Он рассматривал орган как синагогальный инструмент, о чем нередко размышлял в своих письмах. Написал для этого инструмента ряд сочинений: Пассакалию на тему молитвы «И вспомнил Бог о Саре» (Чтение Торы на Рош Ашана, февраль 1933), Прелюдию на древнееврейский мотив (1936).

Трагически сложилась жизнь А. Наделя во время Второй мировой войны. Он мог получить выездную визу в Англию, но был слишком слаб для такого переезда, ему исполнилось 65. 12 марта 1943 г. был депортирован и погиб в том же году в концлагере Аушвиц. Перед депортацией Надель оставил всю свою библиотеку соседу, который сумел сохранить большую часть уникальных материалов. После войны эти материалы вернулись в поместье Наделя. Страстный коллекционер и личный друг музыканта Эрик Манделл приобрел коллекцию у наследников Наделя и перевез в США. Как указывает Т. Фрюхоф, это собрание до сих пор не систематизировано и находится в архиве колледжа Гратц в Филадельфии. Личные дневники Наделя были спасены художницей Кете Кельвиц. А мы возвращаемся в ноябрь 1938 года. 8 ноября, накануне «Хрустальной ночи», Арно Наделем был завершён титанический труд: Собрание музыки для кантора, хора и органа в семи томах. И это было в условиях Третьего рейха, периода, когда еврейская интеллигенция была дискриминирована. В полной мере это коснулось и музыкальной культуры. Не имели право исполнения произведения еврейских композиторов (даже ушедших из жизни). Последовало целенаправленное закрытие музыкальных школ, принадлежавших евреям, запрещение их педагогам какой-либо деятельности среди немцев, даже частного характера, повальное увольнение из немецких оркестров музыкантов-евреев. К концу марта 1938 г. в стране были уничтожены все «еврейские» грампластинки.

⁶ Надель написал несколько либретто, семь драм, более 2000 стихотворений и циклов, навеянных польским, русским и еврейским театрами.

В подобных условиях в годы нацистского режима без особых препятствий могла быть уничтожена и синагогальная органная музыка. Вместе с тем этого не произошло благодаря деятельности еврейской ассоциации Идишер Культурбунд, которая была разрешена нацистами и функционировала с 1933 по 1941 гг. Организация объединила еврейских музыкантов Германии; многие из них ранее не были связаны с исполнением на органе. Так, например, случилось с ведущим органистом Берлина Людвигом Альтманом (1910–1990), учеником Зерке. По окончании Государственной академии искусств Берлина он был органистом концерт-холла и только в 1935 г. начал работать помощником Зерке в Новой Берлинской синагоге в качестве ее органиста, а в 1937 г. эмигрировал в США (органист синагог Сан-Франциско, Беркли).

Во времена Третьего рейха благодаря подобным органистам обогатился репертуар синагогальной органной музыки, включивший и современные произведения для этого инструмента: пассакалии, прелюдии, фантазии на темы еврейских народных песен, органные вставки в ораториях. Подобная музыка могла звучать не только во время службы, но и в синагогальных концертах, где исполнялись и сочинения немецких композиторов: И.С. Баха, Д. Букстехуде, Г. Генделя. Нередко органисты-евреи играли в костелах и кирхах, а музыканты-христиане – в синагоге.

На первый взгляд, Идишер Культурбунд выступил движущей силой для функционирования еврейской музыки. Однако указ Имперской палаты по делам культуры от 27 августа 1935 г. запретил еврейским музыкантам играть на органе в церквях, а музыкантам-христианам исполнять музыку в синагогах. С этого времени органная синагогальная музыка стала доступна только евреям, а также людям, которые культурно идентифицировали себя с еврейским народом. К тому же с 1933 г. был введен запрет на издание органных сочинений композиторов-евреев, а значит, произведения существовали в рукописях. В результате большая часть этого уникального музыкального наследия периода Холокоста не сохранилась для потомков.

Расцвет и развитие органной музыки с 1933 по 1938гг. были жестоко прерваны уничтожением инструментов во время «Хрустальной ночи». Свидетельства очевидцев «Хрустальной ночи» в Кёнигсберге, членов еврейской общины, рассказывают, как «на-

цисты ворвались в синагогу, поломали скамейки, разорвали свитки Торы, порвали молитвенники, а затем сложили свои трофеи в одну кучу посередине помещения. В это время один из членов партии играл на органе песню Хорста Весселя⁷, которая являлась нацистским гимном. Она звучала даже тогда, когда эта куча была охвачена пламенем. Стало тихо тогда, когда языки пламени достигли инструмента⁸. Т. Фрюхоф отметила, что это событие оголило три различные формы проявления «культуроцида»: интеллектуальную (шельмование), музыкальную (игра нацистской музыки на органе) и физическую (поджог и взрывы)⁹.

В «Хрустальную ночь» участь органа Кёнигсберга постигла практически все инструменты синагог Германии и Австрии. Однако было и счастливое исключение: уцелели органы Новой синагоги в Берлине и в Мюнхене, которые остались символическими памятниками культурной эпохи Германии.

В исследовательской литературе приводят факты о реакции разных стран на погромы «Хрустальной ночи»: отзыв из Берлина американского посла президентом США Ф. Рузвельтом, выражение протеста со стороны Лондона и Парижа, систематические статьи на первой полосе газеты «Правда». Одна из них – подробный отчет об общегородском митинге интеллигенции в Большом зале Московской консерватории, выступления писателей А.Н. Толстого, А.Корнейчука, Л.Соболева, народных артистов А.Б. Гольденвейзера, С.М. Михоэлса, – и резолюция этого митинга, которая гласила:

«Мы, представители интеллигенции гор. Москвы... подымаем наш голос гнева и возмущения против фашистских бесчеловеч-

⁷ Песня Хорста Весселя (Die Fahne hoch: «Знамена ввысь») – политическая песня, которая с 1929 была маршем СА, позже, в 1930 – 1945 гг., являлась официальным гимном Национал-социалистической немецкой рабочей партии. Активно использовалась в Третьем рейхе, в том числе на официальных мероприятиях. Сегодня песня уголовно запрещена в Германии и Австрии.

⁸ Возрождение Кёнигсбергской синагоги // Симха (еврейская газета Калининграда), октябрь 2011. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.google.by/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=60&cad=rja&ved=0CF4QFjAJODI&url=http%3A%2F%2Fsimha-kaliningrad.narod.ru%2FGazeta%2F121.pdf&ei=EhMSUpXFHaKi4gSJroDYAw&usg=AFQjCNGmSgUMoRYKp1l8ctJi9tLKzjbfTw&bvm=bv.50768961,d.bGE>

⁹ Фрюхоф.

ных зверств и насилий над беззащитным еврейским населением Германии. Фашисты избивают, калечат, насилуют, убивают и сжигают живьем среди бела дня людей, которые повинны лишь в принадлежности к еврейскому народу»¹⁰.

Жестко отреагировали на еврейские погромы в нацистской Германии в «Хрустальную ночь» еврейские музыканты подмандатной Палестины. Палестинский оркестр (позже преобразованный в филармонический оркестр Израиля) объявил бойкот на исполнение музыки любимого композитора Гитлера Рихарда Вагнера, который продержался практически до сегодняшних дней¹¹.

После «Хрустальной ночи» немецко-еврейская органная музыка, достигнув своего пика, была на грани своего исчезновения. Только массовая эмиграция музыкантов, начавшаяся в 1933 г., помешала полностью осуществиться «окончательному решению» в области культуры. Многие немецко-еврейские музыканты, эмигрировавшие из Германии, переквалифицировались в органистов. Талантливые исполнители, такие как Хьюго Хаим Адлер, Герберт Фромм, Генрих Шалит, Херман Берлинский и Людвиг Олтмен, стали носителями этой культурной традиции в США. Однако с уходом из жизни старшего поколения музыкантов-эмигрантов синагогальная органная музыка, сложившаяся к середине 1930-х гг. по стилистике, исчезла. Новое поколение музыкантов не было знакомо с музыкальной традицией немецкой синагоги: в их исполнении музыка оказалась оторванной от своего культурного контекста. И те сочинения, которые сегодня звучат в реформистских синагогах США, с большим трудом напоминают синагогальную органную музыку 30-х гг. ушедшего столетия.

Музыкантам, которые эмигрировали в Палестину или Англию, пришлось еще сложнее. В местных синагогах не было органов, инструменты устанавливали только в отдельных христианских храмах. Несмотря на это, такие композиторы, как Поль Бен-Хаим, Карел Саломон, Йоханан Самуэль и Хаим Александр, плодотворно работали над созданием нового репертуара органной

¹⁰ Солженицын, А. И. Двести лет вместе. Часть 2: В советское время / А. И. Солженицын. – Электронный ресурс.

Режим доступа: <http://www.jewniverse.ru/RED/Solzhenitsin/dvesti21.htm>

¹¹ Карев И. Израиль примирится с Вагнером // Газета.Ру. – Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/culture/2011/07/25/a_3708577.shtml

музыки. Однако композиторы рассматривали орган не как литургический, сопровождающий пение кантора, а как концертный инструмент с необычным звучанием¹².

Сегодня органную музыку можно услышать в отдельных реформистских синагогах Германии, Австрии, США, Великобритании, Аргентины, Израиля, однако она остается довольно редким явлением. Традиции органной синагогальной музыки проявляются в отдельных творческих проектах в Беларуси, на территории которой в синагогах никогда не звучал орган. Художник-реставратор и кантор из Минска – Анатолий Наливаев, который называет себя фольк-кантором, недавно сделал запись песен утра субботы с сопровождением органа в одном из костелов Лидского района Гродненской области (деревня Осова) и посвятил концерт памяти Холокоста. Партию органа исполнила Антонина Калетич, которая сейчас живет в Австрии. Репетиции концерта были сняты оператором студии «Беларусьфильм» Владимиром Самойловым, материалы съемок войдут в документальный фильм «Художник и кантор», который белорусский телезритель увидит весной 2014 года.

Возможно, орган зазвучит в реконструированной синагоге Калининграда и молодое поколение в память о культуре своего города вернется к традициям синагогальной органной музыки и будет осваивать их. А память о событиях «Хрустальной ночи», ставшей первым шагом на пути исчезновения органной синагогальной музыки, те мероприятия, которые способствуют сохранению этой памяти, никому не позволят продолжить этот путь.

¹² Звукозаписи: Lutermann, Stephan and the Osnabrücker Jugendchor (2008). *Luis Lewandowski: Liturgische Musik der Synagoge für Chor und Orgel*. CD recording: Osnabrücker Jugendchor (no number). Rabin, Yuval. (2002). *Organ music from Israel*. CD recording: Musikproduktion Dabringhaus und Grimm, MDG 606 1072–2. Roloff, Elisabeth (1995). *Orgellandschaft Jerusalem*. CD recording: Koch International, MDG (CODAEX) 319 0538–2. Lyjak Wiktor. (1993). *Lewandowski: organ music*. CD recording: Olympia, OCD 399.

**«ХРУСТАЛЬНАЯ НОЧЬ»:
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ,
УРОКИ**

Kristallnacht: Historiography, Sources, Lessons

9 ноября 1938 г. в Германской истории: дата, символ, событие

Борис Львович Хавкин
(Москва, Россия)

В XX в. 9 ноября стало для Германии судьбоносным днем. Как сказал экс-канцлер ФРГ Герхард Шредер: «9 ноября – это дата, связывающая основные события нашей истории». В этот день четырежды происходили знаковые для страны события, отразившие сущность великой, трагической и противоречивой истории современности: 1918 г. – революция; 1923 г. – «пивной путч»; 1938 г. – «Хрустальная ночь»; 1989 г. – падение Берлинской стены. Каждое из этих 9 ноября стало символом: революция 1918 г. – падения монархии и начала новейшей германской истории; «пивной путч» – нацистского фарса, ставшего предвестником национальной трагедии; 1938 г. – величайшего в истории Германии позора; 1989 г. – объединения страны и конца «холодной войны».

Если 9 ноября 1918 г. для современных немцев – это дата из учебника истории, не вызывающая личных ассоциаций и воспоминаний, а 9 ноября 1923 г. – эпизод истории мюнхенской площади Одеон, то 9 ноября 1938 г. и 1989 г. – находятся в живой исторической памяти народа.

Разумеется, радостные события объединения страны 1989 г. вытесняют из национальной памяти трагедию еврейских погромов 1938 г., тем более что поколение, жившее тогда, уходит из жизни. Однако существующие в Германии институты национальной памяти и сама ее культура делают забвение трагических страниц германской истории, связанных с Холокостом и Второй мировой войной, невозможным¹. Падение Берлинской стены и объединение Германии стали реальностью именно потому, что страна извлекла горькие уроки из своей истории, в частности из событий «Хрустальной ночи»².

¹ Борозняк А.И. Искушение. М., 1999; его же. Прошлое, которое не уходит. Очерки истории и историографии Германии XX века. Екатеринбург, 2004.

² *Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden durch das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. Vol. 2. Deutsches Reich 1938–August 1939*, Munich, 2009.

В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. организованный нацистами еврейский погром смерчем прошел по всей Германии, в частности и по Восточной Пруссии. Тысячи еврейских домов, 7500 еврейских универмагов, магазинов и лавок были разгромлены. Надругательству подверглись еврейские кладбища, 267 синагог были сожжены и разграблены. 91 человек были убиты, сотни покончили жизнь самоубийством или умерли позже от увечий. Тысячи евреев были арестованы и отправлены в концентрационные лагеря. Еврейское население Германии должно было выплатить «искупительный штраф» в размере 1 млрд. рейхсмарок, а все разгромленное восстановить за свой счет. До 1 января 1939 г. евреи были обязаны продать все свои предприятия и ценные бумаги. 30 января 1939 г. Гитлер заявил в рейхстаге:

«Если мировой еврейский финансовый капитал еще раз столкнет народы Европы в мировой войне, то результатом будет не большевизация мира и тем самым победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе»³.

Родившемуся в Кёнигсберге немецкому музыканту Михаэлю Вику, мать которого была еврейкой, а отец – «арийцем», в ноябре 1938 г. было 10 лет. По законам Третьего рейха он считался евреем и был вынужден носить шестиконечную желтую звезду. Пока Михаэль Вик, его родители и родственники матери ожидали депортации и гибели, его кузина – кинозвезда Доротея Вик блистала на приемах у Геринга и Гитлера, дядя, офицер и убежденный нацист, воевал на Восточном фронте, а двоюродные братья состояли в СС. Михаэль Вик был очевидцем «Хрустальной ночи» в Кёнигсберге; ему чудом удалось пережить Холокост.

Уникальность свидетельства Михаэля Вика (он написал книгу «Закат Кёнигсберга. Свидетельство немецкого еврея») – несомненна: по словам мемуариста, «только трое из носивших в Кёнигсберге желтую звезду пережили преследования, войну и русскую оккупацию»⁴. О «Хрустальной ночи» Михаэль Вик вспоминал:

«Однажды утром родители были очень взволнованы и озабочены. Они не пустили меня в школу и рассказали, что синагогу, а следовательно и нашу школу, разгромили и сожгли. Детей из на-

³ История Германии, т. 2, Кемерово, 2005, с. 229–230.

⁴ Вик М. Закат Кёнигсберга. Свидетельство немецкого еврея. СПб. – Потсдам, 2004, с. 16.

ходящегося поблизости сиротского приюта выгнали ночью в одних пижамах на улицу, а господина Вольгайма, заведующего приютом и младшего кантора, жестоко избили и чуть не бросили в Прегель, на набережной которого приют находился. Множество евреев-мужчин было арестовано и отправлено в тюрьмы гестапо... Я был ошарашен и хотел непременно повидаться со своими школьными друзьями, но выйти из дому мне не позволили: в тот день имелись основания опасаться за свое здоровье, свободу и жизнь. Радио и газеты сообщили об убийстве в Париже: Гершель Грюншпан (Гриншпан. – *Б.Х.*) застрелил сотрудника немецкого посольства, желая отомстить за своих родителей, оказавшихся среди 17000 не имеющих гражданства евреев, которых 28 октября 1938 года выдворили в Польшу. Геринг и Геббельс немедленно воспользовались этим поводом, чтобы навсегда «очистить» немецкие города от синагог и еврейских магазинов. Еврейский погром, сразу же учиненный переодетыми в штатское эсэсовцами и штурмовиками, был представлен стихийным выражением народного гнева, демонстрирующим миру «истинное» отношение немцев к своим еврейским согражданам. Хотя пострадала лишь еврейская собственность, выплата штрафа размером свыше миллиарда марок за нанесенный в «Хрустальную ночь» материальный ущерб была возложена на евреев... Когда мне разрешили выйти на улицу, ноги сразу же понесли меня к синагоге. Я стоял перед нею потрясенный, впервые видя разрушенное и сожженное здание... Мне кажется, что многие в Германии и за рубежом только после разрушения синагог начали прозревать. Прежде всего, те, кто до сих пор верил, что в такой культурной стране, как Германия, ничего ужасного не произойдет».

«Горящие синагоги, казалось, кричали об опасности, – писал Вик. – Однако правительства других стран не спешили облегчить евреям условия въезда»⁵.

Как реагировала мировая общественность на антиеврейские погромы в Третьем рейхе? Президент США Ф. Рузвельт в знак протеста отозвал из Берлина американского посла для консультаций. Протест выразили Лондон и Париж, однако дипломатические отношения с нацистской Германией они не разорвали.

⁵ Там же, с. 60–61.

Российский исследователь Холокоста И.А. Альтман в монографии «Жертвы ненависти» отмечает, что после «Хрустальной ночи» советские газеты опубликовали сообщения о покотившейся по всему миру волне протестов против еврейских погромов в Третьем рейхе.

15 ноября 1938 г. в Москве в Большом зале консерватории прошло собрание представителей советской интеллигенции, на котором была принята резолюция с осуждением антисемитских эксцессов в Германии. 18 ноября 1938 г. газета «Правда» в редакционной статье выступила с резким осуждением антисемитской политики нацистов и цитированием сталинского определения антисемитизма как пережитка каннибализма.

Впрочем, громкие декларации не приводили к практическим шагам. Позиция СССР в вопросе возможного приема еврейских беженцев из Германии была весьма осторожна и мало чем отличалась от подходов «западных демократий». В 1935 г., задолго до «Хрустальной ночи», Советский Союз фактически закрыл доступ в страну массовой эмиграции евреев из Германии⁶.

После подписания 23 августа 1939 г. пакта Молотова-Риббентропа и секретных протоколов к нему⁷ вся антинацистская пропаганда на территории СССР была прекращена. Если после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. и ввода частей Красной Армии в Западную Украину и Белоруссию 17 сентября 1939 г. «германские власти практически не препятствовали бегству евреев, то их нелегальное проникновение на советскую территорию пресекалось пограничниками и войсками уже с ноября 1939 г.»⁸.

23 августа 1939 г. «Сталин демонстративно заставил рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа выпить за здоровье наркома путей сообщения СССР Лазаря Кагановича, о еврейском происхождении которого Риббентроп отлично знал. Позже Каганович прокомментировал этот тост Сталина следующим образом:

⁶ Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002, с. 374–375.

⁷ Chavkin B., “Zur Geschichte der Veröffentlichung der sowjetischen Texte der deutsch-sowjetischen Geheimdokumente von 1939–1941,” *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte* 2 (2006); Хавкин Б.Л. К истории публикации советских текстов советско-германских секретных документов (1939–1941). – Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. М., 2010.

⁸ Альтман И.А. Указ. соч., с. 378.

«Тем самым Сталин хотел дать понять Риббентропу, что хоть мы и подписываем договор, но менять нашу идеологию не собираемся». Общим знаменателем германо-советского альянса, заключенного в 1939 г., стал не антисемитизм, а военное противостояние силам демократии и чрезвычайно агрессивная имперская политика», – подчеркивает историк из ФРГ Леонид Люкс⁹.

Как же осмысливался Холокост и, в частности, «Хрустальная ночь» в послевоенной Германии?

Моральный облик послевоенной Германии, по словам русского писателя А.И. Солженицына, был определен «нравственным импульсом», «облаком раскаяния», которое «наполнило ее атмосферу»¹⁰. Однако раскаяние и покаяние пришли не сразу.

По определению мюнхенского историка Норберта Фрая, тематика Холокоста была в Германии долгое время оттеснена в «гетто еврейской памяти»¹¹. Холокост, по оценке писателя Мартина Вальзера, оставался в Германии «провалом в историческом сознании»¹². До показа в январе 1979 г. по западногерманскому телеканалу «ARD» американского художественного сериала «Холокост», в Германии не было серьезных исследований о расовой политике нацизма.

С начала 1980-х годов в ФРГ постепенно разворачивался сложный и противоречивый процесс «преодоления прошлого», означавший длительное, многоплановое, общенациональное извлечение уроков из истории нацизма и его сущностной характеристики – Холокоста. Понятие-символ «преодоление прошлого» стало в Германии призывом к моральному очищению, к восприятию и осмыслению правды о Третьем рейхе и развязанной им преступной войне, к покаянию и ответственности за преступления гитлеризма. «Преодоление прошлого» включало в себя и правду об «окончательном решении еврейского вопроса» и Холокосте¹³.

⁹ Люкс Л. История России и Советского Союза от Ленина до Ельцина. М., 2009, с. 291.

¹⁰ Солженицын А.И. Публицистика. Статьи и речи. Вермонт – Париж, 1989, с. 25, 53.

¹¹ *Holocaust: Die Grenzen des Verstehens. Eine Debatte über die Besetzung der Geschichte*. Reinbek bei Hamburg, 1992, p. 102.

¹² Walser M. *Unser Auschwitz*. – *Kursbuch* 1 (1965), p. 200.

¹³ Asmuss B., *Holocaust: der nationalsozialistische Völkermord und die Motive seiner Erinnerung*, Berlin, 2002; Glasenapp G., *Von der Endlösung der Judenfrage zum Holocaust*. Ekkehard Felder, *Semantische Kämpfe. Macht und Sprache in den Wissenschaften*, Berlin – New York, 2006.

В современной германской историографии тема Холокоста является одной из важнейших. Основные направления исследований Холокоста в ФРГ были сформулированы историком Хансом Моммзенем: «изучать геноцид по отношению к евреям в рамках комплексной истории Третьего рейха»; понять, «какие механизмы управляли антисемитской индоктринацией населения, почему антисемитские акции не встретили никакого отпора»¹⁴.

Историк Вольфганг Бенц, возглавлявший с 1990 по 2011 гг. Центр исследований антисемитизма при Берлинском техническом университете, отмечал, что ноябрьский 1938 г. всегерманский еврейский погром стал поворотным пунктом в истории Третьего рейха. Как никакое иное событие, он показал цинизм нацистского режима, продемонстрировавшего отказ даже от видимости конституционности. Антисемитизм и ненависть к евреям, которые всегда пропагандировала нацистская идеология, обрели примитивную форму физического насилия и преследований. «Хрустальная ночь» стала вершиной пути к «окончательному решению» – к убийству нацистами миллионов евреев по всей Европе¹⁵.

Коллега Бенца Франк Байор дополняет: «Между ноябрьским погромом и последовавшим затем убийством евреев существовала прямая преемственность»¹⁶.

«Хрустальная ночь» была подготовлена всем ходом предшествовавших ей событий, разворачивавшихся в Германии после прихода Гитлера к власти. С 1933 г. нацисты развернули антиеврейскую пропаганду на государственном уровне. 500 тыс. германских евреев, составлявших 0,76% населения страны, были объявлены врагами нации. Евреи якобы ответственны за поражение Германии в Первой мировой войне и революцию 1918–1919 годов («удар ножом в спину»), Версальский диктат, гиперинфляцию 1920-х годов, слабость и продажность Веймарской республики, экономический кризис 1929–1933 годов.

В Германии был принят ряд законов, ограничивавших социально-экономические и политические права евреев. Евреям был закрыт доступ к государственной службе. В 1935 г. вступили в

¹⁴ *Holocaust: Die Grenzen des Verstehens*, 1992, pp. 93, 97.

¹⁵ Benz, 2005, p. 26.

¹⁶ Bajohr F. „Arisierung“ in Hamburg: die Verdrängung der jüdischen Unternehmer 1933–1945, Hamburg, 1998, p. 277.

силу Нюрнбергские расовые законы, лишившие немецких евреев гражданства и запрещавшие смешанные браки.

Нацисты преследовали цель изгнать из Германии всех евреев. Это было важнейшим условием создания арийского «народного сообщества». По словам Гитлера, «без радикального решения еврейского вопроса все усилия разбудить и оживить Германию обречены».

Антисемитские выходки нацистов временно прекратились в связи с Берлинской олимпиадой 1936 г., но в 1938 г. возобновились с новой силой.

Несмотря на то что «Хрустальная ночь» стала событием, изучаемым на уроках истории, в частности, с недавнего времени и в России¹⁷, этот сюжет в исследовательском плане сохраняет ряд до сих пор неясных вопросов. Среди них:

1. Неясно происхождение немецкого термина «Reichskristallnacht» – «имперская Хрустальная ночь». Вопреки распространенному мнению, это не было официально принятым нацистским режимом обозначением ноябрьского 1938 г. еврейского погрома в Германии. Нацисты использовали пропагандистские эвфемизмы – «еврейская акция», «ноябрьская акция», «акция возмездия», «особая акция», «акция протеста». Название «Хрустальная ночь» – народного происхождения; оно, как и словосочетание «ночь битых стекол», вероятно, появилось в Берлине 10 ноября 1938 г.

2. В литературе называется разное число жертв «Хрустальной ночи». Например, число убитых варьируется от 36¹⁸ до 91 человека¹⁹, а число заключенных в концлагеря – 10 тыс.²⁰, 20 тыс.²¹, 30 тыс. человек²².

3. Основанная на книге заведующего отделом печати нацистской партии обергруппенфюрера СС Отто Дитриха версия, что

¹⁷ «Хрустальная ночь»: урок истории. Методическое пособие. М., 2008.

¹⁸ Энциклопедия Третьего рейха. М., 1996, с. 498, 502; СС в действии. Документы о преступлениях СС. М., 2000, с. 122.

¹⁹ *Verfolgung. Vertreibung. Vernichtung. Dokumente des faschistischen Antisemitismus 1933 bis 1942.* Leipzig, 1983, p. 165; Холокост. Энциклопедия. М., 2005, с. 664.

²⁰ История Германии, т. 2, с. 229.

²¹ *Verfolgung...*, 1983, p. 165; Энциклопедия Третьего рейха, с. 498; СС в действии, с. 122.

²² «Хрустальная ночь»: урок истории, с. 12.

инициатором «Хрустальной ночи» был лично фюрер Адольф Гитлер²³, документами не подтверждается. Инсценировал «стихийное выражение народного гнева» Йозеф Геббельс. В организационной подготовке, проведении и извлечении дивидендов из «Хрустальной ночи» главные роли играли Генрих Гиммлер, Рейнхард Гейдрих и Герман Геринг²⁴.

4. Бездоказательно существующее в литературе утверждение, что в феврале 1938 г. Гитлер приказал начальнику службы безопасности (СД) Гейдриху подготовить покушение на немецкого дипломата. Планировалось осуществить погром к 10 ноября, ко дню рождения великого немецкого церковного реформатора Мартина Лютера, взглядам которого был присущ антисемитизм. Тем самым демонстрировалась «историческая преемственность» германской юдофобии²⁵.

5. Недостаточно изучен повод к «Хрустальной ночи». Не подтверждена источниками возможная связь 17-летнего Гершла Гриншпана, убийцы третьего секретаря германского посольства во Франции Эрнста фон Рата, со спецслужбами Третьего рейха, о чем как о версии пишет американский прокурор в Нюрнберге Роберт Кемпнер²⁶ и как о факте израильский автор Михаил Финтушал²⁷.

6. Не выявлены соотношение политического²⁸ и гомосексуального мотивов убийства Рата²⁹. Не ясна роль личного врача Гитлера д-ра Карла Брандта в смерти Рата. Остаются «белые пятна» и в биографии Гриншпана, в частности, история подготовки так и не состоявшегося суда над ним и его гибели.

²³ Dietrich O., *12 Jahre mit Hitler*, Munich, 1955.

²⁴ *Verfolgung...*, 1983, pp. 168–180; Adam U.D., *Wie spontan war der Pogrom? – Der Judenpogrom 1938. Von der „Reichskristallnacht“ zum Völkermord*, Frankfurt a. M., 1988.

²⁵ Финтушал М. Загадка покушения на Эрнста фон Рата. – Международная еврейская газета, 28.04.2006; его же. Тайна «Хрустальной ночи». – Лехаим, 2006, № 11.

²⁶ Kempner R., *Die Wahrheit über die Reichspogromnacht*. – *Niemand war dabei und keiner hat's gewusst*, Munich, 1989.

²⁷ Финтушал М. Указ. соч.

²⁸ 7 ноября 1938 г. в отделении полиции арестованный Гриншпан заявил: «Я решил убить сотрудника германского посольства в знак протеста, чтобы обратить внимание мира на то, как в Германии обращаются с польскими евреями». – Финтушал М. Указ. соч.

²⁹ Штайн П. Немецкий посол в Париже был убит своим любовником? – Русская Германия, № 45, 11.11.03.

7. В российской историографии «Хрустальной ночи» не акцентируется роль Польши в так называемом «Збонщинском выдворении» – насильственной высылке из Германии евреев – граждан Польши в октябре 1938 г. На территории Германии проживало 50 тыс. евреев с польскими паспортами и еще 10 тыс. жили в Австрии, весной 1938 г. присоединенной к германскому рейху. Польское правительство опасалось, что в результате принуждения к эмиграции со стороны властей Германии, польские евреи вернутся в Польшу. Поэтому 1 марта 1938 г. президент Польши Игнаций Мосцицкий подписал указ о лишении гражданства польских граждан, проживавших за пределами страны более 5 лет.

В ответ на эти действия германское правительство арестовало 17 тыс. немецких евреев с польскими паспортами или же евреев из Польши, лишенных немецкого гражданства. Эти люди были насильственно депортированы через немецко-польскую границу в районе поселка Збоншинь. Среди них были и родители Гершля Гриншпана. Депортируемым было позволено взять с собой 1 чемодан на человека и 10 немецких марок. Оставшееся имущество евреев было захвачено в качестве трофеев местными нацистскими властями и их соседями. Несколько дней люди без денег и вещей, без крова и пищи под проливным дождем скитались вдоль границы, изгоняемые из приграничных деревень полицией и местными жителями. Некоторые беженцы пытались вернуться в Германию, но задерживались пограничными властями или расстреливались³⁰.

Таким образом, история «Хрустальной ночи» – события, давно превратившегося в символ, содержит еще много вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении.

³⁰ “Recollections of Rosalind Herzfeld,” *Jewish Chronicle*, 28 September 1979, p. 80; Maurer T., “Abschiebung und Attentat. Die Ausweisung der polnischen Juden und Vorwand für die “Kristallnacht,” *Der Judenpogrom 1938*, pp. 52–73; Михман Д. Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, 2001. Т. 2, с. 221–222; Tomaszewski E. *Auftakt zur Vernichtung. Die Vertreibung der polnischen Juden aus Deutschland 1938*. Osnabrück, 2002; Urban T., *Der Verlust. Die Vertreibung der Deutschen und Polen im 20. Jahrhundert*, Munich, 2004.

The «Night of Broken Glass» as a Turning Point towards the Extermination of the Jews – Konrad Heiden's Reflections on November 1938

Markus Roth
(Giessen, Germany)

Immediately after the events of November 1938 in Germany the German journalist in Exile Konrad Heiden started his research on the violence of those days against German Jews. Within a few weeks he wrote the first book about the night of broken glasses, which was published 1939 in English, French and Swedish but until a few weeks ago it was never published in its original German version¹.

This book was not Heiden's first book about National Socialism and its rule in Germany. Since his studies at the university of Munich at the beginning of the twenties Heiden had observed the young National Socialist movement and reported about it for well-known newspapers like the "Frankfurter Zeitung". In 1932, Heiden published a history of National Socialism², one year later a book about the first months of Hitler's rule in Germany³. In 1933, Heiden fled to Switzerland, two years later he escaped to France and lived in Paris. He was one of the most successful non-fiction authors in Exile. In 1935 and 1937, he published two volumes of his biography of Hitler⁴, which became a very popular bestseller. To make a long story short: it was no unknown man who wrote the history of the Kristallnacht immediately after it has happened⁵.

¹ Konrad Heiden, *The New Inquisition*, New York, 1939; Konrad Heiden, *Les Vêpres Hitlériennes. Nuits sanglantes en Allemagne*. Paris, 1939; Konrad Heiden, *Tyskland i fara. Novemberpogromen 1938*, Stockholm, 1939; Heiden, Konrad. *Eine Nacht im November 1938. Ein zeitgenössischer Bericht*, Markus Roth, Sascha Feuchert, and Christiane Weber (eds.), Göttingen, 2013.

² Konrad Heiden, *Geschichte des Nationalsozialismus. Die Karriere einer Idee*, Berlin, 1932.

³ Konrad Heiden, *Die Geburt des dritten Reiches. Die Geschichte des Nationalsozialismus bis Herbst 1933*, Zürich, 1934.

⁴ Konrad Heiden, *Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie*, Zürich, 1936; Konrad Heiden, *Ein Mann gegen Europa*, Zürich, 1937.

⁵ For more details about Heiden's biography, see Markus Roth, "Konrad Heiden (1901–1966) – Annäherungen an Leben und Werk", *Heiden, Konrad*, 2013, pp. 135–172.

Heiden's book was the first one, based on several sources – mainly eye-witness accounts of Jewish refugees from Germany which were collected by the Jewish Central Information Office in Amsterdam, newspaper reports of the Nazi press and of international press and also reports of the German Social Democrats in Exile. There is no detailed information about the reception of the book in France or Sweden. The English one was quite successful, reviewed in the German newspaper *Aufbau*, *The New York Times* called it “a searing record of the German persecutions”⁶. We do not know why the original German version of Heiden's book was never published. Maybe it was not because of the outbreak of the Second World War and the dramatic personal situation of its author. I will come back to at the end with other possible explanations.

Heiden's book is not only a description of the events of those days but also a study about the roots of Nazi anti-Semitism and about the consequences of Nazi anti-Jewish policies in general and of the *Kristallnacht* in particular. His interpretation leads Heiden to astonishing conclusions.

First of all, Heiden draws attention to the perpetrators, the Nazi leadership, the SS and its ideology and then he describes the Anti-Jewish measures of the years before November 1938 – the persecution by several laws, the terror against Jews in Austria in spring 1938, the plunder of Jews and so on. All these measures were based on an ideology, which Heiden characterized sarcastically:

In the first place, all men are not equal – that's quite plain; in the second place, some are worth more than others, for there must be some kind of discipline; and in the third place, I'm worth more than any of them, and if you don't believe it, I'll prove it to you with my club⁷.

Against this background, Heiden tells the history of the “Night of broken glasses” as a story of violence, terror and hate of the perpetrators, and as a story of fear, helplessness and incomprehension on the side of the victims: “The Jew sits in the dark and fails to understand. The S.S. marches into the new day and knows what it has done; also why it has done so”⁸. According to Heiden, the night “was a night of destruction and mistreatment; it was not a night of planned murder”⁹.

⁶ “Book of the Times”, *New York Times*, 1 July 1939.

⁷ Heiden, 1939, p. 44.

⁸ *Idem*, p. 29.

⁹ *Idem*, p. 66.

On the next day, however, the scene changed. Heiden noticed much more violence and terror in the daylight. His explanation was

In the full light of day, right out in public, under neighbors' eyes, there emerges a bestiality which never becomes fully aroused in the dark of night, even with the crashing and splintering of furniture. Bestiality is a mass intoxication¹⁰.

The description of this bestiality by quoting many witness accounts is the main part of the book: Heiden informs his readers about the terror against Jews, against women, men, children, old and ill people, about looting Jewish neighbors, murder and so on.

After having told *what* happened, Heiden tries to answer the question *why* it happened and what it means. Heiden finds the answer in the events and measures immediately after the "Night of broken glasses": the arrest of around 30,000 Jewish men in concentration camps, the forced aryanization and so on. From Heiden's point of view, the terror applied against Jews in November 1938 only was some kind of pretext for these measures. The real reasons, however, are different as Heiden shows by quoting and analyzing an article published on 24 November 1938 in the SS-newspaper *Das Schwarze Korps* (*The Black Corps*).

The newspaper writes

Because it is necessary; because we no longer care to listen to the howling of the world; and, finally, because no power on earth can stop us; we are about to bring the Jewish question to its totalitarian solution. The program is clear¹¹.

The writer of this article propagates the elimination of Jews from trade, economy and so on, their isolation in certain streets and houses, and finally the writer wants the Jews to become poor and poorer in isolation. This program for Heiden seemed quite clear. He writes: "In the language peculiar to the Nazis we are told here that the Jews are slowly to starve to death"¹².

But that was not the whole program. When getting poor, the SS-journalist says, the Jews would become criminal and then for the SS it would be time to act:

¹⁰ Idem, p. 67.

¹¹ "Juden, was nun?", in *Das Schwarze Korps*, 24 November 1938, p. 1. Cf. Heiden, 1939, p. 145.

¹² Heiden, 1939, p. 146.

At such a stage of development we would be faced with the harsh necessity of rooting out the Jewish underworld in the same manner in which our state, founded on law, extirpates criminals: with fire and sword. The result would be the actual and final end of Jewry in Germany, its absolute annihilation¹³.

Heiden did not read these words only as some kind of extreme anti-Semitic rhetoric, because the bestiality of November 1938, the dead victims had changed the situation basically:

This last paragraph is recommended for a second reading. Certain events that took place in Germany on the night of November 9 should be kept in mind. Let us accept the premise that theoretically there is no depravity which is impossible. To drive 600,000 people by robbery into hunger, by hunger into desperation, by desperation into wild outbreaks, and by such outbreaks into the waiting knife – such is the coolly calculated plan. Mass murder is the goal, a massacre such as history has not seen [...] ¹⁴.

This seems to be a very farsighted interpretation. Of course, Heiden did not foresee the full dimension of the Holocaust, the systematic murder of all European Jews. But what he did realize is a new quality of persecution shown in the days of November 1938, a persecution which already comprises the idea of murder. To realize this Heiden only needed a deep knowledge of what really happened in Germany in November 1938, a thoughtful reading of the Nazi press and a clear idea of Nazi ideology.

With this in mind, he got close to the later reality of the Holocaust. Heiden writes:

We can only venture guesses as to the technical forms which these mass executions are to take. In his book *Mein Kampf*, Adolf Hitler suggested that the people to be killed or kept under poisonous gas; however, he speaks of a mere twelve to fifteen thousand. Doubtless the destructive instinct in the ruling class of the regime has grown in the meantime; chiefly because, contrary to its own expectations, it has been able up to now to perpetrate its deeds without effective resistance or penalty. [...] Men high up in the regime are fond using the term ,to push the button‘, though their listeners are never quite sure whether

¹³ “Juden, was nun?”, *Das Schwarze Korps*, 24 November 1938, p. 1. Heiden, 1939, p. 147f.

¹⁴ Heiden, 1939, p. 148.

the mocking tone should be taken seriously. Often do they add the explanation – still in jocular vein: to assemble all Jews in a large hall and then to release the gas by pressing a button”¹⁵.

The question for the function of Anti-Semitism, however, was not yet answered for Heiden. In the next chapter he tried to do it like that: The regime wants to win over the masses by arousing fear and transforming fear into hatred against one common and weaker enemy, of whom the masses would have a clear and vivid picture. According to Heiden, this should be the enemy who offers the opportunity for the masses to beat him again and again. But in a long run, it would be unavoidable to destroy the enemy, Heiden writes. This should only happen when a new one is found and this moment has come in wartime. And the war seemed to have arrived in September 1938. “And now we begin to understand”, Heiden combines, “why the Jews are slowly to sink into poverty, hunger and criminality – why these fleas and subhumans are not wiped out at one stroke. National socialism needs the Jews”¹⁶.

Later on there would be a new pretext for the last blow against Jews, for example a shot on a Nazi leader. Again Heiden found hints for his interpretation in the Nazi press. At the beginning of December 1938, *Das Schwarze Korps* wrote: “The day a Jewish weapon is pointed at any German leader there will be no more Jews in Germany. We trust we have expressed ourselves clearly enough”.¹⁷ And now the deeper sense of the “Night of broken glasses” seemed to be clear. Heiden summarizes:

Anti-Semitism had been the strongest driving force of National Socialism. Five years of Nazi rule, however, had demonstrated that this anti-Semitism had not yet struck deep roots into the German people. An act of incitement was to remedy this deficiency¹⁸.

At the end, Heiden emphasizes the fact that the mass of German people did not follow the regime’s violence against the Jews. The consequences seemed right clear. He writes:

¹⁵ Idem, pp. 148–149.

¹⁶ Idem., p. 153.

¹⁷ “Damit wir uns recht verstehen...”, *Das Schwarze Korps*, 1 December 1938, p. 2. Heiden, 1939, p. 154.

¹⁸ Konrad, p. 154.

In the months to come you may still bring on much horror; but the limits have become visible – the limits beyond which the German people will not follow you. Nevertheless you will pass beyond those limits, for ,it has to be‘; you can do nothing else; and in that event you will come to the parting of the ways with the German people”¹⁹.

The parting of the ways because of anti-Jewish policies, however, never took place until the end of Nazi rule.

To conclude, I would like to try another answer to the question why Heiden’s book was not published in exile in the German language. Maybe it was not because it was planned as some kind of information for the free world about what happened in Germany. Furthermore and first of all, Heiden made an appeal to the world by saying: this happened and if the world does not stop the Nazis a catastrophe would be imminent. This was one of the most important messages of the book. And it was the message for the powerful governments and for the people in the free world. They, in his eyes, had got the power to stop the Nazis and to prevent the catastrophe; the German-speaking exile did not.

¹⁹ Idem, p. 169.

Отражение событий «Хрустальной ночи» и ее последствий в сибирской и дальневосточной периодике

*Ольга Владимировна Горских
(Томск, Россия)*

Одним из уникальных и почти неисследованных источников в освещении кровавых событий, произошедших в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. на территории нацистской Германии, является сибирская и дальневосточная периодика. Материалом для анализа стали тексты, опубликованные в газетах Томска, Новосибирска и Благовещенска с ноября 1938 г. по июнь 1939 г.: «Красное знамя», «Советская Сибирь», «Амурская правда», до сих пор не введенные в научный оборот. Обнаружение и систематизация этих разнообразных материалов позволяют в полной мере восстановить события «Хрустальной ночи» и ее последствия, проследить реакцию мировой политической общественности на данный беспрецедентный акт, а также увидеть, какой отзвук вызвала эта тема в региональной прессе, а шире – в сознании сибиряков.

Первые сведения о еврейских погромах начинают появляться в местных газетах спустя лишь несколько дней после этой вероломной фашистской акции. Вместе с тем наблюдательному провинциальному читателю «Советской Сибири» уже 11 ноября 1938 г. становится известно о ранении третьего секретаря германского посольства¹. Днем позже в субботнем номере томской газеты «Красное знамя»² появляется небольшая заметка со ссылкой на ТАСС от 8 ноября. В ней сообщается, что в Париже двумя выстрелами из револьвера ранен Эрнст фон Рат, племянник бывшего германского посла во Франции Кестера. Стрелявший был польский еврей Гершель Гриншпан. Подобный новостной дайджест помещается и на страницах «Амурской правды» также 12 ноября 1938 г. правда, с весьма выразительным заголовком, набранным шрифтом крупного кегля, – «Ранение третьего секретаря германского посольства в Париже». Французское информационное агентство «Гавас» сообщает, что инцидент произошел в помещении германского посоль-

¹ Советская Сибирь. 1938. № 259. 11 ноября. С. 4.

² Красное знамя. 1938. № 210. 12 ноября. С. 4.

ства в Париже, и премьер-министр Франции Эдуард Даладье и министр иностранных дел Жорж Боннэ, «узнав о происшедшем, немедленно выразили свое сожаление германскому послу»³. Как известно, именно это событие послужило официальным поводом к повсеместным еврейским погромам.

Итак, 12 ноября 1938 г. в центральной новосибирской газете «Советская Сибирь» размещается небольшая заметка с новостным поводом из Женевы от 10 ноября, в которой сообщается о том, что фашисты использовали для усиления террора против евреев организованное покушение на третьего секретаря германского посольства. «В течение последних дней, – пишет газета, – по всей Германии происходят еврейские погромы. <...> На глазах у населения происходит буквальное истребление евреев. <...> В 5 часов утра фашисты начали погром еврейских магазинов на улицах Берлина. На Фридрихштрассе, Лейпцигштрассе и других улицах разгромлены еврейские магазины. На улицах валяются выброшенные товары. Угрюмые толпы народа молчаливо созерцают фашистское варварство»⁴.

Теперь из номера в номер в разделе международной хроники публикуются экстренные выпуски из-за рубежа, посвященные еврейским погромам, под названием «Разгул фашистских изуверов», «Возмущение в США фашистским варварством», «Германский народ осуждает погромы», «Еврейские погромы в Данциге». Репортажи из Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Варшавы повествуют о реакции мира на эти деяния. Сибирский читатель узнает, что погромы перекинулись и на Восточную Европу. Вот выдержки из публикаций:

Варшава, 16 ноября. На всей территории Данцига происходят жестокие еврейские погромы. Банды фашистов избивают не только мужчин, но детей и стариков. В Цопоте озверевшие гитлеровцы вытащили из помещения видного врача-хирурга, облили его бензином и подожгли.

Нью-Йорк, 16 ноября. Многочисленные массовые организации США все настойчивее требуют от правительства заявить решительный протест Германии против преследований евреев⁵.

³ Амурская правда. 1938. № 261. 12 ноября. С. 4.

⁴ Советская Сибирь. 1938. № 260. 12 ноября. С. 4.

⁵ Советская Сибирь. 1938. № 265. 18 ноября. С. 4.

В томских газетах новости о погромах появляются позже. В воскресном номере центральной томской газеты «Красное знамя» от 20 ноября 1938 г. со ссылкой на передовую «Правды» от 18 ноября помещается довольно обширная статья с символическим названием «Фашистские погромщики и каннибалы». В ней с неодобрением сообщается о зверствах фашистов на улицах Берлина, приводятся отзывы руководителей мировых держав на эти события, в частности Рузвельта и Сталина. Весь пафос статьи направлен на разоблачение бессилия нацистского режима, уверенность в его скорой гибели, причем такого рода вывод навеян аналогиями из российской истории, в частности черносотенными погромами:

В страхе перед нарастающим недовольством трудящихся масс царское правительство прибегало к погромам против евреев и других народов России. Черная сотня с помощью жандармов и полиции громила, убивала, грабила евреев. Но чем больше свирепствовали погромщики, тем больше разоблачалось бессилие царского правительства. Новый разгул каннибальских, людоедских погромов знаменует близящийся конец фашизма⁶.

Вместе с тем в этой статье явственно говорится о том, что нелепо ставить в связь эту «зверскую вспышку» с убийством германского дипломата в Париже.

Надо сказать, что дальневосточные жители оповещаются о европейских потрясениях значительно раньше томичей, еще 15 ноября благовещенская «Амурская правда» публикует информацию о «зверствах фашистских погромщиков». Вот что сообщает 11 ноября берлинский корреспондент лондонского агентства «Рейтер»:

В Берлине фашисты при явном попустительстве полиции разгромили множество еврейских магазинов. В Мюнхене, Нюрнберге, Франкфурте-на-Майне, Кёльне банды фашистских погромщиков выбили окна во многих еврейских домах и гостиницах и сожгли все еврейские молитвенные дома. <...> В Вене разгромлены все синагоги. Отряды штурмовиков совместно с полицией обходят еврейские дома, арестовывают поголовно всех мужчин в возрасте от 16 лет. По предварительным данным, число арестованных составляет не менее 10 тысяч человек⁷.

⁶ Красное знамя. 1938. № 215. 20 ноября. С. 3.

⁷ Амурская правда. 1938. № 263. 15 ноября. С. 4.

И здесь же сообщение из Берлина от 11 ноября гласит, что за последние дни погромы приняли настолько широкие размеры, что министерство Геббельса вынуждено было сегодня официально заявить, что дальнейшая расправа с еврейским населением будет проведена путем «законных мероприятий»⁸.

Какими явились эти мероприятия, всем хорошо известно.

Корреспонденты разных европейских информагентств телеграфируют об изменяющейся ежедневно ситуации: намерении германского правительства создать гетто для евреев, не успевших покинуть Германию, о зафиксированных 60-ти случаях «самоубийства» среди евреев в Мюнхене и Вене, о тысячах изгнанных евреях из Судетской области, о десятках еврейских семейств, прибывающих на чехословацкую территорию и etc. Можно утверждать, что уже в это время вырисовывается будущий сценарий событий Холокоста, и возникает вопрос о коллективной и личной ответственности не только правительств, политических и общественных деятелей, но и каждого гражданина за то, что происходило в ночь на 10 ноября 1938 г., явившись предвестником трагедии беспрецедентного масштаба. Приведем лишь некоторые свидетельства, четко обозначившие уже тогда позиции людей в своем гражданском и личностном выборе: палач, сторонний наблюдатель и тот, кто не остался в стороне. Так, например, в оккупированном Германией городе Мосте 14 ноября произошел погром и все еврейское население было отправлено на приграничную чехословацкую территорию, в свою очередь чехословацкие власти отказались принять беженцев.

Несколько десятков семейств, в том числе много женщин и детей, пятый день живут в овраге под открытым небом. Снабжать их продуктами питания запрещено. Среди несчастных имеется несколько раненых во время погрома. Больница города Мосте отказалась принять раненых⁹.

Или такие примеры. По сообщению швейцарской газеты «Дер Бунд», недавно германские фашистские студенты, обучающиеся в Женевском университете, выступили против профессора-еврея Гамбургера и устроили демонстрацию против профессора Либ-

⁸ Там же. С.4.

⁹ Амурская правда. 1938. № 268. 21 ноября. С. 4.

скинд, выразившего возмущение в связи с преследованием евреев в Германии¹⁰.

А вот другое свидетельство.

Париж, 16 ноября. Выходящая в Париже антифашистская печать сообщает, что в ряде городов Германии – Бреславле, Ганновере, Франкфурте, Кёльне, Эссене, Гамбурге и других – группы солдат и населения брали под свою защиту избиваемых штурмовиками во время погромов евреев¹¹.

И далее.

В Лейпциге «гитлеровская молодежь» избивала до полусмерти трех солдат, взявших под защиту еврейскую детвору. В Берлине, на Потсдамской площади, был изувечен солдат германской армии, защищавший группу еврейских женщин и детей от зверств погромщиков. Гестапо (германская тайная полиция) произвела многочисленные аресты среди рабочих, солдат и даже штурмовиков¹².

Надо сказать, что, несмотря на спланированную властями акцию, воздействующую на массовое сознание немецкого общества, германский народ в большинстве своем испытывал возмущение и негодование по поводу действий фашистского правительства. Так, репортер лондонской газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост» сообщает о том, что иностранные корреспонденты в Берлине получили по почте обращение, единогласно принятое 13 ноября на совещании, объединившем представителей всех слоев общества, включая офицеров и некоторых членов фашистской партии. В тексте говорится: «Мы, собравшиеся на совещание, выражаем чувство стыда по поводу событий, происходящих сейчас в Германии. Германский народ не причастен к еврейским погромам и осуждает их»¹³.

Репортеры передовых международных изданий знакомят мировую общественность с рядом новых законов и распоряжений немецкого правительства относительно еврейского населения. Вот лишь некоторые из таких решений:

Убытки, нанесенные в связи с разгромом еврейских магазинов и жилищ, возлагаются на самих пострадавших, которые должны

¹⁰ Амурская правда. 1938. № 270. 23 ноября. С. 1.

¹¹ Советская Сибирь. 1938. № 265. 18 ноября. С. 4.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Там же. С. 4.

немедленно привести в порядок разгромленные магазины и квартиры. Страховые премии, которые должны были платить евреям страховые общества, конфискуются государством. Кроме того, еврейское население Германии обложено штрафом в 1 миллиард марок, который поступает в фонд государства¹⁴.

А британская газета «Ивнинг стандарт» 19 ноября 1938 г. сообщает с отсылкой на источники в Праге, что германское правительство отправило в Чехословакию секретную ноту, в которой предъявляет требования ввести на их территории антисемитские законы. «Германское правительство запросило чехословацкое правительство о расовой принадлежности чехословацких министров и будущего президента»¹⁵.

К началу декабря появляются распоряжения о запрете евреям появляться на ряде центральных улиц Берлина, запрещено посещать театры, музеи, стадионы и даже управлять автомобилями¹⁶.

Теперь регулярно, практически в каждом номере сибирской печати, публикуются известия, касающиеся физического и правового притеснения евреев на самых разных территориях, в том числе далеко за пределами Европы. Так, любопытные сведения помещаются на страницах дальневосточных газет. В «Амурской правде» от 21 декабря 1938 г. рассказывается о волне еврейских погромов в Маньчжурии, причем со ссылкой на лондонскую газету «Дейли геральд» от 17 декабря: «Недавно японская армия в Маньчжурии организовала еврейские погромы. Десятки евреев были арестованы. Около тысячи беженцев-евреев прибыло в Шанхай»¹⁷.

С наступлением 1939 года не прекращают приходить тревожные сообщения из Европы. Невзирая на общемировое недовольство и осуждение, волна антисемитизма и издевательств над евреями захлестывает все большие территории: теперь в Болгарии, Венгрии, Моравии, Чехии, Словакии, Италии совершаются расправы над еврейским населением. Вот какие сообщения помещаются в хронике международных новостей. Корреспондент лондонской газеты «Ньюскроникл» репортирует из Збонщины на

¹⁴ Амурская правда. 1938. № 264. 16 ноября. С. 4.

¹⁵ Красное знамя. 1938. № 212. 23 ноября. С. 4.

¹⁶ Красное знамя. 1938. № 228. 9 декабря. С. 4.

¹⁷ Амурская правда. 1938. № 292. 21 декабря. С. 4.

польско-германской границе об отчаянном положении изгнанных из Германии евреев:

Польские власти их не принимают, а германские не разрешают им вернуться обратно. <...> Стоят 30-градусные морозы. Дети замерзают насмерть. Большинство беженцев спит под открытым небом. В одной старой конюшне установлена печь, куда женщины и дети поочередно ходят погреться¹⁸.

В Италии, в газетах, публикуются антисемитские статьи и обсуждаются различные методы преследования евреев. Все итальянские магазины, по примеру Германии, получили указания вывесить объявления о том, что их хозяева являются арийцами, «чтобы покупатели знали, где им надлежит приобретать товары»¹⁹.

В феврале 1939 г. более шести тысяч еврейских семей Болгарии лишились болгарского гражданства и получили распоряжение в течение 14 дней покинуть страну. Военное министерство запретило делать закупки военных материалов у еврейских фирм²⁰. 3 апреля 1939 г. в ряде городов Словакии фашистскими штурмовиками были организованы еврейские погромы. «В городе Прешеве (Восточная Словакия) была подожжена синагога, разгромлены еврейские магазины. Имеются десятки изувеченных и раненых»²¹.

Таким образом, можно говорить о том, что тема еврейских погромов стала ключевой в газетных репортажах, заняв на несколько месяцев первые полосы не только центральных мировых изданий, но и региональной прессы.

В этой связи интерес представляет политический дискурс, развернувшийся на страницах периодической печати: выступления лидеров мировых держав, ведение переговоров правительств о мерах помощи германским евреям, обращение американских профсоюзных организаций с просьбой к руководству страны немедленно развернуть антифашистскую кампанию, выдвижение ноты протеста США германскому правительству, отзывы торговых атташе и дипломатов из Германии многими государствами.

¹⁸ Красное знамя. 1938. № 238. 24 декабря. С. 1.

¹⁹ Красное знамя. 1938. № 235. 20 декабря. С. 4.

²⁰ См.: Красное знамя. 1939. № 30. 15 февраля. С. 4.

²¹ Красное знамя. 1939. № 60. 5 апреля. С. 4.

Так, уже 14 ноября в Лондоне лидер английских либералов Синклер в речи в Нормгемптоне заявил, что «Европа со времени средневековья не знала таких жестоких погромов, которые происходят сейчас в Германии»²².

ТАСС со ссылкой на Вашингтон 16 ноября оповещает, что Рузвельт в беседе с представителями печати заявил о том, что сообщения из Германии за последние дни глубоко потрясли общественное мнение США. Я сам с трудом могу поверить, что такие вещи возможны в XX столетии. В связи с необходимостью иметь самую достоверную информацию о положении в Германии, я предложил государственному секретарю немедленно вызвать с докладом в Вашингтон нашего посла в Берлине²³.

Осуждая действия фашистов, президент США вместе с тем опроверг информацию о совместных мероприятиях с Англией по эвакуации евреев из Германии, добавив, однако, что ими обсуждаются проблемы еврейских беженцев. Здесь же приводятся известия американской газеты «Геральд трибюн», которая пишет, что вся страна приветствует вызов посла Вильсона в Вашингтон. По мнению журналистов, это открыто демонстрирует возмущение американцев варварством германского правительства, которое затрагивает национальные интересы США. В данном случае имеется в виду защита цивилизации.

Днем позже, 17 ноября, нью-йоркское агентство «Ассошиэйтед пресс» распространило информацию американского правительства об отзыве из Германии торгового атташе при посольстве США в Берлине Дугласа Миллера. По свидетельству агентства, отзыв атташе истолковывается в дипломатических кругах как знак того, что Соединенные Штаты при такой политической ситуации не заинтересованы в торговле с Германией. Кстати, ответным шагом со стороны фашистской Германии стал отзыв германского посла Дикгофа из Вашингтона.

23 ноября во всех региональных сибирских СМИ появилась информация, что правительство США отправило ноту германскому правительству с требованием гарантий «неприменения антисемитских законов от 12 ноября к американским евреям, про-

²² Амурская правда. 1938. № 264. 16 ноября. С. 4.

²³ Советская Сибирь. 1938. № 265. 18 ноября. С. 4.

живающим в Германии». Затем еще несколько раз США направляло ноту Германии в защиту американских граждан. Так, например, в начале декабря заместитель госсекретаря (министр иностранных дел) США Уэллес выступил с заявлением, что американское правительство требует не распространять законы о конфискации имущества евреев – американских граждан.

Судя по обилию публикаций в региональной прессе, вплоть до весны 1939 г. с первых страниц международной печати не сходят новости о протестных движениях во всех странах мира по поводу погромов. Так, в статье «Протесты против зверств фашистских погромщиков», опубликованной в «Советской Сибири» за 26 ноября, сообщается, что в столице Чили Сантьяго состоялась многотысячная демонстрация против погромов в Германии. «Демонстранты требовали разрешения еврейской иммиграции в страну и бойкота германских, итальянских и японских товаров»²⁴. На вспыхнувших по всей Канаде массовых митингах состоялось принятие резолюций, призывающих канадское правительство заявить Германии протест против еврейских погромов и разрешить беженцам въезд в Канаду. В случае продолжения погромов общественность просит прервать дипломатические отношения с Германией. В Голландии все население страны выражает возмущение действиями в Германии, а газеты отмечают, что погромы производятся по указанию властей. Во Франции бюро «Лиги прав человека» приняло решение, в котором объявляет протест против «гитлеровского варварства не только в отношении еврейского населения, но и в отношении всех, испытывающих на себе фашистский террор»²⁵.

Мир буквально взбудоражен зверствами нацистов, нет ни одного уголка, где бы не происходили митинги против погромов, не высказывалось решительное осуждение. Так, председатель американской федерации труда Грин обратился с письмом ко всем профсоюзным организациям, входящим в федерацию, с предложением немедленно развернуть антифашистскую кампанию. Английский министр финансов Саймон заявил, что «английское правительство в сотрудничестве с правительствами других стран старается сделать все возможное по содействию в переселении

²⁴ Советская Сибирь. 1938. № 271. 26 ноября. С. 4.

²⁵ Советская Сибирь. 1938. № 268. 22 ноября. С. 4.

германских беженцев. Министр по делам Индии Ветлэнд сообщил, что правительство готово поселить часть беженцев на территории Британской Индии²⁶.

Выступая в прениях в палате общин 21 ноября 1938 г., премьер Чемберлен сообщил, что правительство Англии «запросило ряд колониальных генерал-губернаторов Британской империи о возможностях размещения там беженцев из Германии»²⁷.

Члены палаты общин единодушно выразили мнение, что вопрос о преследованиях евреев в Германии не может рассматриваться как внутреннее дело только самой Германии, он касается всех других стран мира. В выдвинутой резолюции палата общин отмечает: «Некоторые расовые, религиозные и политические меньшинства в Европе подвергаются преследованиям. Ввиду серьезности сложившейся обстановки необходимо всем нациям предпринять общие усилия для достижения общей политики в вопросе о беженцах»²⁸.

Протестные антифашистские движения захлестнули не только Европу, митинги советской интеллигенции против еврейских погромов происходят в центральных, сибирских и дальневосточных городах. Так, новосибирская газета «Советская Сибирь» от 29 ноября 1938 года публикует стенограмму митинга, состоявшегося 27 ноября в Большом зале Московской Государственной консерватории и организованного правлением союза советских писателей СССР и правлением союза советских архитекторов. Собрание объединило около двух тысяч человек. Виднейшие архитекторы, композиторы, музыканты, скульпторы, художники, писатели, драматурги высказывали чувство глубокого негодования и гнева по поводу зверств, учиненных фашистскими изуверами, и выражали сочувствие жертвам еврейских погромов. Пронзительной и яркой речью митинг открыл писатель А.Н. Толстой. По его словам: «Сравнивать, как это часто делают, фашистский режим со средневековьем – значит оскорблять средневековье. Фашистский режим в Германии не с чем сравнивать, потому что ни одна страна за всю человеческую историю не переживала такого позора»²⁹.

²⁶ См.: Амурская правда. 1938. № 269. 22 ноября. С. 1.

²⁷ Советская Сибирь. 1938. № 270. 24 ноября. С. 4.

²⁸ Там же. С. 4.

²⁹ Советская Сибирь. 1938. № 274. 29 ноября. С. 2.

С взволнованной речью обратился к митингующим народный артист РСФСР С.М. Михоэлс: «Убивать, грабить, жечь, разрушать, насильничать – это призвание фашизма, его природа, его живодерская миссия. Но он будет уничтожен в своем собственном бешенстве. Еврейские погромы – это судороги фашизма»³⁰.

К великому сожалению, говоря о близящемся конце фашизма, он ошибался.

Многолюдный митинг прошел и в клубе им. Менжинского в Новосибирске. Свыше тысячи сибиряков, среди них ученые, педагоги, врачи, артисты, художники, музыканты, киноработники, писатели, инженеры, осудили еврейские погромы в Германии. «Родина Гейне, Гёте, Шуберта, наследница мировых открытий, некогда передовая страна культуры и цивилизации, превращена в сплошной концентрационный лагерь»³¹, – высказывались собравшиеся. В этом митинге приняли участие также представители из Томска, в частности выступала инженер управления Томской железной дороги.

4 декабря 1938 г. в Концертном зале состоялся митинг протеста интеллигенции города Томска. Профессора, доценты, учителя, врачи, инженеры и артисты клеймили позором кровавые злодеяния фашистов. С чувством глубокого потрясения выступали: заслуженный деятель науки, доктор физико-математических наук В.Д. Кузнецов, профессор-орденоносец С.А. Адамов, врач Плоскирев, доцент Белоусов и другие³².

В Благовещенском пединституте 10 декабря состоялся общегородской митинг. Об атмосфере этого собрания и обсуждаемых вопросах можно судить по следующей речи. Один из выступавших в своем эмоциональном слове произнес, что относительно недавно советские зрители с ощущением холода в теле смотрели кинофильм «Профессор Мамлок»³³, в котором показывалось глумление фашистских мракобесов над выдающимся медиком.

³⁰ Красное знамя. 1938. № 222. 30 ноября. С. 4.

³¹ Красное знамя. 1938. № 224. 3 декабря. С. 1.

³² См.: Красное знамя. 1938. № 225. 4 декабря. С. 1.

³³ Фильм режиссеров Г. Раппапорта и А. Минкина поставлен по одноименной пьесе немецкого писателя-антифашиста Фридриха Вольфа. Рассказывается о социальном прозрении далекого от политики немецкого ученого-гуманиста под воздействием политических событий в Германии 1930-х годов.

«То, что еще совсем недавно воспринималось нами как яркое художественное творение, – заявил тов. Фишер, – сегодня ожило, обнажилось всей своей мрачной, леденящей кровью, кошмарной действительностью»³⁴. Собравшиеся говорили о том, что фашистские зверства оставили далеко позади себя Варфоломеевскую ночь 1572 года. Жители Благовещенска очень ярко выражали свою реакцию на события в Германии и Европе. Несколькими днями ранее общегородского собрания на благовещенской автобазе «Заготзерно» состоялся митинг рабочих и служащих, присоединивших свой голос протеста к трудящимся всего мира. Они выразили возмущение еврейскими погромами.

Так заканчивался кровавый 1938 год. Газета «Советская Сибирь» поместила обширный аналитический общемировой обзор «Под знаком войны и голода» об итогах уходящего года. В ней явственно проговаривается, что «государства и народы как-то незаметно вползли в орбиту второй империалистической войны» и еврейские погромы со всей очевидностью показали чудовищный лик фашистского режима³⁵.

Таким образом, объемный пласт сибирской и дальневосточной периодики представляет собой репрезентативный материал, позволяющий проследить, как события «Хрустальной ночи» освещались на региональном уровне и как происходило в связи с этим формирование политического и нравственного сознания сибирского общества.

³⁴ Амурская правда. 1938. № 284. 11 декабря. С.3.

³⁵ См.: Советская Сибирь. 1939. №1. 1 января. С. 4.

«Хрустальная ночь» в образовательных программах и учебниках России

Татьяна Борисовна Пасман
(Псков, Россия)

«Хрустальная ночь» – событие истории, событие, ставшее, как справедливо отметил Борис Хавкин символом эпохи. Символом реакции преступного государства и агрессивных нацистских групп на молчание и равнодушие общества. Несмотря на то что в нем немало белых пятен, вопросов, неясностей, необходимость его включения в школьные курсы социально-гуманитарных дисциплин очевидна по ряду оснований.

Во-первых, данное событие оказало существенное влияние на многие социальные и политические процессы, которые происходили в нашей стране в конце 30 – начале 40-х годов. «Хрустальная ночь» усилила стремление европейских евреев к эмиграции. Часть этих миграционных путей была в той или иной степени связана с Советским Союзом¹. Нацистские бесчинства 9 ноября 1938 г. вызвали достаточно активную негативную реакцию советского народа. Союзные и региональные газеты сообщали о протестах в разных странах мира, действиях лидеров США. Великобритании и Франции². 15 ноября на собрании в Большом зале Московской консерватории была принята резолюция «с осуждением антисемитских эксцессов». Митинги и собрания прошли и в других городах СССР. Инициатива по проведению этих мероприятий, как отмечают исследователи, принадлежала «высшему советскому партийному руководству»³.

Но активность выступающих, реакция участников показывали искренность осуждения советскими людьми нацистской политики по отношению к евреям. Эти факты необходимо знать современным школьникам, т.к. они влияют на формирование у них

¹ См. доклады И.А. Альтмана, Г. Костырченко в данном сборнике.

² См. статью О.В. Горских в данном сборнике.

³ Холокост на территории СССР: энциклопедия / Гл. ред. И.А. Альтман. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2011, СС. 1038 – 1039; «Хрустальная ночь»: урок истории: Методическое пособие/ Составитель: Л.М. Пятецкий; Под ред. И. А.Альтмана. – М., 2008. – (Методическая библиотека «Память о Холокосте – путь к толерантности». Вып. 4).

патриотических чувств, вызывают уважение к прошлому нашего народа, государства.

Во-вторых, без включения в учебный процесс подобных знаковых событий, повлиявших на ход исторического процесса, заставивших общество задуматься о проблемах сегодняшнего дня и перспективах своего развития, невозможно реализовать главные цели изучения обществоведческих дисциплин, заявленные в нормативных документах Министерства образования⁴.

В примерных и авторских программах, тематических планированиях учебных курсов всемирной истории и истории России XX века 9 и 11 классов отсутствует термин «Хрустальная ночь» или его синонимы («ночь сожженных синагог», «ночь разбитых витрин» и др.). Но в них представлены темы, которые не просто позволяют, а требуют анализа на уроках событий «Хрустальной ночи» (Приложение 2) как знаковых для объяснения причин Второй мировой войны, ее хода и итогов. Для того чтобы эффективно реализовать этот потенциал, необходимы педагогические ресурсы – учебные тексты (статьи, разделы в учебниках, справочниках и т.п.), адаптированные источники (документы, фотографии эпохи, фрагменты из документальных фильмов и т.п.), методическое сопровождение (системы заданий, памяток и рекомендаций).

Ни в одном учебнике по российской истории XX века не упоминается о событиях «Хрустальной ночи». Хотя эта тема позволяет достаточно прозрачно и ярко реализовать внутрипредметную интеграцию школьных исторических курсов (историю России и всеобщую историю), создает реальные условия для воспитания патриотических чувств у современных школьников.

Из восемнадцати учебников по новейшей истории зарубежных стран, рекомендованных и допущенных к использованию в общеобразовательных учреждениях на 2013/2014 учебный год, информация о нацистском погроме 1938 года имеется только в шести⁵. Учебники издательств «Мнемозина», «Баласс» и «Русское

⁴ См. Приложение 1.

⁵ Н. Алексахина. Всеобщая история. XX – начало XXI века. 9 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. – М., 2012, с. 80; Л.Н. Алексахина. Всеобщая история. XX – начало XXI века. 11 кл.: Учебник (базовый и профильный уровень). – М., 2012, с.87; Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., др. Всеобщая история. История Новейшего времени. Учебник для 9–го класса основной школы. –

слово» (для 9 и 11 классов) представляют три линии учебной литературы. Соответственно события «Хрустальной ночи» в каждый из них включены с различной степенью детализации и обобщения.

В книгах для основной школы названа дата событий и основные факты: разгром магазинов, синагог, убийство евреев. При этом не везде указаны причины перерастания нацистского антисемитизма в открытую агрессивную стадию уничтожения евреев. Только в двух учебниках (Л.Н. Алексашкиной, О.С. и А.О. Сороко-Цюпа) есть сюжет, на мой взгляд, очень важный для погружения школьников внутрь исторических событий ноября 1938 г.: сюжет о покушении на секретаря немецкого посольства в Париже фон Рата, которое стало поводом к еврейским погромам в Германии и части Австрии. Ведь этот молодой человек – Гершель Гриншпан – был практически ровесником наших учеников. Импульсивность его поступка и трагизм последствий могут стать хорошим поводом для серьезной дискуссии с учащимися. Задача учителя – использовать дополнительные источники для проведения уроков и занятий. Интересные адаптированные к возрасту школьников документы и задания в помощь учителю были разработаны и изданы НПЦ «Холокост» совместно с издательством «Русское слово», издательствами «РОСМЭН» и «Просвещение»⁶. Помощь в создании части из этих материалов оказала книга шведских авторов С. Брухфельда и П. А. Левина⁷.

М., 2013, с. 78; Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира в XX – начале XXI века. 11 класс. – 7 изд. – М., 2008, с. 139; Сороко-Цюпа О.С., Сороко-Цюпа А.О. Всеобщая история. Новейшая история. 9 класс. – М.: Просвещение, 2011, с. 103; Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., Северинов К.М. / Под ред. Мясникова В.С. Всеобщая история. Учебник для школьников 9 класса. – М., 2012, с. 46.

⁶ Холокост. Память и предупреждение. Учебное пособие. 9 – 11 классы/ Альтман И.А., Полторак Д.И. – М., 2010; Альтман И.А., Полторак Д.И. Из истории Холокоста (1933 – 1945). Методические рекомендации к учебному пособию «Холокост. Память и предупреждение. Учебное пособие. 9 – 11 классы/ Альтман И.А., Полторак Д.И. – М., 2010», Пасман Т.Б. Сергеев Е.Ю. Новейшая история зарубежных стран: 9 кл.: методические рекомендации: пособие для учителя. – М., 2005, с. 102 – 103; Пасман Т.Б. Новейшая история зарубежных стран: Задания, тесты, задачи – М., 2005, с. 86.

⁷ Брухфельд С., Левин П. А. Передайте об этом детям вашим... История Холокоста в Европе. 1933–1945.– М., 2001, с.24

Материалы учебника издательства «ВЕНТАНА-ГРАФ» (под ред. Мясникова В.С.) помогут организовать на уроке обсуждение еще одного непростого вопроса – почему «хрустальная ночь» не вызвала широкой волны протеста в немецком обществе. Авторы предлагают свою версию ответа в разделе, посвященном сущности идеологии и политики национал-социализма и ее влиянию на граждан Германии. Но они не претендуют на истинность своего взгляда, что открывает поле для обсуждения, высказывания собственных (возможно полярных) точек зрения.

Проблемой учебников для основной школы является недостаточный объем иллюстративного материала по теме, что противоречит возрастным потребностям подростков 14–15-летнего возраста. Без видеоряда (фотографии, рисунки), фрагментов художественных текстов очень сложно создать адекватное представление о событиях и эпохе накануне Второй мировой войны. Только авторы УМК издательства «Баласс» включили в книгу рисунок⁸.

В учебниках истории для 11 класса события «Хрустальной ночи» включены в более широкий контекст истории становления тоталитарных режимов в Европе в 30–40 гг. XX века. В них отсутствуют какие-либо детали и подробности. Вероятно, такой подход авторов должен стимулировать педагогов более активно актуализировать знания учащихся о конкретных событиях истории Италии, Германии и т.п., полученных в основной школе.

Общим недостатком всех изученных учебников, куда материал о «Хрустальной ночи» включен, является отсутствие в них человеческого измерения истории. Подробно и детально расписывая политиков – исторических деятелей, ставших создателями и исполнителями этой трагедии, их идеи и планы, авторы совершенно не помогают молодым людям понять: каково было тем, кому прокатился нацистский каток. Не включены в пособия и российские материалы, что противоречит основным требованиям к преподаванию истории показать единство судеб и тесную связь людей разных стран в условиях мировой войны. Этот пробел поможет ликвидировать методическое пособие НПЦ «Холокост» под ред. Л.М. Пятецкого, в которое включены воспоминания жи-

⁸ Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., др. Всеобщая история. История Новейшего времени. Учебник для 9-го класса основной школы. – М., 2013, с. 78.

теля Кёнигсберга (Калининграда) Михаэля Вика⁹. Он школьником видел, что происходило в Кёнигсберге (ныне Калининграде) в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. и описал много лет спустя в своей книге «Закат Кёнигсберга: Свидетельство немецкого еврея». В Интернете есть воспоминания Нехамы Дробер, которая будучи 11-летней девочкой пережила все ужасы нацистского преследования. Она видела, как горела главная кёнигсбергская синагога в ночь с 9 на 10 ноября, как нацисты выгнали из здания детского дома, находившегося рядом с синагогой, маленьких детей. А местные жители... Одни выбегали, пытались забрать детей. Но было и иное... Н. Дробер также оставила для потомков свои воспоминания, часть из которых помещена в Интернете¹⁰. Большую помощь в работе педагогам окажет документальный фильм «Хрустальная ночь. Еврейский погром – 1938», размещенный на youtube¹¹.

«Хрустальная ночь», будучи событием не очень давней истории, должна занять свое достойное место на уроках обществознания. И отнюдь не только при изучении политических режимов. Поведение разных людей и социальных групп в сложившейся экстремальной ситуации, реакция мирового сообщества на события «Ночи битых витрин» могут (и должны) стать предметом обсуждения на уроках по теме «Межличностные отношения», «Ценность человеческой жизни», «Свобода и ответственность», «Добро и зло. Долг и совесть. Моральный выбор. Моральный самоконтроль личности. Моральный идеал. Патриотизм и гражданственность» и др.

Чтобы учителя уверенно включали вопросы, связанные с событиями «Хрустальной ночи», в учебный процесс и внеурочную деятельность необходима поддержка сообщества ученых-исследователей, обсуждение таких исторических событий и явлений в профессиональном пространстве: монографии, журналы, профес-

⁹ Хрустальная ночь»: урок истории: Методическое пособие/ Составитель: Л.М. Пятецкий; Под ред. И. А.Альтмана. – М., 2008. – (Методическая библиотека «Память о Холокосте – путь к толерантности». Вып. 4), с. 61.

¹⁰ Нехама Дробер. Рассказ о моей жизни/ Центральный еврейский ресурс [Электронный ресурс] URL: <http://www.sem40.ru/ourpeople/destiny/20487/> (дата обращения: 18.09.2013).

¹¹ URL: <http://www.youtube.com/watch?v=340ZbgTw1Mo> – фильм «Хрустальная ночь. Еврейский погром – 1938».

сиональные встречи (круглые столы, семинары, конференции). Для педагогов-историков важны конференции академического сообщества, международные конференции, такие, как наша сегодняшняя. Они становятся индикаторами – это важно, необходимо делать на этих фактах акценты, т.к. они глубоко вошли в научный оборот. На таких конференциях решается и еще одна проблема – повышение квалификации учителей, освоение новых исторических и методических знаний и умений.

Важно также активизировать региональные и межрегиональные формы обсуждения тем, связанных с преподаванием истории Холокоста – семинары, конференции, вебинары, куда естественным образом войдут и вопросы о «Хрустальной ночи». Их можно приурочивать к памятным датам российской истории или региональным дням памяти.

В Псковской области с 2010 г. во второй половине мая проходит молодежная конференция «Войной испепеленные сердца», посвященная жизни псковичей в годы оккупации 1941–1944гг. Она начиналась как городская школьная. Но за эти годы на ней выступали учащиеся еще трех районов Псковской области, студенты техникумов и вузов г. Пскова. Участники делали доклады, представляли выставочные работы по теме. В 2014 г. будет проведена 5-я такая конференция. Приглашаем читателей данного сборника и ваших учеников выступить на ней с реальным или стендовым докладом. Современные средства коммуникации (скайп, и др.) позволят при определенной подготовке провести телеконференцию.

Информация о дате и условиях проведения (место ее определено уже с первой встречи – МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 18 им. Героя Советского Союза, генерала армии В.Ф. Маргелова» г. Пскова, в которой учился первый юный пскович – финалист Международного конкурса «Память о Холокосте – путь к толерантности») публикуется на сайте Псковского областного института повышения квалификации работников образования на странице Центра гражданского образования¹².

Подобная форма позволит понять молодежи, что история Холокоста – тема, которая интересует их сверстников в разных ре-

¹² URL: <http://poipkro.pskovedu.ru>

гионах России. Сегодня это осознает лишь небольшой круг финалистов Международного конкурса «Память о Холокосте – путь к толерантности», участников итоговой конференции и Мемориального вечера, посвященного Международному Дню памяти жертв Холокоста. Взаимодействие в рамках межрегиональной конференции, на мой взгляд, может стать дополнительным хорошим стимулом для разработки совместных реальных и виртуальных проектов по сбору информации о жертвах нацистского геноцида, борцах и Праведниках народов мира.

Приложение 1

Фрагмент из Федерального государственного образовательного стандарта Основного общего образования, утвержденного Приказом № 1897 от 17.12. 2010 г.

Изучение предметной области «Общественно-научные предметы» должно обеспечить:

формирование мировоззренческой, ценностно-смысловой сферы обучающихся, личностных основ российской *гражданской идентичности, социальной ответственности, правового самосознания, поликультурности, толерантности, приверженности ценностям, закрепленным в Конституции Российской Федерации;*

понимание основных принципов жизни общества, роли окружающей среды как важного фактора формирования качеств личности, ее социализации...

Предметные результаты изучения предметной области «Общественно-научные предметы» должны отражать:

История России. Всеобщая история:

1) формирование основ гражданской, этно-национальной, социальной, культурной самоидентификации личности обучающегося, осмысление им опыта российской истории как части мировой истории, усвоение базовых национальных ценностей современного российского общества: гуманистических и демократических ценностей, идей мира и взаимопонимания между народами, людьми разных культур;

2) овладение базовыми историческими знаниями, а также представлениями о закономерностях развития человеческого общества с древности до наших дней в социальной, экономической, политической, научной и культурной сферах; приобретение опыта историко-культурного, цивилизационного подхода к оценке социальных явлений, современных глобальных процессов;

3) формирование умений применения исторических знаний для осмысления сущности современных общественных явлений, жизни в современном поликультурном, полиэтничном и многоконфессиональном мире;

4) формирование важнейших культурно-исторических ориентиров для гражданской, этно-национальной, социальной, культурной самоидентификации личности, миропонимания и познания современного общества на основе изучения исторического опыта России и человечества;

5) развитие умений искать, анализировать, сопоставлять и оценивать содержащуюся в различных источниках информацию о событиях и явлениях прошлого и настоящего, способностей определять и аргументировать свое отношение к ней;

6) воспитание уважения к историческому наследию народов России; восприятие традиций исторического диалога, сложившихся в поликультурном, полиэтничном и многоконфессиональном Российском государстве.

Обществознание:

1) формирование у обучающихся личностных представлений об основах российской гражданской идентичности, патриотизма, гражданственности, социальной ответственности, правового самосознания, толерантности, приверженности ценностям, закрепленным в Конституции Российской Федерации;

2) понимание основных принципов жизни общества, основ современных научных теорий общественного развития;

3) приобретение теоретических знаний и опыта применения полученных знаний и умений для определения собственной активной позиции в общественной жизни, для решения типичных задач в области социальных отношений, адекватных возрасту обучающихся, межличностных отношений, включая отношения между людьми различных национальностей и вероисповеданий, возрастов и социальных групп;

4) формирование основ правосознания для соотнесения собственного поведения и поступков других людей с нравственными ценностями и нормами поведения, установленными законодательством Российской Федерации, убежденности в необходимости защищать правопорядок правовыми способами и средствами, умений реализовывать основные социальные роли в пределах своей дееспособности;

5) освоение приемов работы с социально значимой информацией, ее осмысление; развитие способностей обучающихся делать необходимые выводы и давать обоснованные оценки социальным событиям и процессам;

6) развитие социального кругозора и формирование познавательного интереса к изучению общественных дисциплин.

Приложение 2

Учебные темы по истории России и всемирной истории, позволяющие включить в урок материалы по «Хрустальной ночи»:

- «СССР во Второй мировой войне: проблема взаимоотношений со странами-агрессорами в 1939–1941 гг., расширение советской территории (советско-финская война, присоединение прибалтийских государств и Молдавии – причины и значение), подготовка к войне».
- «Формирование авторитарных и тоталитарных режимов в странах Европы в 1920–1930-х гг».
- «Победа национал-социализма в Германии (1933 г.)».
- «А. Гитлер (особенности личности и взглядов)».
- «Тоталитарная диктатура в Германии: основные черты и пути выхода из кризиса».
- Установление нацистского режима и ликвидация демократических институтов.
- Германия: нацизм и тоталитарная диктатура. Пропаганда и теория национал-социализма. Установление тоталитарной диктатуры.

**ЧИУНЭ СУГИХАРА
И СПАСЕНИЕ ЕВРЕЕВ ЕВРОПЫ**

Chiune Sugihara and the Rescue of European Jews

Биробиджан как несостоявшееся убежище европейских евреев (В свете трагедии «Хрустальной ночи»)

Геннадий Васильевич Костырченко
(Москва, Россия)

Государства Запада: никто не хотел принимать

«Хрустальная ночь», которая серией разрушительных еврейских погромов прошла в ноябре 1938 г. по городам Германии, глубоко шокировала весь цивилизованный мир своей жестокой разнузданностью и цинизмом. Эта организованная нацистами крупномасштабная акция устрашения глубоко возмутила советскую общественность, чьи видные представители – Соломон Михоэлс и др. гневно осудили ее 15 ноября на митинге протеста в Большом зале Московской государственной консерватории. А 28 ноября «Правда» вышла с первополосной редакционной статьей, заклеившей позором власти рейха за возрождение средневековой юдофобии и цитировавшей известное высказывание Сталина об антисемитизме как крайней форме расового шовинизма и наиболее опасном пережитке каннибализма. Аналогичные мероприятия и публикации в прессе имели место также во Фрунзе, Калинин, Красноярске и Пятигорске и других городах СССР¹.

Развязанный нацистами антиеврейский террор эмоционально всколыхнул также народ и власти Америки. Докладывая об этом наркому иностранных дел М.М. Литвинову, временный поверенный в делах СССР в США К.А. Уманский сообщал 1 декабря 1938 г.:

По США прокатилась волна возмущения нацистским варварством, которое, по мнению знатоков, может сравниться только с анти-немецкими настроениями периода вступления США в войну в 1917 году. Своими заявлениями и отзыванием посла Рузвельт отразил и подогрел народное возмущение»².

¹ Правда. 29 ноября 1938 г.

² Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т.1. – М., 1990. С. 123.

Находясь под сильным впечатлением от «Хрустальной ночи», Рузвельт в конце 1938 года поручил своему советнику Дж. Рабли договориться с нацистами об эмиграции немецких евреев. Последний вступил в переговоры с президентом Рейхсбанка Я. Шахтом, а потом с высокопоставленным чиновником Министерства экономики

Другой советский дипломат, полпред в Лондоне И.М. Майский отмечал в одном из донесений в Москву, что упомянутые ноябрьские события в Германии «сыграли особенно крупную роль в деле отрезвления... руководящих кругов Англии от Мюнхена»³. Имелось в виду подписанное в этом немецком городе 30 сентября 1938 г. печально памятное соглашение между Великобританией, Францией, Германией и Италией, которое знаменовало собой близорукую политику «умиротворения» Гитлера.

По сути, ведущие мировые державы-победительницы в Первой мировой войне, являвшиеся гарантами глобальной версальско-вашингтонской системы международной политики и безопасности, фактически бросили гонимых нацистами евреев на произвол судьбы. Уловив этот невольно посланный руководителями Франции и Великобритании месседж, Гитлер, исполнившись брезгливого пренебрежения к ним⁴, почувствовал полную безнаказанность. Выступая 30 января 1939 г. в рейхстаге, он разразился неприкрытой угрозой полного уничтожения евреев, заявив, что «если международные еврейские финансисты в Европе и за ее пределами сумеют еще раз втянуть народы мира в мировую войну, то ее результатом будет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе»⁵.

Данное заявление явилось следствием не только «политики Мюнхена», но и отказа государств демократического Запада от массового приема немецких евреев. Причем, оказавшись в плену беспечной самоуспокоенности и эгоистической озабоченности

Германии Х. Вольтагом. В результате в феврале 1939 г. появился план Рабли-Вольтата, по которому предполагалось в течение 3–5 лет отправить в США и другие страны 150 тысяч трудоспособных евреев. Однако реализация этой программы полностью провалилась по вине США и других государств.

³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1. С. 180.

⁴ Обсуждая 23 мая 1939 г. с Г. Герингом и высшими военными перспективы будущей большой войны в Европе, Гитлер обронил следующую реплику: «...Несчастных червей – Даладье и Чемберлена – я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас». (Зоря Ю.Н., Лебедева Н.С. 1993 год в нюрнбергском досье // Страницы истории. Дайджест пресс. Июль–декабрь 1989 г. – Л., 1990. С. 185.

⁵ Цит. по: Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации. Сборник документов и материалов / Под ред. И. Арада. – Иерусалим, 1991. С. 34.

собственной безопасностью, эти страны демонстрировали такое нежелание многократно и уже в течение продолжительного времени. Ничего в этом плане не изменилось даже после произошедшего в марте 1938 г. аншлюса, когда с поглощением Австрии нацистской Германией положение евреев в рейхе серьезно усугубилось. Правда, тогда президент США Франклин Рузвельт предложил созвать под эгидой Лиги Наций международную конференцию по проблеме беженцев. Однако, как представляется, он не столько хотел оказать реальную помощь евреям Европы, сколько пытался успокоить их американских собратьев, протестовавших против бездействия в данной ситуации американского правительства. И действительно встреча представителей 32 стран, состоявшаяся в июле 1938 г. во французском курортном городке Эвиан-ле-Бен, оказалась не более чем пропагандистским мероприятием. И хотя на ней было решено создать в Лондоне Международную коллегия по делам беженцев, однако реальной деятельности та так и не развернула. В результате за период 1933–1939 гг. в США смогли въехать лишь 165 тысяч евреев. Даже Великобритания, считавшаяся главной покровительницей евреев (после объявления Палестины в 1917 году их «национальным очагом»), теперь под давлением арабов пошла на попятную. 17 мая 1939 г. кабинет премьер-министра Невила Чемберлена опубликовал так называемую Белую книгу Малькольма Макдональда («Декларация о политике в Палестине»), в которой ввел жесткие ограничения на переселение евреев в Землю обетованную. В ближайшее пятилетие их иммиграция туда ограничивалась суммарной квотой в 75 тысяч человек, а в последующие годы ее размер вообще должен был свестись к минимуму, так как подлежал согласованию с арабской стороной.

Яркой иллюстрацией равнодушия западных демократий к страданиям немецких евреев стала типичная для той поры драма, разыгравшаяся в мае – июне 1939 года у южных берегов США. Ее участниками стали 937 евреев-беженцев, следовавших морем из Гамбурга на Кубу, куда они направлялись как туристы. Однако пока пароход «Сент-Луис» находился в пути, власти острова приняли новый закон, объявлявший туристические визы недействительными. Когда судно прибыло в порт Гаваны, пассажирам категорически запретили его покидать. Впрочем, после того как с

кубинскими чиновниками пообщался представитель Джойнта, прибывший из США с немалой суммой денег, на берег все же позволили сойти 28 евреям. Остальные более чем девятьсот оставшихся на «Сент-Луисе» «отказников» создали общественный пассажирский комитет, который отправил радиограммы с отчаянными мольбами о помощи президенту Рузвельту, а также правительствам Канады и Доминиканской республики. Однако американский президент никак не отреагировал на это обращение, а канадцы и доминиканцы ответили отказом. Судну не удалось даже приблизиться к американскому полуострову Флорида, поскольку все его маневры бдительно отслеживались американской береговой охраной. Окончательно убедившись в полной бесполезности дальнейших попыток обрести новое местожительство где-то на Американском континенте, несчастные скитальцы вынуждены были отправиться обратно в Европу, где судьба паче чаяния им неожиданно улыбнулась. Прибыв 17 июня 1939 г. в Антверпен, они узнали, что правительства Англии, Франции Бельгии и Голландии согласились их принять, что, конечно, произошло под сильным давлением мировой общественности⁶.

Солидарность Джойнта и западных леволибералов

Подобный благополучный финал свидетельствовал о том, что помимо холодных и циничных государственных деятелей, действовавших в духе пресловутой *Realpolitik*, на Западе существовали и достаточно влиятельные силы, искренне стремившиеся помочь евреям Германии. Это их стараниями еще в октябре 1933 г. в Лиге Наций было сформировано специальное ведомство Верховного комиссара по делам беженцев. Возглавил его американский профессор и журналист Джеймс Макдональд, проявивший на этом поприще максимум настойчивости и неформального энтузиазма. Но так ничего и не добившись, он в декабре 1935 г. подал в отставку, обвинив Лигу Наций в неспособности предпринять действенные меры по спасению немецких евреев.

Испытывая горькое разочарование в собственной правящей элите, часть леволиберальной западной общественности обратила

⁶ Арад И. Холокост. Катастрофа европейского еврейства (1933–1945). Сборник статей. – Иерусалим, 1990. С. 16. Алпер А. «Сент-Луис» // Еврейское слово. 2010. 23–29 ноября. № 43 (508). С. 10–12.

свои взоры на Советский Союз, благо его лидеры торжественно объявили в 1934 г., что, создав Еврейскую автономную область (ЕАО) на Дальнем Востоке, они впервые в истории успешно решили еврейский вопрос. При этом особо подчеркивалось, что Биробиджан – это коммунистическая альтернатива проекту сионистов в Палестине. Именно такой подтекст имела передовица в «Известиях» от 10 мая 1934 г., заканчивавшаяся на следующей мажорной ноте: «Не сладенькие разговоры о «земле обетованной», не националистический обман, а подлинную пролетарскую помощь дает страна строящегося социализма всем народам, ее населяющим, в том числе и еврейскому».

И хотя подобные декларации советского руководства, рекламировавшего себя защитником угнетенных народов во всем мире, являлись чистой воды пропагандой, они, несмотря на всю нарочитость и ходульность, воспринимались западными леволиберальными кругами за чистую монету. Этому в значительной мере содействовало и то обстоятельство, что общая еврейская иммиграция в Палестину хоть и достигла в 1935 г. внушительного количества в 65 тысяч человек, однако в 1933–1935 гг. туда направилась лишь приблизительно четверть из более чем 80 тысяч евреев, эмигрировавших тогда из Германии⁷. Правда, в 1936 г. в Палестине осело 34 % немецких евреев-эмигрантов, но в 1937 г. этот показатель резко сократился до 16 %⁸, что стало следствием «великого арабского восстания» 1936–1939 гг.

Среди западных симпатизантов СССР наибольшую активность в сотрудничестве с ним и щедрость в финансировании советских еврейских проектов проявили общественные благотворительные организации США, главным образом основанный в 1914 г. Джойнт, который поддерживался крупным американско-еврейским капиталом. В декабре 1934 г. в Нью-Йорке произошла встреча председателя правления Джойнта Джеймса Розенберга с руководителем советской внешнеторговой корпорации Амторг П.А. Богдановым, который потом сообщил в Москву М.И. Калинину, что его американский собеседник сравнил создание ЕАО в СССР с

⁷ Захаров В.В., Кулишов В.Д. В преддверии катастрофы. Германия 1933–1939 гг. – М.: Коллекц. «Совершенно секретно», 2003. С. 303.

⁸ Хене Х. Черный орден СС: История охранных отрядов / Пер. с нем. – М., 2004. С. 296.

работой сионистов в Палестине. Розенберг пообещал, что в случае открытия границы для въезда европейских евреев в Биробиджан Агро-Джойнт (функционировавшая в СССР «дочка» Джойнта) освободит советскую сторону от обязательства по выплате ранее выданного ей займа. Кроме того, Розенберг заверил, что, обратившись к таким богатейшим семействам Америки, как Варбурги, Розенвальды, Лессинги и Леманы, он лично организует сбор дополнительных средств на развитие Биробиджана⁹.

Поскольку Сталин, заинтересованный в поднятии реноме своего далеко не безупречного в глазах Запада режима, был не прочь продемонстрировать гуманизм к гонимым Гитлером зарубежным евреям, первоначальная реакция советских властей на эти заманчивые предложения американской еврейской организации была позитивной. 28 апреля 1935 г. вышло секретное постановление Политбюро «О переселении евреев в Биробиджан», санкционировавшее приезд в ЕАО в 1935–1936 гг. «1000 семейств и 500 одиночек трудящихся евреев из-за границы», что, впрочем, оговаривалось следующими жесткими условиями: «а) все переселяемые из-за границы принимают советское гражданство до въезда в СССР и обязуются не менее трех лет работать в пределах Еврейской автономной области; б) отбор переселяемых производится ОЗЕТ¹⁰ в основном на территории, входившей до империалистической войны в состав Российской империи»; в) переселяющиеся в СССР должны иметь при себе 200 долларов»¹¹.

Этот шаг Кремля зарядил оптимизмом руководство Джойнта, чьи спонсоры профинансировали развертывание деятельности в 1935 году вновь созданного левоориентированного Американско-биробиджанского комитета «Амбиджан» (The American Committee for the Settlement of Jews in Birobidjan; Ambidjan), специально ориентированного на материально-техническую поддержку еврейской колонизации советского Дальнего Востока. Его почетным президентом был избран Альберт Эйнштейн, а исполнительным вице-президентом – член Компартии США и выходец из России Яков Будиш. Последний являлся одновременно и служа-

⁹ РГАСПИ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 43. Л. 90–92.

¹⁰ ОЗЕТ (Общество землеустройства еврейских трудящихся) – общественная организация, существовавшая в СССР в 1925–1938 гг.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 19.

щим в функционировавшей в Нью-Йорке советской торговой кампании Амторг, что помогло ему установить доверительные отношения с послом О.А. Трояновским¹². Тот, содействуя налаживанию связей «Амбиджана» с советскими властями, помог Я.М. Будишу совершить летом 1935 г. поездку в СССР. Тому удалось не только побывать в Биробиджане, но и получить согласие советских властей на участие в подборе желающих переселиться туда иностранцев, в первую очередь из числа граждан Германии, Польши, Румынии и Литвы.

Однако этим наметившимся было позитивным контактам СССР с «прогрессивными» силами США в деле спасения немецких евреев не суждено было развиваться в полноценное сотрудничество. Дело в том, что этому отнюдь не способствовало резкое ужесточение сталинского режима, начавшееся после убийства 1 декабря 1934 г. С.М. Кирова. К тому же, поскольку при оказании помощи еврейской общине Германии представители Джойнта так или иначе общались с чиновниками этой страны, это вызвало подспудную негативную реакцию НКВД, который еще в 1933 года квалифицировал подобные контакты как потенциальный шпионаж в пользу нацистов.

Эти эфемерные и зачастую надуманные подозрения служили потом «веским» основанием для фабрикации различных фашистских шпионских заговоров, «вскрытие» которых госбезопасностью влекло за собой кровавые репрессии в отношении их мнимых участников. Так возникло тайное «дело» Агро-Джойнта, начавшее подспудно вызревать в кабинетах Кремля, Старой площади и Лубянки с лета 1935 г. Одним из проявлений этого стал выход 29 августа сверхсекретного постановления Политбюро, признававшего «нецелесообразной работу Агро-Джойнта в ЕАО». Правда, дабы не лишиться очень важного для СССР иностранного финансирования, далее следовал пункт, разрешавший заключение «соглашения о приеме КомЗЕТ¹³ от Агро-Джойнта контингентов иностранных евреев для переселения их в Еврейскую авто-

¹² Трояновский О.А. Через годы и расстояния. История одной семьи. – М., 1997. С. 85.

¹³ КомЗЕТ – Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР, функционировал в 1924–1938 гг.

номную область с доставкой их за счет Агро-Джойнта на границу СССР и дальнейшего обслуживания и переселения этих контингентов в полном соответствии с постановлением ЦК ВКП (б) от 28 апреля сего года...»¹⁴.

Еще более существенные ограничения содержались в утвержденных Политбюро 9 сентября 1935 г. секретных «Правилах о порядке въезда из-за границы в СССР трудящихся евреев на постоянное жительство в Еврейскую автономную область». В частности ими предусматривалось обязательное участие в предоставлении советского гражданства сотрудников НКВД, которые, выяснив классовый статус иностранцев и определив состояние их здоровья, должны были отобрать для пропуска в СССР только «трудящихся» (рабочих, служащих, кустарей и земледельцев, не использовавших наемный труд), способных заниматься тяжелой физической работой. Впрочем, в этих правилах содержалось и положение о наделении семейных переселенцев индивидуальным домом с участком земли – 1 га в сельской местности или 0,25 га в промышленных поселках – и коровой, а неженатых – квартирой¹⁵.

Учитывая изложенное, не приходится удивляться тому, что 17 сентября 1936 г. все дела, связанные с направлением иностранцев в Биробиджан, были из ЦИК СССР переданы переселенческому отделу НКВД СССР¹⁶. А 25 октября Политбюро отклонило предложенный Агро-Джойнтом план 1936–1937 гг. по перемещению на советский Дальний Восток нескольких тысяч еврейских беженцев. В связи с чем руководству КомЗЕТ поручалось разъяснить американцам, что в Биробиджане смогут принять не более 150–200 семей, причем только из Польши, Литвы и Румынии, и лишь после «тщательного отсева»¹⁷.

В итоге советское руководство так и не выполнило даже собственное решение 1935 года о переселении в Биробиджан иностранных евреев (1000 семей и 500 одиночек). Объективности ради следует признать, что обусловлено это было не только политическими соображениями, но и банальным провалом плана

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 18. Л. 125.

¹⁵ Там же. Оп. 3. Д. 971. Л. 22, 107–108.

¹⁶ Там же. Оп. 162. Д. 20. Л. 77.

¹⁷ Там же. Л. 109.

жилищного строительства в ЕАО на 1935–1936 гг.¹⁸ Всего в период 1931–1936 гг. в Биробиджан прибыли 1374 иностранца¹⁹. Многие из них через какое-то время выехали из СССР, а те, кто не последовал их примеру, стали с 1937 года исчезать в недрах ГУЛАГа.

«Большой террор» и «дело» Агро-Джойнта

Произошедший в 1938 г. на Дальнем Востоке советско-японский вооруженный конфликт перечеркнул даже внутренние планы организованного заселения ЕАО. Несмотря на то, что на 1939 год было намечено отправить туда 250 еврейских семей из других регионов СССР, в реальности этого не произошло²⁰. Не способствовал, мягко говоря, приезду иностранных евреев в ЕАО и произошедший там в 1937 г. всплеск политической паранойи в виде вздорных обвинений местных партийных и государственных руководителей в намерении создать Биробиджан-го – прояпонское и аналогичное Маньчжоу-го буферное государство²¹.

На этой удобренной террором политической почве и «взошло» упомянутое «дело» Агро-Джойнта, заподозренного в сотрудничестве с гестапо. Имеется в виду странная шпионской история, раздутая задним числом НКВД вокруг того, что Агро-Джойнт и парижское Общество здравоохранения евреев «обманным путем» добились от советского руководства разрешения на въезд в СССР в 1934–1936 гг. почти 70 германских врачей-евреев²². Выяснилось, что реализовался этот проект во многом благодаря энергичной поддержке наркома здравоохранения РСФСР и главного санитарного инспектора СССР

¹⁸ Там же. Оп. 114. Д. 953. Л. 85–87.

¹⁹ Pinkus B. *The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority*. New York, 1988, p. 75.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 16. Л. 190–196.

²¹ Баскин И.М. «Салюты и расстрелы. Записки уцелевшего». – Екатеринбург, 1992 (URL: <http://maxpark.com/community/4375/content/2137192>).

²² Немецкие врачи еврейского происхождения одни из первых пострадали от дискриминационной политики нацистов. Уже в феврале 1933 года в Германии был инициирован бойкот врачей–евреев, а 22 апреля 1933 г. им запретили состоять в больничных кассах, что было равносильно запрету на профессию, так как выплаты из касс составляли до 85 % их заработка. Помимо подобного косвенного выдавливания евреев из немецкого здравоохранения практиковалось и прямое административное: 2 июня 1933 г. вышло распоряжении об увольнении евреев–стоматологов из всех поликлиник рейха.

Г.Н. Каминского²³, взявшего на себя его лоббирование в Кремле, а также кадровое распределение иностранных врачей по советским медицинским учреждениям. Выполнение этой миссии потом, вроде бы, горько аукнется Каминскому²⁴.

Роль катализатора в «деле» Агро-Джойнта сыграла записка замнаркома внутренних дел СССР Г.Е. Прокофьева Сталину и Молотову. В ней, датированной 10 апреля 1936 г., сообщалось, что переправленный Агро-Джойнтом в СССР врач Фридрих Эрнст состоит в одной из «гитлеровских фашистских организаций». Однако когда Лубянка получила от Кремля санкцию на арест Эрнста, выяснилось, что этот «фашистский террорист» уже успел покинуть Советский Союз. Это обстоятельство отнюдь не обескуражило сотрудников Н.И. Ежова: 9 мая 1937 г. управление госбезопасности НКВД УССР направило в подведомственные региональные подразделения совершенно секретную директиву, извещавшую о получении «прямых агентурных данных» о том, что гестапо «при помощи Агро-Джойнта» «перебрасывает» на территорию Советского Союза врачей, якобы входивших в еврейские пронацистские организации. В этой связи приказывалось немедленно приступить к разработке представительств Агро-Джойнта на территории УССР... и в дальнейшем систематически вести тщательный оперативный учет эмигрировавшей на нашу территорию еврейской интеллигенции, и в частности лиц, прибывших...через Агро-Джойнт.

В результате в 1937–1938 гг. за решеткой оказались 41 еврей-медик из Германии и 31 сотрудник Агро-Джойнта. В каждой из

²³ 20 июля 1936 г. Каминский возглавил еще и Наркомздрав СССР.

²⁴ Впрочем, последовавший 25 июня 1937 г. арест Каминского спровоцировало, скорее всего, «признание» уже «сидевшего» тогда на Лубянке замнаркома связи СССР И.П. Жукова, рассказавшего о дружеских встречах главного медика страны с «правотроцкистом» А.П. Смирновым (до его ареста в марте 1937 г.). Протокол этого допроса Н.И. Ежов представил Сталину, обедшему фамилию наркомздрава красным карандашом. 24 августа тот же «кровавый карлик» направил Сталину показания бывшего наркома легкой промышленности РСФСР К.В. Уханова, утверждавшего, что еще в 1929 г. председатель СНК СССР и РСФСР А.И. Рыков включил Каминского в состав «резервного центра правых». Осудили Каминского одновременно со Смирновым 8 февраля 1938 г., а через два дня их расстреляли. (Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. – М., 2009. С. 135, 367–370).

этих групп были расстреляны как иностранные шпионы и террористы соответственно 19 и 17 человек²⁵.

Репрессиям подверглись не только немецкие врачи-беженцы и советские служащие упомянутой американской агрономическо-благотворительной корпорации. По сфабрикованному «делу» Агро-Джойнта были репрессированы и контактировавшие с его директором Иосифом Розеном (проходил как «резидент немецкой и американской разведок») сотрудники КомЗЕТ и ОЗЕТ, а также религиозные активисты, получавшие от него финансовую помощь. Процедура ликвидации представительств Агро-Джойнта в СССР была запущена постановлением Политбюро от 4 мая 1938 г. Этим же решением был закрыт и КомЗЕТ. А 11 мая ликвидировали ОЗЕТ, чей председатель С.М. Диманштейн был арестован еще 20 февраля 1938 г. 25 августа его казнили, обвинив наряду с прочим в «установлении в 1932 году связи с агентом английской разведки и передаче ему сведений о политическом и экономическом положении СССР»²⁶.

«Советская миссия» лорда Марлея

Не исключено, что в сотрудничестве с британской Интеллидженс сервис НКВД подозревал неоднократно встречавшегося с Диманштейном лорда Дадли Марлея, который, будучи с 1930 г. вице-спикером и руководителем фракции лейбористов в Палате лордов, возглавлял в британском парламенте комитет помощи евреям Европы и являлся вторым почетным президентом «Амбиджана». Он состоял и в руководстве Всемирного комитета помощи жертвам немецкого фашизма, исполнительный секретариат которого контролировался Исполкомом Коминтерна. В 1933 г. Марлей написал предисловие к подготовленной комитетом «Коричневой книге» о гитлеровском терроре и поджоге рейхстага. Приехав в 1934 г. в Советский Союз, Марлей побывал в Биро-

²⁵ Мицель М. «Последняя глава»: Агро-Джойнт в годы Большого террора. – Киев, 2012. С. 50–53, 146–147.

²⁶ Помимо Диманштейна во Внутреннюю тюрьму на Лубянке были ввергнуты его заместитель и брат первого президента Израиля Хаима Вейцмана С.Е. Вейцман, которого расстреляли в 1939 году как английского и немецкого шпиона, и другие руководящие сотрудники ОЗЕТ.

биджане, описав впечатления от поездки в выпущенной вскоре брошюре²⁷.

Установив связи с властями СССР, Марлей по возвращении домой посетил 18 декабря 1934 г. советского полпреда в Англии И.М. Майского, о чем тот проинформировал 21 декабря заместителя наркома иностранных дел Н.Н. Крестинского. В ходе беседы в посольстве лорд заявил, что в случае одобрения на плебисците присоединения к Германии Саарской области, оттуда вынуждены будут бежать около 40 тысяч человек, неприемлемых для рейха в политическом и этническом плане, включая 4–5 тысяч евреев. На следующий день, 19 декабря, Марлей вручил Майскому меморандум с просьбой к советскому руководству принять в течение 1935 года для переселения в ЕАО 600–700 еврейских семей из числа немецких беженцев. В качестве обоснования этой меры в меморандуме указывалось на то, что из «имеющихся на сегодняшний день» 60 тысяч еврейских беженцев из Германии только 17 тысяч направились в Палестину, а остальные еще не определились²⁸. Далее отмечались положительные отзывы о Биробиджане побывавших там представителей Агро-Джойнта и ОРТ²⁹, а также говорилось о создании в Нью-Йорке, Лондоне и Париже различных еврейских фондов по поддержке переселения беженцев в Биробиджан, а также на Украину и в Крым. При этом советское правительство деликатно упрекалось в том, что до сих пор не сделало официального заявления по еврейским беженцам из Германии, хотя ранее и выражало готовность принять в Биро-

²⁷ Marley Dudley L.A. *Biro Bidjan as I saw it*. New York, 1934.

²⁸ Немецкие евреи (особенно состоятельные) отнюдь не горели желанием отправиться не только в Палестину, но и в СССР. Выступая 21 ноября 1935 г. в Гамбурге перед местной еврейской бизнес-элитой и общественностью, крупный банкир Макс М. Варбург заявил, что на курсах по языковой адаптации эмигрантов из Германии, созданных возглавлявшимся им Союзом еврейской взаимопомощи (Hilfsverein der Juden in Deutschland; основан в 1901 г.), исключается изучение русского языка и России (Захаров В.В., Кулишов В.Д. Указ. соч. С. 301).

²⁹ ОРТ (Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев – Association for Handicrafts and Agricultural Labor among the Jews) – основан в Петербурге в 1880 году известным предпринимателем и филантропом С.С. Поляковым. В 1921 г. был преобразован во Всемирный союз ОРТ. Добивался переселения беженцев из Германии не только в ЕАО, но и в еврейские районы Крыма и Украины. По этому вопросу центральное правление Фербанда (Союза) ОРТ в Париже обращалось к советским властям в 1936 г.

биджане 1000 семей зарубежных евреев. В заключение излагалась идея об открытии за счет западных еврейских благотворительных организаций советских консульско-проверочных пунктов в Париже, Варшаве и других европейских городах для выдачи ими въездных виз беженцам, прошедшим отбор³⁰.

Эти предложения были проигнорированы советской стороной. Тем не менее не смирившись с этим, лорд Марлей в ходе следующего визита в СССР в мае 1936 г., попытался сдвинуть с мертвой точки проект переправки немецких евреев в Биробиджан. И тогда советские чиновники завуалировано дали ему понять, что его старания, названные в бюрократической переписке «домогаательствами», бесполезны. При этом внешне они демонстрировали сверхпредупредительность в общении с «английским другом Советского Союза», организовав ему поездки в Биробиджан, Крым, а также на Украину, где в Киеве его принял председатель ВУЦИК Г.И. Петровский. А в Москве с Марлеем любезно побеседовали председатель КомЗЕТа С.Е. Чуцкаев и заведующий III Западным отделом НКВД СССР А.Ф. Нейман³¹, после чего гостя, фактически несолоно хлебавшего, отправили восвояси.

Неуслышанный призыв Абрама Брагина

И если дальнейшая судьба английского лорда сложилась благополучно, то того же нельзя сказать о давнишнем общественном борце за интересы еврейского нацменьшинства в СССР Абраме Брагине, который также призвал советское руководство выступить в защиту немецких евреев. В отличие от Марлея, он не обладал своего рода иммунитетом в виде британского подданства, и потому 2 декабря 1937 г. был арестован. На Лубянке ему наверняка припомнили недавний жест солидарности с немецкими евреями в виде эмоционального обращения, направленного ориентировочно в марте 1936 г. Сталину (ЦК ВКП(б), Калинин (ЦИК СССР) и Димитрову (Исполком Коминтерна). Отмечая в нем, что «еврейские трудящиеся массы Германии и Польши находятся на краю гибели», автор делал тревожный вывод: «Угроза нависла не только над полумиллионом евреев Германии. На порядке дня

³⁰ РГАСПИ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 43. Л. 93–98.

³¹ ГА РФ. Ф. 7541. Оп. 2. Д. 61. Л. 25–28, 35–36.

введение гетто в Австрии. Волна погромов надвигается на 5 млн. евреев Польши, Венгрии, Румынии». Сообразуясь с данной общеполитической ситуацией, Брагин формулировал далее адресованные советскому руководству «практические предложения». Например, он считал необходимым развернуть прием «наиболее обездоленных изгнанников из Германии» в Биробиджане и в еврейских колхозах Крыма, Украины и Белоруссии и начать отправку продовольственных посылок «еврейской бедноте Германии и Польши». Кроме того, А.Г. Брагин настойчиво ратовал за наведение мостов сотрудничества между «еврейскими трудящимися СССР» и мировым, в первую очередь западным еврейством. Он призвал советские верхи сделать решительное внешнеполитическое заявление в защиту гонимых в Германии евреев. «На весь мир должен прозвучать голос нашего Сталина – отца угнетенных всего мира...» – взывал к властям Брагин, убеждая их в том, что «тюрьма Тельмана и гетто еврейских масс в Германии заперты одним и тем же ключом»³². Анализируя данный так называемый «проект Брагина», можно предположить, что его автор не только встречался с находившимися в Советском Союзе представителями зарубежных леволиберальных еврейских общественных организаций (Джойнта, ИКОР³³, «Амбиджана» и др.), но и был солидарен с ними в стремлении подвинуть большевистское руководство на активное участие в международных акциях борьбы с нацистским антисемитизмом. Однако исполненный сочувствия к европейским евреям призыв Брагина стал в СССР гласом вопиющего в пустыне. 10 февраля 1938 г. он был расстрелян по абсурдному обвинению в шпионаже в пользу Германии.

Загадка записки Чекменева, проблема беженцев из Польши

Когда через несколько месяцев после начала Второй мировой войны и вступления войск Красной Армии в восточную Польшу советские аппаратные структуры решали сложные проблемы,

³² Агапов М.Г. Истоки советско–израильских отношений: «Еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920 – 1930–е гг. – Тюмень, 2011. С. 246–249.

³³ ИКОР (The Organization for Jewish Colonization in Russia) – общественная прокоммунистическая организация, созданная в США в 1924 г. с целью оказания помощи в еврейском землеустройстве в Крыму. Впоследствии вошла в «Амбиджан».

связанные с еврейскими беженцами из этой страны, они неожиданно для себя столкнулись еще и с новой попыткой извне склонить СССР к приему евреев из рейха³⁴. Это явствует из записки начальника Переселенческого управления Е.М. Чекменева, который, обращаясь 9 февраля 1940 г. к председателю СНК СССР Молотову, сообщал: «Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР – конкретно в Биробиджан и Западную Украину. По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские. Считаю, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты»³⁵.

К сожалению, сами письма обратившихся к Чекменеву иностранных организаций, поименованных им как «Берлинское и Венское переселенческие бюро», в архивах пока не обнаружены. Это не позволяет точно идентифицировать их авторов. Однако анализ конкретных обстоятельств, связанных с проблемой, затронутой в данных обращениях, позволяет с большой долей вероятности предположить, что главную роль в их появлении сыграли отнюдь не нацистские руководители, в том числе и стоявшие во главе созданной в январе 1939 г. Центральной имперской службы по делам еврейской эмиграции (так полагают некоторые исследователи³⁶).

³⁴ Как было упомянуто, пораженный шпиономанией Сталин еще в середине 1930-х гг. запретил массовое переселение немецких евреев в Советский Союз, что существенно осложнило их положение. Так считал советский дипломат-невозвращенец Ф.Ф. Раскольников, объявленный 17 июля 1939 г. вне закона Верховным судом СССР. В знаменитом «Открытом письме Сталину» он обвинял: «Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов». Эти строки увидели свет в эмигрантской прессе только после загадочной и, очевидно, насильственной смерти этого бесстрашного обличителя Сталина, последовавшей 12 сентября 1939 г. в одной из клиник Ниццы (Неделя. 1988. № 26 (1474).

³⁵ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 489. Л. 1.

³⁶ Полян П.М. Два миллиона неспасенных евреев // Московские новости. 2005. 15 мая. №15.

Из показаний одного из представителей этого руководства в лице гауптштурмфюрера СС А. Эйхмана (шеф «еврейского отдела» Главного управления имперской безопасности), данных в 1960–1961 гг. израильскому следователю, известно, что в конце осени 1939 г. он вместе с высокопоставленным гестаповцем оберфюрером СС В. Шталекером выступал не за переселение европейских евреев в Россию, а за их депортацию в так называемый Люблинский резерват. Тот был создан по инициативе тех же Эйхмана и Шталекера в Варшавском генерал-губернаторстве, вблизи новой советской западной границы. Проект резервата возник в начале Второй мировой войны, когда Великобритания, опасаясь проникновения в подмандатную Палестину враждебных элементов, ввела запрет на въезд туда евреев из рейха³⁷. Но поскольку еврейская эмиграция из Германии застопорилась, спонсировавший ее Джойнт пригрозил в начале декабря 1939 г., что если та не возобновится, он прекратит ее финансирование. Об этом Эйхману стало известно от руководителя венской еврейской общины д-ра Рихарда Левенхерца, который отвечал за непосредственную подготовку и документационное обеспечение эмиграции.

Не исключено, что в поисках приемлемой альтернативы и закрытой Палестине, и Люблинскому резервату, этому зловещему преддверию Холокоста, именно Левенхерц и его берлинский коллега из Имперского объединения евреев Германии д-р Пауль Эпштейн и обратились на свой страх и риск к Чекменеву, зная благодаря контактам с представителями Джойнта, что тот отвечал в СССР за переселение евреев в Биробиджан. В этой связи показательно, что в ходе израильского следствия начала 1960-х гг. Эйхман ни разу не обмолвился о «русском направлении» еврейского переселения, хотя достаточно обстоятельно поведал о «мадагаскарском проекте», который действительно рассматривался высшими политическими инстанциями рейха в первые месяцы 1940 года³⁸.

³⁷ С началом Второй мировой войны Великобритания закрыла и принятую в декабре 1938 г. программу по въезду в страну детей еврейского происхождения без родителей. Всего в ходе этой так называемой спасательной операции «Киндертранспорт» в Аглию прибыли почти 10 тысяч детей.

³⁸ Ланг Й. фон Протоколы Эйхмана. Магнитофонные записи допросов в Израиле / Пер. с нем. – М., 2002. С. 57–70.

Позднее Эйхман вплотную занялся нелегальной переправкой европейских евреев в Палестину. В результате 25 ноября 1940 г. несколько сотен беженцев пострадали в трагическом инциденте, произошедшем на океанском лайнере «Патриа», стоявшем на рейде в порту Хайфы. На нем британские власти намеревались отправить на острова Маврикий (Индийский океан) и Тринидад (Карибское море) очередную партию захваченных нелегалов, попавших в Палестину стараниями Эйхмана. Однако, стремясь воспрепятствовать этой депортации, бойцы сионистской военизированной организации Хагана попытались путем взрыва повредить ходовую часть лайнера, но, не рассчитав мощность заряда, отправили судно на дно, в результате чего погибли почти 270 человек.

Между тем проблема еврейских беженцев из Польши получила в СССР летом 1940 г. репрессивное разрешение. Будучи встревожено военными победами Гитлера в Европе (особенно неожиданным крахом Франции) и решив максимально обезопасить западные рубежи СССР, сталинское руководство стало форсировать «зачистку» этой зоны от «социальноопасных элементов», в том числе и беженцев, которые на основании особой инструкции НКВД от 10 апреля 1940 г. были приравнены к спецпереселенцам. Непосредственная подготовка их масштабной депортации развернулась после того как, 5 июня 1940 г. в Перемышле закончила работу немецкая комиссия по рассмотрению индивидуальных прошений на выезд в германскую зону. Сама же насильственная высылка началась 29 июня, а закончилась в конце июля. По данным НКВД СССР, она охватила 76382 человека (25682 семьи), из которых 12838 (584) были отправлены в Архангельскую область, 4965 (1712) – в Вологодскую область, 8968 (2778) – в Коми АССР. Среди беженцев евреи составляли подавляющее большинство – до 85 %. Например, в составе высланных в Коми АССР их было 8800 человек³⁹. И хотя на советском севере они столкнулись с суровыми климатическими и жуткими санитарно-бытовыми условиями, тяжелой изнурительной работой на лесоповале и скудным питанием, объективности ради необходимо отметить, что подавляющее их большинство выжило. При том, что избежавшие депортации поль-

³⁹ Упадышев Н.В. Польские спецпереселенцы на европейском севере России // Отечественная история. 2007. № 5. С. 156. Рабинер И. Поминальная молитва Авраама Гранта // Спорт-Экспресс. 2009. 25 сентября.

ские евреи оказались спустя год обреченными на массовую гибель от Холокоста.

* * *

Подводя итоги, необходимо отметить, что Биробиджан не стал убежищем от Холокоста для европейских евреев не только потому, что для этого Советскому Союзу потребовалось бы изыскать огромные материально-технические и финансовые ресурсы, что в той ситуации было весьма проблематичным. Существовала и другая немаловажная причина нереализуемости этого проекта, состоявшая в том, что во второй половине 1930-х гг. шел подспудный процесс вызревания государственного антисемитизма в СССР, который потом оформился в систематическую и долгосрочную официальную политику. Причем генезис этого явления существенным образом стимулировался в том числе и благодаря интенсивному сотрудничеству между СССР и Германией, начавшемуся, после заключения ими в августе 1939 г. договора о ненападении. В этой связи весьма показательным свидетельством высокопоставленного эсэсовца Густава Вехтера, поведавшего после войны о том, как он, будучи направлен в начале 1940 г. на новую советско-германскую границу, обсуждал проблему беженцев с уполномоченным НКВД СССР В.С. Егноровым⁴⁰. В частности Вехтер припомнил, что, общаясь однажды с Егноровым, он откровенно сказал ему, что рейх быстрее очистился бы от евреев, если бы Советы принимали больше беженцев. На что тот заметил, что подобное вряд ли возможно, а потом многозначительно присовокупил: «Мы у себя найдем другие способы устранения евреев»⁴¹.

Эти «другие способы» начали исподволь практиковаться уже в годы Великой Отечественной войны, а после нее они буйно расцвели в виде кампании борьбы с космополитизмом, а также репрессий в отношении членов Еврейского антифашистского комитета и врачей-«врагителей». Волна арестов прокатилась тогда по Биробиджану.

⁴⁰ С марта 1940 г. Егноров являлся заместителем начальника погранвойск НКВД СССР Западного округа по разведке (г. Львов), из органов МВД был уволен в июле 1956 г. в звании генерал-майора.

⁴¹ Московские новости. 1991. 2 июня. № 22.

Таким образом, этой национальной автономии была уготована лишь фальшивая роль пропагандистского символа решения в СССР еврейского вопроса. При этом в силу ксенофобского комплекса Сталина исключалась даже самомалейшая возможность использования ее в 1930-е гг. в качестве убежища иностранных евреев от Холокоста.

Japan and Jewish refugees, 1938–1941

Chizuko Takao

(Tokyo, Japan)

During World War II, approximately 20,000 Jewish refugees who came from Germany, Austria and Poland were under the control of the Japanese occupied Shanghai. Though most of the refugees landed there by August 1939, Japan continued to accept Jewish refugees even after the Tripartite Pact on 27 September 1940¹. This paper examines the Japanese policy towards the Jews after the *Anschluss* and the *Kristallnacht* pogroms in 1938. In spite of the growing interest in the prewar Japan's refugee policy and its uniqueness, scholars are divided over how to evaluate Japan's refugee policy. Both Herman Dicker and David Kranzler argue that Japanese showed sympathy towards Jewish refugees though it had anti-Semitic ideology. According to Kranzler, Japan granted the 18,000 Jews asylums in Shanghai, adopted a clear pro-Jewish policy for five years since 1936 until the outbreak of Pacific War in 1941. This pro-Jewish policy turned from neutral to anti-Semitic after the attack on the Pearl Harbor². Irene Eber and Avraham Altman argued that the Japanese accepted the Jews not because of pro-Jewish motivation but it only acted in accordance with the Japanese-German alliance.³

Japanese scholars have also been divided over evaluation of Japanese policy towards the Jews. Masanori Miyazawa, an expert on the Japanese anti-Semitism and perception of Jews, argues that the Jewish policy of the Japanese government was rational and at odds over the

¹ Between November 1938 and June 1941, the number of refugees arriving at Shanghai was estimated at 1,374 in 1938, 12,089 in 1939, 1888 in 1940 and 4,000 in 1941. See Maho Sekine, *Nihon senryo-ka no Shanhai yudaya-jin getto* (Shanghai Ghetto under the Japanese Occupation), Tokyo, 2010, pp. 60–61. Cf. Bei Gao, *Shanghai Sanctuary: Chinese and Japanese Policy toward European Jewish Refugees during World War II*, Oxford, New York, 2013.

² David Kranzler, *Japanese, Nazis and Jews: The Jewish Refugee Community of Shanghai 1938–1945*, New York, 1976, p. 224.

³ Avraham Altman and Irene Eber, "Flight to Shanghai, 1938–1940: The larger Setting," *Yad-Vashem Studies* 28 (2000), pp. 51–86. According to the Eber and Altman, it is not only that European Jewish organizations and the United States did not exploit the opportunities and save more lives but they also prevented the Jews from the flight to Shanghai.

German policy even after the outbreak of Pacific War⁴. By contrast, Hiroshi Bando, a historian of Modern Poland, argues that the Japanese were aiders of Holocaust, if not collaborators, because Fumimaro Kono, then Foreign Minister, instructed Japanese consulates abroad in October 1938 not to admit Jewish refugees to Japan⁵.

In this paper we argue the following points. 1) The Japanese government had no clear-cut policy for Jewish refugees. Among the policy makers on refugee question (i.e. then Foreign Ministry with the aid of diplomatic missions abroad, Home Ministry, and the Army and the Navy); there were differences in opinions about Jewish questions. 2) The refugee policy was affected by the complex international situation that Japan then faced, especially rapid deterioration of relations between Japan and the United States in the 1930s. While strengthening ties with Germany, Japan never gave up its hope of improvement of bilateral ties with the United States until as late as 1941.

Impact of the Kristallnacht

Japanese newspapers reported Kristallnacht and its aftermath in November 1938 in detail. Leading newspapers such as *Asahi* and *Yomiuri* reported on anti-Jewish violence, pogroms, destruction of synagogues, and the German claims of a collective fine of one billion Reichsmarks on the Jewish community. Japanese newspapers also focused attention to the growing anti-German sentiment in the United States and the United Kingdom, and reported President Roosevelt's statement which sharply denounced pogroms. According to an editorial of *Tokyo Yomiuri* on 23 November, "the Jewish questions, which brought about confusion in US-German relations, are now assuming an aspect of conflict between the totalitarian and democratic states"⁶. Along with these objective reports, a pro-German and anti-Semitic article in *Osaka Mainichi* appeared on the same day. It read:

We Japanese are always interested in Jewish peril as a serious question. ... We must not ignore the Jewish question as something

⁴ Masanori Miyazawa, *Nihon ni okeru yudaya isuraeru rongi bunken mokuroku 1877–1988* (*Bibliography of arguments on Jews and Israel in Japan, 1877–1988*), Tokyo, 1990, p. 4.

⁵ Hiroshi Bando, *Nihon no yudaya-jin seisaku 1931–1945* (*Japan's Jewish Policy 1931–1945*), Tokyo, 2002.

⁶ *Tokyo Yomiuri*, 23 November 1938.

unrelated to us, because from an ideological and political point of view, China Incident [the second Sino-Japanese War] is a holy war against Jewish communism in the Far East⁷.

This article was entitled “Stateless people ruin the world, behind the war, [the Jews] Aid Chiang Kai-shek”. Japanese anti-Semitic circles then maintained that the Jews, namely Sir Victor Sassoon, a rich Sephardic Jew in Shanghai provided financial support to Chiang Kai-shek⁸. Ironically, it was Germany that had close relationships with China and provided military aid to Chiang Kai-shek even after the outbreak of the Sino-Japanese War in July 1937⁹. By the middle of 1938, Hitler chose Japan as his Asian ally and began to solidify political relationships with Japan. In May 1938, Germany recognized Manchukuo, and Hitler ordered the end of arm shipments to China. On 25 November 1938, soon after Kristallnacht, a cultural pact was concluded between Japan and Germany. The major motive for Nazis to conclude the pact seemed to promote anti-Semitic policies in Japan¹⁰, though there was no anti-Semitic clause in the pact. Japan intended to strengthen academic, music and other cultural ties between two countries. However, the cultural pact with Germany at this unfortunate moment aroused concerns in the United States over Japan’s changes in its Jewish policy as a sign of Japan’s recognition of the racial principles of Germany¹¹, and it worsened American public sentiment towards Japan and even aroused anti-Japanese boycott. The Japanese Embassy in Washington, D.C. and general consulate in New York urged Tokyo to take measures to improve the deteriorating public image of Japan in the United States¹².

⁷ *Osaka Mainichi*, 23 November 1938.

⁸ Marcia Reynders Ristaino, *Port of Last Resort: the Diaspora Communities of Shanghai*, Stanford, 2001, p.150.

⁹ China accounted for almost 60% of all German arms exports in 1935–1936. See Nobuo Tajima, *Nachizumu gaiko to Manshukoku* (Nazi Diplomacy and Manchukuo), Tokyo, 1992, p. 115.

¹⁰ Susan C. Townsend, “Culture, Race and Power in Japan’s Wartime Empire”, *Japanese Prisoners of War*, Philip Towle et al. (eds.), London, 2000, p. 133.

¹¹ See for example, “Japan to Close doors to German Jews after Signing Pact with Reich,” *Jewish Telegraphic Agency*, 22 November 1938.

¹² Masaaki Shiraishi, “Senzen-ki nihon ni okeru yudaya-jin taisaku ni kansuru ichi kousatsu” (A study of Japanese measures regarding Jewish people in the prewar period,” *Kokusai kankei-gaku kenkyu* 18 (2005), pp. 25–40.

Jewish refugees questions in 1938

By the end of 1938, Japan had no consistent policy for Jewish refugees. When a growing number of Austrian Jews (now German citizens) began to request for entry into Japan after *Anschluss*, the Japanese consulate in Vienna provided them with a statement that said that the German citizens did not require any visa to enter Japan, thus enabling them to emigrate. However, on 7 October 1938, Foreign Minister Fumimaro Konoe instructed consular offices Vienna and elsewhere to prevent further refugees from coming to Japan and its colonies. Konoe instructed Vienna not to provide any certificates to refugees and discourage them from entering Japan¹³. Akira Yamaji, Consul General in Vienna replied on 17 October that it was not possible to prevent German citizens from going to Japan because they could lawfully enter Japan without applying for their visas at the consulate. It would be appropriate now for Japan, Yamaji stated, to declare that it was prohibiting immigration of “such kind of refugees”, as other countries were officially prohibiting immigration.

On 16 November 1938, Ambassador Hiroshi Oshima in Berlin also urged Tokyo to restrict and control Jewish refugees because Jews tended to be anti-Nazi and they were undesirable elements for Japan. Since most of European countries restricted the entry of Jews, the flow of refugees to Japan would upsurge unless it would not take measures against them, warned Oshima. Japanese security authorities in Shanghai shared the view that Jews were undesirable elements for Japan. Shanghai police authorities, which interrogated 49 newly arrived refugees via the Soviet and Manchukuo borders, reported that it would keep a strict watch on Jews because “there are already a considerable number of Jews here in Shanghai, who are unemployed, and some of refugees are reported to work as intelligence agents for our enemy”¹⁴. At this time not only Japan but also European countries and the United States, and even the Jewish organizations in Europe and the United States were seeking to diminish the flow of refugees to Shanghai¹⁵.

¹³ Japan Center for Asian Historical Records, National Archives of Japan (hereafter JACAR), Japanese Foreign Ministry archives, Jewish question file. Vol. 4.

¹⁴ Home ministry, *Gaiji keisatsu-ho* (*Foreign Police Report*), 198 (January 1939), pp. 148–149.

¹⁵ Eber, *idem*, p. 14. The Shanghai municipal council, an international governing body of the city also concerned the influx of refugees and threatened the Council for Ger-

It is interesting to note that among the Jews who reached to Shanghai by the end of December 1938, some refugees (probably less than a hundred) arrived via Soviet route. When they reached at the Otpor (now Zabaikal'sk) station on Soviet-Manchukuo border, Kwantung Army, the Japanese semi-autonomous army unit in Manchuria, admitted their transit through Manchukuo to Shanghai, while the Japanese Foreign Ministry instructed Japanese ambassador to Manchukuo Ueda to prevent refugees from entering Manchukuo¹⁶. In October 1938, Colonel Norihiro Yasue¹⁷, the head of Dairen Military Mission and an expert of Jewish question, deplored the fact that because the Japanese government had no uniformed policy for Jews, each pursued a different policy by its own arbitrary decision. Yasue urged the necessity for Japan to establish a firm Jewish policy independent from Nazi Germany. Masajiro Otaka who was the consul general in Qingdao observed on 22 November that the Navy and the police authorities were opposed to accepting Jewish refugees, while the Army held off making its decision¹⁸.

Five-Minister Conference in December 1938

It was at this point that the Five-Minister Conference on December 6, 1938, formulated the so-called "Outline for Jewish Policy". It declared:

As the friendship with Germany and Italy is a core of our diplomacy, we need to avoid entrance of Jews who are rejected by our ally. However, we should not reject them in the same manner as our ally

man Jewry (British Jewish organization established to help German Jews leave Germany) to take measures to prevent further refugees.

¹⁶ Takashi Yamamoto, "Yudayajin taisaku youko no sho-kigen nitsuite", (On the origins of the Outline for the Jewish Policy), *Yudaya Isuraeru Kenkyu: the Studies on Jewish Life and Culture (Japan Society for Jewish Studies)* 26 (2012), p. 66.

¹⁷ Yasue was one of the advocates of the Jewish conspiracy theory in Japan and published the *Protocols of the Elders of Zion* in 1924. In the late 1930s, he advocated the so-called "useful Jews" theory. Providing Jews with a safe heaven, Yasue argued, it is possible to influence the European and American public opinion about Japan and foster foreign investments in Manchukuo, and encourage Jews in the Far East to cooperate with Japan. In June 1939, Yasue planned to settle Jewish refugees in the outskirts of Shanghai under the protection of Japan. See Chizuko Takao, "The Birobidzhan project from the Japanese Perspective," *Mizrekhi: Jewish Studies in the Far East*, Frankfurt am Main, 2009, vol. 1, pp. 49–64.

¹⁸ JACAR, Japanese Foreign Ministry Archives, Jewish Question Files, vol. 4.

does because in light of our policy of racial equality, rejection of Jews would be contrary to our spirit. Furthermore, in the time of crisis, we need foreign capital and avoid alienating America¹⁹.

Three provisions followed this declaration. 1) We will not reject the Jews presently living in Japan, Manchukuo and China. 2) The Jews who are entering Japan, Manchukuo and China will be treated as other foreigners under the general immigration legislation. 3) We will not specially invite Jews but useful Jews such as capitalists and engineers will be treated favorably.

As Naoki Maruyama pointed out, the “outline for the Jewish policy” was ambiguous and ambivalent, a compromise between opposite opinions²⁰. However, it was a departure from past practices. Why, albeit ambiguous, a pro-Jewish policy was formulated and declared by the supreme decision making body? This policy was transmitted to the Japanese consulates and it was maintained by the successive cabinets from 1938 through 1941. It should have had certain influence on the decisions of Sugihara and other Japanese diplomats to issue transit visas for the Jewish refugees. The Five-Minister Conference served as an inner cabinet that consisted of Prime Minister, Army and Naval Ministers, Finance Minister and Foreign Minister. In 1938, the Five-Minister Conference was convened several times, mainly in order to decide important matters concerning the prolonged Sino-Japanese War. Indeed the Outline was proclaimed as an decision of Five-Minister Conference, but from a handwritten memo in the Jewish question files located in the Foreign Ministry's archives, “the outline was proposed by the Foreign Minister [Hachiro Arita], to the Prime Minister [Fumimaro Konoe] and after having gotten approval of Army Minister [Seishiro Itagaki] and Home Minister [Nobumasa Suetsugu], the outline was instructed to consulates abroad”²¹. This indicates that the initiatives came from the Foreign Minister who was seeking improvement of the damaged Japan-US relationships since Japan-Germany cultural agreement in November 1938, collaborated with the Home Ministry that was responsible for the immigration legislation, and the Army that was under the influence of colonel Yasue’s “useful

¹⁹ JACAR, Jewish Question Files, vol. 5.

²⁰ Naoki Maruyama, *Taiheiyo senso to Shanhai no yudaya nanmin* (Pacific War and Jewish refugees in Shanghai), Tokyo, 2005, p. 99; Pamela Sakamoto.

²¹ JACAR, Jewish Question Files, vol. 5.

Jews” theory. Soon after, the Home Ministry began to discuss revision of regulations concerning the entry of foreigners to Japan, and in March 1939, a new detailed law was promulgated. As Pamela Sakamoto pointed out, the new immigration legislation was rather lenient for a country like Japan that promoted total war efforts against China: the law for the first time made a distinction between entry and transit visa which was granted to those who stay for fifteen days or less; the local prefectural authorities retained power to prohibit entry²². The Army sponsored the Far Eastern Jewish People’ Conference in Harbin which gathered three times by the end of 1939. At the conference, Jews from Japan, Manchukuo, and China declared their all-out cooperation with the national policies of Japan and Manchukuo.

In September 1940 when Tripartite Pact was signed, prospects for improvement of Japan-US relationship were narrowed. Soon after Sugihara’s refugees from Vladivostok came to arrive in flocks at Tsuruga port. Japanese newspapers strove to report on these refugees daily: some viewed refugees’ unfortunate situations with sympathy, and others alarmed infiltration of spies, and warned of Jewish conspiracy²³.

On 11 March 1942, a few months after the outbreak of the Pacific War, a new Policy was decided at the Liaison Conference between the Government and Imperial General Headquarters. This abolished the *Outline* and stated categorically that Jews were prohibited to entering Japan, Manchukuo, China and other territories under Japanese occupation. Furthermore, Jews under Japanese territories should be kept under strict surveillance “considering their racial characteristics”²⁴.

²² Pamela Rotner Sakamoto, *Japanese Diplomats and Jewish Refugees: A World War II Dilemma*, Westport, Conn., 1998, pp. 28–32.

²³ See Masanori Miyazawa, “Nihon eno hinan yudaya-jin to shinbun” (Jewish refugees to Japan and Japanese newspapers), *Studies on Jewish Life and Culture* 11 (1988), pp. 43–49.

²⁴ JACAR, The Japanese Foreign Ministry Archives, Files on Important National Policy during the Pacific War.

Chiune Sugihara and the Great Eurasian Neutrality of 1939–1945

David Wolff
(Sapporo, Japan)

Sugihara was born on 1 January 1900, the child of a new century¹. Without finishing Waseda University where he studied English, he transferred into a Foreign Ministry program to be trained as an area studies specialist and was sent to Harbin to learn Russian at the recently established Harbin Institute (Harubin Gakuin). After working with the military for one year during the Siberian-Manchurian Intervention (about which we know nothing), Sugihara returned to Harbin and finished the Russian course, graduating into service in the Harbin consulate, increasingly as a Russia specialist. A decade later Sugihara was still wedded to Harbin, but now married to a Russian émigré's daughter, as well. In 1933–35, Sugihara served in the Manchukuo foreign ministry in charge of negotiations and pressure tactics aimed at buying the USSR's share in the Chinese Eastern Railway at a rock-bottom price.

His success seems to have angered the Soviet Foreign Ministry, for when Sugihara applied to be transferred to the Moscow embassy, he was refused an entry visa. What was usually a formality had become an impassable wall with the Soviets insisting that Sugihara's presence in Moscow would not be in the interests of improving Soviet-Japanese relations. So Sugihara leaped over to Europe, taking over a series of posts at Japanese consulates along the Soviet Western border, classic observation posts. First came Helsinki, then Kaunas, then Prague, then Königsberg (now Kaliningrad) and finally Bucharest, where the Red Army detained him in 1945. As a diplomat-spy, Sugihara was expected to set up a network of informants². Arriving in Kaunas on

¹ The author would like to express his gratitude to Professors Ilya Altman, Takao Chizuko and Shiraishi Masaaki for their help in making this research possible.

² Shiraishi Masaaki is the undisputed master of Sugihara materials on the Japanese side. From his position at the Foreign Ministry archive, he has been able to uncover many fascinating documents, although there are, no doubt, more to be found. *Choho no tensai: Sugihara Chiune 諜報の天才* (A Talent for Intelligence: Sugihara Chiune) (Tokyo, 2011) covers Sugihara's early years well, especially his career with the Foreign Ministry. When Sugihara was denied his Soviet visa, he was forced to write an explanation in which he defended his work prior to that date in Manchuria and this

28 August 1939, Sugihara soon settled in right next to the dismemberment of Poland. We know a fair amount about his work with Polish networks, probably the ones who gave him his best sense of Soviet-German relations inside captive, divided Poland.

In the spring of 1940, it became clear that the Soviet Union would take over the Baltic countries in a more direct manner, a process that would lead to their full incorporation as three additional Soviet Socialist Republics. Polish patriots working for the Japanese embassy would no longer be welcome on Lithuanian, soon Soviet, soil. Jews, refugees from Poland, would also be at risk, as foreigners. It was also plain to see that the murderous Germans, with their intentions toward Jews clear enough, were just across the border and unsated after devouring Poland. Soon the Polish patriots and the Jewish refugees would line up at Sugihara's consulate for transit visas to Japan, most going on to Shanghai, already under Japanese control.

His ultimate mix of motives still unclear, Sugihara granted at least a couple of thousand of visas in short order, signing documents from morning to night, right up until his departure on 5 September 1940. It also appears that he negotiated with the Soviet plenipotentiary Dekanozov to allow transit visas across Siberia without which the Japanese transit visas would have been useless. Sugihara may not have realized that he was preaching to the choir. In April 1940, recently released documents show Dekanozov petitioning Molotov to allow Intourist to handle the transit for 3000–5000 Jews from the Baltic countries³.

In December 1939 "Inturist" placed before the NKID (People's Commissariat of International Affairs) a question about the organisation of transit through the USSR to Palestine of around 3,000 Jews, who are located in the Baltic Countries. "Inturist" indicated that by organising this transit, it calculates on receiving hard currency earnings of around 900,000 roubles.

also provides important details, especially about his own self-perception of the risks and rewards of the spy as participant-observer. Shiraishi makes excellent use of this document to illuminate Sugihara. As an appendix to the abovementioned book, there is also a very valuable chronology of Sugihara's life with parallel events from the larger world in which he lived.

³ Борис Шадрин, «Владивостокский транзит (1939–1941)». Прикоснувшись к истории. Еврейская диаспора Дальнего Востока России. – Владивосток, 2000. – С. 131–132.

During discussion of this question with the NKVD, Deputy People's Commissar Comrade Merkulov announced that there was no opposition on the part of the NKVD to the transit of the aforementioned Jews, since they will be conveyed across the territory of the USSR in special groups accompanied by guards.

When this matter was reported to you in 1939, you suggested declining the organisation of transit.

Recently the question about the transit of Jews through the USSR to Palestine has again arisen. The Plenipotentiary of the USSR in Lithuania communicated to us that the total number of Jews wishing to pass by transit through the USSR stands at around 3000–5000.

Intourist expenses would be covered by American and British Jewish philanthropical organizations, it appears. Dekanozov's reasons for promoting this scheme for Intourist are somewhat unclear, but clearly Sugihara was also going beyond the call of duty to make this arrangement work. Just as clear, there are many details that remain to be clarified in this story, which despite the many complexities of the main character, still remains an uplifting one.

From the late 1980s, large-scale declassifications of former Soviet archives have made it possible to re-evaluate the whole foreign policy history of the Soviet Union without the Marxist goggles. The years leading up to World War II are particularly difficult with the tactical diplomatic maneuvers of the immediate pre-war inexplicable as a product of ethics or values or ideology. As such, they were largely written out of the postwar history books in both Japan and the USSR. The Molotov–Ribbentrop Pact was only the most visible symbol of this time of troubles, with the Soviet Union unable to “find” its copy until the end of the Soviet Union. Right up until his death in 1986, Molotov refused to admit the existence of the secret protocols that had created spheres of influence between Stalin's Russia and Hitler's Germany, dooming the independent states inbetween. Only in 1993, with the Soviet Union extinct, would the secret protocols be published in Russian in Russia.

In hindsight and through the ideological lens, it was always clear that the Soviet Union and Nazi Germany could only reach transitory moments of non-aggression. Hitler was aggression-made-flesh and Stalin could also be harsh, a killer of countless souls. And they were both locked in psychological battle long before their armies met. So,

in hindsight, the 20 months that separate 23 August 1939 from 22 June 1941 must be seen as a “prewar,” as Germany and the USSR jockeyed into the positions from which they would start the hostilities.

The process cost tens of millions of lives, homes and livelihood in the strip of misery that ran from Finland to Romania via Estonia, Latvia, Lithuania, Poland and Moldova. For these peoples and these countries, World War II does not begin in 1941. But after 1941, worse would follow, with German armies soon speeding across the zones just occupied by Soviet troops and puppet governments, food requisitioned to starve the local populations, Jews delivered to the firing squad in the first act of the Holocaust. In 1944, the areas successfully occupied in 1939–40 by the Germans would face another trauma, as the Soviet army left brutalities in the wake of its drive on Berlin. The complete destruction of Warsaw in fall 1944 can be considered a joint work of inhumanity.

It is this complex and secretive environment of temporary, tactical alignments that Sugihara was paid to monitor for decisions made along the Soviet western borderlands would have meaningful repercussions in the Far East. Most immediately, the signing of the Molotov-Ribbentrop pact had been a slap in the face for Japan. Mired in combat with the Soviet Union along the borders of Manchuria and Mongolia, Germany’s agreement not to intervene for the Japanese allowed Stalin to mount the final attack against the beleaguered Kantogun in late August 1939. Stalin’s conversations with Ribbentrop already revealed a willingness to negotiate with the Japanese, although this would only move forward from 1941 when the Japanese took the initiative.

Thus, in the late summer of 1940, as Sugihara moved into Kaunas, Japanese-German relations were in a period of uncertainty, as Japan licked its wounds after the defeat at Nomonhan and the betrayal that underlay the German-Soviet non-aggression pact. As Molotov put it many years later:

Stalin was a great tactician. Hitler indeed signed a non-aggression treaty with us without talking it over (*soglasovanie*) with Japan! Stalin forced him to do it. After that, Japan felt insulted (*obidelas’ na*) by Germany and nothing came of their alliance⁴.

⁴ Феликс Чуев (ред.). Сто сорок бесед с МОЛОТОВЫМ. М., 1991, с. 29.

Only the signing of the Tripartite Pact in September 1940, shortly after Sugihara's departure from Kaunas, would give renewed momentum to Tokyo-Berlin ties. Thus, there was little reason for Sugihara to provide even lip-service to Nazi ideology, since the anti-Comintern pact had been neglected by the German side for more immediate benefits that only Stalin could offer⁵. Instead, Sugihara continued to gather information, by cultivating his Polish contacts to infiltrate both Soviet and German positions, by negotiating with the Soviet and Lithuanian governments in the lead up to the Soviet occupation, and by attending Hanukkah festivities with the Ganor family⁶.

Precisely at six Anushka arrived with Mr. Sugihara, his wife and her sister. His wife was dressed in a very elegant black dress and Mr. Sugihara wore a formal striped suit. They both looked very distinguished...

Yukiko Sugihara [Sugihara's second, Japanese wife] remembers that evening:

There was so much food that I couldn't finish it all. I was surprised that the family kept serving more and more food. What was more surprising was that after such a big meal, they served a huge cake for dessert. My sister, who was with me, and I were saying, 'What are we going to do? My sister was even half crying.'

But Sugihara was not distracted by the food. Instead, he looked on with curiosity telling his young host, 11-year old Solly Ganor, that

In Japan they had a similar ceremony of lighting candles. He wanted to know more details about the historical background of the Maccabees... Mr. Rosenblatt [a recent arrival from Warsaw]... described to the hushed audience the terrible things the Nazis did to the Jews in Poland and to him and his family. Then he became so emotional that he broke down and cried... But it seems Sugihara, as usual, knew considerably more than he conceded. A few days later, when Solly visited his Japanese "uncle" to obtain some stamps, Sugihara sent the boy home with an unequivocal message. Tell your family and friends this, he said: "The time to leave is now".

Thus, we should keep in mind that Sugihara's brief year of residence in Kaunas, tasked to spy on Germans, while aiding thousands of

⁵ Stalin mocked this irony at the banquet for Ribbentrop, offering a toast to "the new anti-Comintern man (*antikominternovets*) Stalin!". Чуб, c. 19.

⁶ Hillel Levine, *In Search of Sugihara*, New York, 1996, pp. 156–157.

Jews and Poles on the side, was not a moment of friendship between Japan and Germany, but one of relative mistrust. This provided him leeway for his own operations.

Once Sugihara had left Kaunas, the little-known German initiative to include the Soviet Union in the Tripartite Pact was played out in the fall of 1940, first with a Molotov visit to Berlin at which the projected and premature divvy of the spoils from the collapse of the British empire was discussed. A few weeks later, after returning to Moscow to analyze the deal with Stalin, Molotov met with the German ambassador, Count Schulenberg. Stalin was willing it appears, but only if given control over Istanbul, the Turkish Straits, and passage to the Black Sea. Hitler, intent on war, did not move the matter forward and Stalin's embarrassing willingness to join Communism to Fascism against democracy could be buried in the archives.

Stalin's conditions also included the agreement of differences with Japan and Japan, having decided to focus on concluding the war with China, while moving south to solve its resource problems, was eager to conclude a non-aggression pact with the USSR. A first written variant was already presented in Moscow in the summer of 1940, with a second following in late October, shortly before Molotov's departure to Berlin. This time, the new Japanese ambassador Tatekawa specifically stated that the Japanese cabinet formed in July under Konoe sought a non-aggression pact analogous to the Soviet-German pact of August 1939.

Even as Molotov was returning to Berlin, on November 15, Japanese Foreign Minister Matsuoka Yosuke invited the Soviet ambassador K. A. Smetanin to his house for a heart-to-heart talk. Smetanin admired the house, noting in his memo to Moscow that Matsuoka seemed to have profited well from his time as Director of the South Manchurian Railway Company. He particularly noted the pictures by Russian artists on the walls, including Repin and Makovskii. Japanese were famous for picking up bargains among the impoverished Russian émigrés who lived in the northern Chinese cities of Harbin, Tianjin or Dairen.

On arrival, Matsuoka immediately launched into a rhapsody on the similarities between the Russian and Japanese people. He then went on to prove his "revolutionary" credentials by showing how he had removed all those with sympathies for the Anglo-Saxon capitalists

from positions of power inside the Foreign Ministry. But the Japanese were unwilling to hand back their concessions on Northern Sakhalin, Stalin's minimum condition, so negotiations went no further.

Only in February as data from the German ambassador suggested that Hitler was set on a course for war with the Soviet Union did Matsuoka prepare for a trip to Berlin and Moscow. On the way, he stopped in Moscow, suggesting that further negotiations take place on the return trip. Once in Berlin, he must have been impressed both by the likelihood of the German attack, but also Hitler's contradictory motives in encouraging a Japanese attack to the south, rather than keeping the Soviet's occupied in the north. With German blessings, he traveled back to Moscow to conclude a "neutrality" pact with Stalin, since an oral agreement recorded during the conclusion of the 1937 non-aggression pact between Moscow and Nanjing made it impossible for Stalin to conclude a "non-aggression" pact with Japan, in a state of war with China since 1937⁷.

After three conversations with Molotov, the Soviet side remained non-committal and Matsuoka went off to Leningrad to see the sights. On his return, a final meeting with Molotov resulted in no further progress. Only in the evening was Matsuoka summoned to Stalin in the Kremlin, where Stalin made clear that he understood this diplomatic act in its larger context. "The USSR considers it permissible, as a matter of principle, to cooperate with Japan, Germany and Italy on big questions (*po bol'shim voprosam*)". But with Hitler's disinterest in "military aid" from other countries, there can be no question of a "quadripartite pact and cooperation with the Soviet Union on big questions". So a neutrality pact would be not only a "first step, but a serious one, toward future cooperation on big questions"⁸.

Matsuoka, ready to depart in failure, had succeeded! He was overjoyed and was taken drinking by correspondents, who delivered him drunk to his departing train, a regularly scheduled train with the Japanese delegation already aboard in a special first-class car. And then, the unthinkable occurred. In front of the whole world, i.e., the correspondents, who had accompanied Matsuoka onto the platform, Stalin showed up at the Iaroslav station. Stalin, who never awaited arrivals,

⁷ Б.Н. Славинский. Пакт о нейтралитет между СССР и Японией. М., 1995, с. 69.

⁸ Б.Н. Славинский, с. 92.

and never saw off departures, had come to honor Matsuoka's achievement. The train's departure was delayed for an hour. Stalin plied the Japanese diplomat with more champagne and then he and Molotov "all but carried him [Matsuoka] aboard"⁹.

In the months immediately preceding Foreign Minister Matsuoka's drunken victory, throughout the fall of 1940 and into the spring of 1941, Jews with Sugihara visas travelled across the USSR in motley groups. Some went first class, some second, some stood, but all of them understood that crossing the USSR was a matter of life-or-death. Those who did not understand and stayed in Lithuania, with rare exceptions, were murdered, when the Nazis invaded in June. All winter Jews crossed Siberia, but the largest group waited for spring. A letter from the Soviet Foreign Ministry to the Japanese Embassy on 1 February 1941 described the situation and requested transit through Manchukuo, as well as direct trans-shipment to Japan from Vladivostok¹⁰.

I called SAIDO (sic) and communicated to him that during the next 2–3 months a group of refugees will leave the USSR.

They are all heading to the Americas or Palestine and have refugee certificates, unexpired transit visas from the former Japanese consul in Kaunas and entry visas. through Vladivostok and Manchuria

Their exit exclusively through Vladivostok port will considerably delay their departure.

Wishing to meet the request of the refugees to quickly arrive at their permanent place of residence, we have a possibility to send them in two directions, i.e.,

The Moscow embassy wanted to know more about this matter and the Soviet consular section provided these short answers:

1. The emigrants travelling in transit to the Far East and further are of various nationalities, but the overwhelming majority are Jews.

2. The total number of emigrants, that we desire to send by transit through Manchukuo, stands at 700–800 people.

3. All will travel as groups consisting of 50–100 people in March–April

4. They all have travel tickets or money for travel;

⁹ Ф. Чуев, с. 30.

¹⁰ Б. Шадрин, с. 132–5 for three long citations below.

There were other Jews taking this route, since other Japanese consuls had also been active, but none was so active as Sugihara, referred to directly in this exchange undertaken five months after he had finished issuing visas. As these refugees reached Vladivostok, many were questioned by the Japanese consular authorities. Some were denied passage. Others boarded boats to Tsuruga in Japan, but were not allowed to disembark. These imbroglios brewed in frigid correspondence between Soviet and Japanese consular officials, with Moscow insistent on exporting those who had already been transported across Eurasia. This internal report from the Foreign Ministry shows the development of the matter into March.

The Japanese consul in Lithuanian, in August 1940, gave out a significant number of transit visas good for one year for Jewish refugee emigrants who were headed from Lithuania to America. Persons who received the Japanese visas headed to Vladivostok. From there, they were conveyed on ships to Japanese ports and then, after receiving American visas, were sent to America.

On 2 March this year the Japanese ship “Amakusa-Maru” picked up 416 refugees in Vladivostok for their subsequent departure to America

On 13 March this year the ship “Amakusa-Maru” arrived in the Port of Kobe where Japanese authorities did not allow ashore 74 passengers from the number of aforementioned refugees and ordered the captain of the vessel to send them back to Vladivostok. Meanwhile, in Vladivostok the instruction was given that henceforth such passengers not be sent to Japanese ports.

In connection with the refusal of the Japanese authorities to allow ashore 74 emigrants and a refusal to accept on board the ship a group of 100 emigrants, on 19 March, Deputy to the Head of the Consular Affairs Department Beliaev, according to the instruction of Comrade Lozovskii, summoned the Third Secretary of the Japanese Embassy in Moscow Hirooka and requested an explanation of the latter, and also of taking appropriate measures in order that all emigrants having Japanese visas be given the possibility to continue the journey to their destination.

By April 9, the Japanese had backed down and all émigrés had received passage to Japan, as Matsuoka arrived in Moscow in search of

Molotov's signature. At such a time, he would not want to have any minor irritants, such as consular matters, interfere¹¹.

It is this Moscow negotiation, Matsuoka's grand initiative and Stalin's dramatic agreement, that provides the high-level backdrop to the final success of Sugihara's scheme, whatever his mixed motives, to save lives.

In conclusion, we should keep in mind the unusual circumstances of 1939-41. When Japanese-German relations cooled as a result of the timing of the Molotov-Ribbentrop pact, the door opened to the conclusion of its Asian twin, the "Molotov-Matsuoka pact". Tension with Germany made it possible for Sugihara to issue the visas he granted to Poles and Jews alike. Rapprochement with the USSR made sure that Moscow would insist on Tokyo's accepting the unwanted refugees who had made it as far as the Pacific. Matsuoka's ambitions assured that Tokyo would accept, at least until the ink dried on the Soviet-Japanese Neutrality Pact of 13 April 1941. It is within these larger machinations of Eurasian diplomacy that the causes and effects, the vistas on and execution of Sugihara's righteous act can be situated.

¹¹ Possibly, Matsuoka had some previous knowledge of and trust in Sugihara from their earlier, concurrent days of service in Manchuria, but of this, as yet, no documentary evidence as been unearthed.

Чиуне Сугихара и разрешение СССР на транзит в Японию еврейских беженцев

Илья Александрович Альтман
(Москва, Россия) ффф

Одна из малоизученных страниц истории Холокоста в Кёнигсберге связана с жизнью и деятельностью Праведника Народов Мира Чиунэ (Семпо) Сугихары.¹ Свою предпоследнюю дипломатическую должность Ч. Сугихара занимал именно в этом городе (с 6 марта по октябрь 1941 г.). В Калининграде сохранился дом, где размещалось консульство Японии². Известны отчаянные рапорты президент-полицая Восточной Пруссии в Берлин с требованиями отозвать японского дипломата, который регулярно выезжает на берег Балтийского моря, фиксирует перемещение военных кораблей, войск и отмечает факт эвакуации детей³. Именно из Кёнигсберга 9 мая 1941 г. Сугихара отправил телеграммы в Токио и послу Японии в Москве, в которой утверждал, что война СССР и Германии неизбежна⁴. Среди спасенных им еврейских беженцев были и те, кто получил визы в японском консульстве в Кёнигсберге⁵. Как минимум, одна семья из этого города весной 1941 г. проехала в Японию через СССР⁶.

¹ В июле – августе 1940 г., работая вице-консулом Японии в Каунасе, Ч. Сугихара выдал более 2100 виз еврейским беженцам из Польши, по которым из СССР сумели выехать через Японию в Китай, Северную и Южную Америку, Австралию и Палестину несколько тысяч потенциальных жертв Холокоста.

² Кавказская ул., д.14. Сейчас здесь находится детский сад. На этом доме, где жил и работал Ч. Сугихара (сохранилось, как минимум, 2 фото японского дипломата и его семьи, сделанные в консульстве в Кёнигсберге), планируется открыть мемориальную доску.

³ См.: Levine, 1996, p. 274; Yukiko Sugihara, *Visas for life*, San Francisco, 1995, pp. 62–64.

⁴ Seishiro Sugihara, *Chiune Sugihara and Japanese Foreign Ministry. Between incompetence and culpability*, Lanham, 2001, pp. 108–109.

⁵ Levine, 1996, p. 5 (приведен список евреев, которым Ч. Сугихара выдал визу в Кёнигсберге).

⁶ См. Henry Pollack, *My tree lives*, Sydney, 2004, p. 143 (с ним в одном купе поезда во Владивосток ехала семья Линдеман из Кёнигсберга, глава которой ждал их в Эквадоре).

В 2011 г. вместе с присутствовавшей на нашей конференции профессором Чизуко Такао и работающим в Японии американским профессором Дэвидом Вольфом мы начали проект, цель которого – фронтальное изучение российских и зарубежных архивов о жизни и деятельности Чиунэ Сугихара. В ходе проекта мной и моими коллегами Марией Альтман (Российский государственный архив экономики), Ольгой Лаговской (Государственный архив Российской Федерации), Татьяной Царевской (Российский государственный архив социально-политической истории) и Лией Штанько (Российский государственный военный архив) удалось выявить десятки новых документов по теме. Результаты и перспективы поиска обсуждались на конференциях и семинарах в Токио (декабрь 2011), Хельсинки (февраль 2013) и Москве (март 2013). К этой работе подключились наши коллеги из Финляндии (д-р Йохан Бэкман) и Литвы (Татьяна Брускина), чьи статьи публикуются в настоящем сборнике.

Тема моей статьи посвящена отношению литовского и советского правительств к выдаче транзитных виз еврейским беженцам, а также обстоятельствам, при которых было получено разрешение на их проезд через территорию Советского Союза в Японию. Данный подход позволит уточнить роль японского консула Ч. Сугихары в этом необычном и масштабном транзите.

Документы Архива внешней политики Министерства иностранных дел РФ (далее – АВП МИД РФ) достаточно полно раскрывают ход переговоров с литовской стороной о транзите еврейских беженцев из Польши через территорию СССР⁷. Эти документы и сведения из бывшего партийного архива позволяют ответить на несколько вопросов, проясняющих деятельность японского консула в Каунасе и возможность выдачи им транзитных виз на проезд в Японию.

Во-первых, какой информацией располагали и как интерпретировали в советском внешнеполитическом ведомстве проблему еврейских беженцев? Во-вторых, от кого и когда исходила инициатива выдачи виз на проезд через СССР? Наконец, кем и когда

⁷ Приносим благодарность директору Историко-документального департамента МИД РФ, Чрезвычайному и Полномочному Послу И.А. Кузнецову и его заместителю И.В. Фетисову, а также сотрудникам архива, за бесценную помощь в выявлении, копировании и организации работы с этими документами.

было принято решение о массовом выезде этих беженцев из ставшей советской Литвы?

Фамилия Ч. Сугихары в период его пребывания в Литве в советских дипломатических документах встречается лишь один раз. Только через полгода после его приезда в Каунас советский полномочный представитель Н.Г. Поздняков (1900–1948) кратко упомянул о нем в обзорном донесении «Литва в 1939 г.» от 30 марта 1940 г.: «В октябре месяце в Каунасе открылось японское консульство. Консулом назначен б. атташе японской миссии в Финляндии Сугихара, хорошо владеющий русским языком»⁸.

Прибытие Сугихары в Литву и открытие им консульства практически совпало с передачей этой стране Виленского края – аннексированной СССР части Польши. В этот момент в Литве находилось от 14 до 20000 еврейских беженцев. Первая попытка получить советские транзитные визы для беженцев из Литвы в Палестину (через Одессу) «ускоренным порядком» была предпринята литовской стороной уже 9 сентября 1939 г. Но в этом ей было отказано с предложением подавать документы через Москву «на общих основаниях»⁹.

Литовские дипломаты в Москве продолжили эти попытки спустя полтора месяца. Начиная с 25 октября 1939 г., они настойчиво, но безуспешно, ставили вопрос о советских транзитных визах для беженцев и их проезде через советскую территорию в Палестину¹⁰. Для решения этого вопроса был подключен «Инту-

⁸ АВП МИД РФ, Ф. 0151. – Оп. 31. – п. 57. – Д. 1. – Л. 48. Любопытно, что о новых послых других стран в донесениях советского дипломата говорится гораздо подробнее. Не обратил он внимание и на возможное влияние Т. Сугихары как на появление в издававшейся на идиш в Каунасе газете «Идише штиме» статьи от 27 февраля 1940 г. «с ярко выраженной симпатией к белофиннам», о чем было доложено зам. наркому Потемкину (Там же. – Д.2. –Л. 7), так и в связи с переправкой польских военных в Финляндию (Дневник полпреда. – Там же. – Ф. 1051. – Оп. 51 – п. 57. – Д. 5. – Л. 7).

⁹ Там же. – Оп. 30. – П. 56. – Д. 3. – Л. 18 (отношение зав. отделом Прибалтийских стран Васюкова в Генеральный секретариат НКВД).

¹⁰ Там же. – Оп. 30. – П. 56. – Д. 2. – Л. 26 (на приеме у зам. наркома НКВД Потемкина литовский посланник Наткявичус «поставил вопрос, не собираемся ли мы, порядке переселения из Литвы на нашу территорию, принять некоторую часть еврейского населения, а также коммунистов, часть которых находится в литовских тюрьмах?») Ответ советского дипломата гласил: «Я ответил посланнику, что он напрасно осложняет новыми моментами первоначально поставлен-

рист», заинтересованный в иностранных клиентах. Вот как комментировал в «Дневнике Полпреда» эти усилия Н.Г. Поздняков (запись не ранее 1 января 1940 г.): «Литовское правительство прямо заинтересовано в получении транзита через Мурманск и Одессу (на Палестину)... Не столько для получения валюты, сколько для доказательства Лондону о непрекращающейся дружбе Литвы и Англии»¹¹.

26 февраля содействовать транзиту через СССР просил Поздняков директор экономического департамента МИД Литвы¹². Через три дня просьбу повторил зам.министра иностранных дел Тараускас, который «просил меня создать транзитный проезд через СССР в Палестину группы евреев в 100 чел., преимущественно состоящих из польских евреев. Если нам нужны дополнительные гарантии в том, что никто из них не застрянет в СССР, то литовские власти могут наделить их неполными паспортами – соф кондуи и даже сопроводить до Одессы со своим человеком»¹³. Еще один аспект (возможно, главный) такого рвения литовской стороны объяснил Позднякову президент Литвы А. Сметона, который при встрече с советским дипломатом «вскользь стал жаловаться, что польские беженцы экономически отягощают их»¹⁴.

29 марта литовская сторона конкретизирует свое предложение: речь шла о проезде через СССР литовских (о них речь зашла впервые) и польских евреев в количестве 5000 человек¹⁵. Эти систематические усилия литовского правительства не пропали даром. Надежда на положительный исход переговоров с Москвой появилась в середине апреля 1940 г., когда первый секретарь полпредства в Литве Молочков был вызван в МИД Литвы, где зав.консульским отделом Радунис сообщил ему: посланник в Мо-

ный ясный вопрос – об обмене населением на базе этнографического принципа и в добровольном порядке»); Там же – Л. 29 (14 ноября 1939 г. Наткявичус безрезультатно просил Потемкина «о пропуске в СССР 6 000 гражданских беженцев, оказавшихся в Вильно»; Там же. – Л. 34 (21 ноября он вновь ставил вопрос о пропуске беженцев в Украину и Белоруссию).

¹¹ АВП МИД РФ. – Ф. 1051. – Оп. 31. – П. 57. – Д. 5. – Л. 4. Отметим, что Англия отнюдь не была заинтересована в массовой еврейской эмиграции в Палестину.

¹² Там же. – Л. 28.

¹³ Там же. – Л. 34.

¹⁴ Там же. – Л. 43.

¹⁵ Там же. – Л. 72.

скве информировал МИД, что Советское правительство «в принципе согласилось пропустить транзитом через СССР группы виленских жителей, не имеющих лит[овских] паспортов, для проезда в Палестину»¹⁶.

Такая информация имела под собой некоторое основание. 21 апреля 1940 г. заместитель наркома иностранных дел В.Г. Деканозов обратился к своему шефу В.М. Молотову с обстоятельным письмом, в котором предлагал разрешить проезд еврейских беженцев через СССР. Из этого документа следовало, что еще в декабре 1939 г. «Интурист» просил НКВД организовать транзит через СССР в Палестину около 3 тыс. евреев, «находящихся в Прибалтийских странах», но получил отказ. По мнению Деканозова, СССР мог бы заработать 900 тыс. инвалютных рублей (180000 долларов по официальному курсу в 0,2 руб.). По его данным, в Литве находилось «около 3–5 тысяч» беженцев из Польши¹⁷. Поддержка высокопоставленного советского чиновника вызвала определенный оптимизм в Каунасе. По сведениям руководителей еврейских организаций в Литве, занимавшихся выездом беженцев, уже на следующий день литовский премьер – министр сообщил им, что СССР согласился «в принципе» на транзит беженцев¹⁸. Далее последовала пауза. 10 мая 1940 г. Литовский МИД в своей ноте вновь ставит вопрос «о транзите для 5000 лиц, отправляющихся в Палестину»¹⁹. И лишь в конце мая НКВД разослал письма наркомам транспорта и морского флота с предложением проработать технические вопросы будущего транзита²⁰. Но никаких существ-

¹⁶ АВП МИД РФ. – Ф. 0151. – Оп. 31. – П. 58 – Д. 18. – Л. 8 (Советский дипломат в ответ сообщил, что никаких сведений из Москвы об этом он не получал. Любопытно, что об этом письме из Каунаса руководитель соответствующего Департамента НКВД доложил своему начальству лишь 28 апреля 1940 г., когда решение было, очевидно, принято).

¹⁷ См.: Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР (1941–1945). – М., 2002. – С. 381–382.

¹⁸ См.: Zorach Wathafitg, *Refugee and Survivor. Rescue efforts during the Holocaust*, Jerusalem, 1988, p. 88. По словам автора: «Не было никакой возможности удостовериться в достоверности основы заявления, сделанного по этому вопросу премьером Литвы, либо, что это было подтверждено русскими. Фактически это, вероятно, было не более чем добрые намерения (wishfull thinking)». Как видим, основа для этого заявления была вполне достоверной.

¹⁹ АВП МИД РФ. – Ф. 1051. – Оп. 23. – П. 25. – Д. 012. – Л. 58.

²⁰ АВП МИД РФ. – Ф. 0151. – Оп. 31. – П. 58. – Д. 18. – Л. 14, 15.

венных практических шагов до ввода советских войск в Литву 15 июня 1940 г. со стороны СССР не последовало.

После этого ситуация для беженцев кардинально меняется. С середины июня 1940 и до начала августа 1940 г., когда Литва вошла в состав СССР, тысячи людей делают попытки вырваться из страны диктатуры пролетариата в любую точку земного шара. Ими двигало не только понимание опасности, исходящей от нацистской Германии, но и нежелание стать советскими гражданами. Уже в июле начинаются прямые переговоры с представителями СССР по выезду еврейских беженцев. Их инициировали еврейские организации, представлявшие бежавших из Польши (евреи Литвы, как и других стран Балтии, после их вступления в состав СССР не имели права покидать Советский Союз). Сначала в ходе переговоров прорабатывался вариант выезда через Одессу в Хайфу с советской транзитной визой. По воспоминаниям одного из руководителей организаций беженцев З. Варгафтика, «очень серьезные дискуссии велись с советским послом в Каунасе», который связывался с высокими властями в Москве. Эти переговоры прошли в июле 1940 г. Но только 28 августа 1940 г. советский посол в Лондоне И. Майский информировал главного раввина Палестины рабби Герцога, что советские власти разрешают выезд из Одессы беженцев из Литвы с палестинскими визами. Однако путь через Одессу был закрыт до декабря 1940 г., пока Турция не согласилась на транзит беженцев²¹.

Но уже осенью 1940 г. заработал маршрут на Владивосток, откуда через Японию в Палестину должны были попасть с визами Ч. Сугихары не менее 200 беженцев²². Транзит через Дальний Восток в страны Северной, Южной и Центральной Америки, Австралию и Палестину стал одним из самых экзотических вариантов выезда из СССР. Он возник следующим образом. Голландский консул в Каунасе в июле 1940 г. выдал еврейским беженцам из Польши (по их инициативе) около 1400 документов о возможности въезда на Суринам и Кюросао «с разрешения местного губернатора и без специальной визы». Так в истории транзита из Литвы через СССР появилось «японское» направление, потому

²¹ Zorach Wathafitig, *Refugee and Survivor. Rescue efforts during the Holocaust*, Jerusalem, 1988, pp. 124–125.

²² Idem, p. 130.

что Страна восходящего солнца оказалась ближайшей к этим территориям, куда можно было непосредственно добраться из Советского Союза²³.

Следует указать, что еще до начала Второй мировой войны через СССР в Японию также существовал транзит еврейских беженцев. По данным Памеллы Сакомото, между осенью 1938 – январем 1939-го в Шанхай через Сибирь проследовали 82 беженца из Германии и Австрии. Не было, судя по всему, и противодействия Советского Союза. После «Хрустальной ночи» японский МИД даже забеспокоился, что если СССР не прекратит выдачу транзитных виз, то число беженцев, прибывающих на поездах, которые ходят 2 раза в неделю, резко вырастет²⁴.

Какую же роль в открытии этого транзита сыграл японский консул в Каунасе? Летом 1940 г. состоялась первая и единственная встреча Чиунэ Сугихары с советскими дипломатами в Литве по данному вопросу²⁵. Из имеющихся источников не вполне ясно: произошло ли это до или после ввода советских войск. Хорошо осведомленный мемуарист З. Варгафтик утверждал, что только 9 августа 1941 г. Н.Г. Поздняков сообщил ему, что пришел позитивный ответ из Москвы и власти просят список для предоставления транзитных виз²⁶.

Однако, скорее всего, такая встреча произошла в конце июля 1940 г. Версия о том, что именно Ч. Сугихара стал инициатором такого разговора и последовавшего затем транзита беженцев через СССР, появилась в книге его вдовы Юкико. По ее мнению, Сугихара «уговорил советского дипломата из консульства» выдавать визы на отъезд. Согласно этому свидетельству, советское

²³ См.: Samuel Iwry, *To wear the dust of war. From Bialostok to Shanghai to Promised Land: An oral history*. NY, 2004, pp. 56–57.

²⁴ См.: Sakamoto, Pamela Rotner, *The policy of Japanese Ministry of FA toward Jewish refugees*, Medford, 1996, p. 150. Телеграмма от 28 ноября 1938 г. министра иностранных дел Масуды послу в Манчжурии Арите.

²⁵ Впервые об этом рассказал сам Ч. Сугихара в интервью американскому корреспонденту в 1985 г., незадолго до своей смерти. В статье американского ученого Ричарда Гамбино (Richard Gambino), опубликованной 13 апреля 1986 г. в нью-йоркской ежедневной газете *Newsday*, есть ссылка на интервью с Сугихарой и его супругой Юкико, которое провел в 1985 г. в Токио американец Брайан Оксли (Brian Oxley), проживавший в Токио и говоривший по-японски.

²⁶ См.: Wathafitig, 1988, pp. 121–122.

представительство в Каунасе заверило Сугихару в том, что если он выдаст транзитные визы евреям, Советский Союз одобрит статус этих документов и предоставит евреям транзитные визы на передвижение по территории СССР и переезд в Японию²⁷.

Эта информация нуждается в уточнении. Инициаторами выдачи транзитных виз выступали именно представители еврейских беженцев. Они же обеспечили вариант с якобы «конечным» пунктом (на самом деле – фиктивным) на подконтрольных Нидерландам территориях в Карибском море. Без наличия отметки в паспорте о месте, куда в конечном итоге должны были прибыть беженцы, невозможны были транзитные визы через Японию (как и разрешение на выезд через СССР).

Важно подчеркнуть, что к моменту начала переговоров с советскими дипломатами Ч. Сугихара уже выдавал визы бывшим польским офицерам и гражданским беженцам-неевреям, с которыми он сотрудничал в Каунасе. В своей переписке с Токио японский дипломат указывал как раз на необходимость спасения этих людей от возможных преследований Советской власти.

Скорее всего, указанная выше встреча произошла не ранее 25 июля 1940 г. В нашем распоряжении есть документы, которые позволяют уточнить хронологию принятия Москвой позитивного решения. Поздно вечером 25 июля 1940 г. назначенный уполномоченным ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Литве В.Г. Деканозов (который, как мы показали выше, еще за 2 мес. до этого поддерживал идею выезда беженцев через СССР и Н.Г. Поздняков телеграфировали по ВЧ в Москву, что «в Литве, особенно в городе Вильно, скопилось много беженцев евреев из бывш. Польши... Общее число таких беженцев около 800 человек». Отмечалось, что большинство этих людей – «духовенство, учащиеся религиозных школ, торговцы, адвокаты и другие лица свободных профессий», они имеют родственников за границей и «все они обеспечены соответствующими визами и деньгами». Подчеркивалось, что «оставление этих беженцев в Литве нежелательно».

Среди адресатов этого письма значатся члены Политбюро И. Сталин, В. Молотов, К. Ворошилов, А. Микоян, Л. Каганович, Л. Берия, а также зам. наркома иностранных дел Соломон Лозов-

²⁷ См.: Sugihara Yukiko, 1995.

ский, курировавший именно страны Дальнего Востока, в частности Японию²⁸.

Как отмечалось выше, массовый выезд транзитом через СССР в этот период был возможен только через Японию.

Бросается в глаза, что авторы телеграммы сознательно занижали хорошо известное им число беженцев. В действительности виз будет выдано почти в три раза больше. В этом документе просматривается четкая решимость В. Деканозова довести до конца идею об использовании транзита беженцев как в экономических целях (о чем он сообщал Молотову еще весной 1940 г.), так и для реализации идеи НКВД о создании с помощью беженцев своей агентуры как на Дальнем Востоке, так и других странах²⁹. Отметим и аргумент о том, что оставлять этих людей в СССР «нежелательно» в силу их классового происхождения или религиозных убеждений.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 29 июля 1940 г. вопрос был решен положительно: «Разрешить находящимся в Литве беженцам-евреям из бывш. Польши транзитный проезд через СССР за границу»³⁰.

Таким образом, была устранена важная преграда, позволившая еврейским беженцами с визами японского консула Ч. Сугихары покинуть Советский Союз. Какими бы мотивами ни руководствовались советские официальные лица и японский дипломат, благодаря этому альянсу, несколько тысяч людей смогли избежать участи литовских евреев, 94% которых были уничтожены нацистами.

²⁸ РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп.166. – Д. 627. – Л. 92. Подл. АВП. Ф. 0151. Оп.32 пап.60.д.10.л.1 (копия)

²⁹ Подробнее об этом см.: Альтман И.А. Транзит еврейских беженцев в Японию через территорию СССР в 1940–1941 гг. – В кн.: Материалы XX Международной конференции по иудаике. – М., 2013 (в печати).

³⁰ РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 28. – Л. 62 (Протокол №19. Решения ПБ от 22 июля – 24 августа 1940 г.).

Чиунэ Сугихара и японский шпионаж в Финляндии в 1930-е годы

Йохан Бекман
(Хельсинки, Финляндия)

Деятельность японского дипломата Ч. Сугихары в Литве достаточно хорошо изучена. Гораздо менее известны факты о его предшествующей работе – в Имперском посольстве Японии в Хельсинки в 1937–1939 гг. В финской историографии Ч. Сугихара практически не упоминается (впрочем, и исследований о финско-японских отношениях этого периода крайне мало). Документы о деятельности Ч. Сугихары в финских архивах довольно отрывочны и отложились в разных фондах. Видимо, далеко не все они сохранились¹. Ответ на вопрос о характере деятельности японского дипломата в Хельсинки мы попытались найти прежде всего в документах архивов Министерства иностранных дел и полиции безопасности Финляндии. В фонде финского МИДа удалось обнаружить три документа с именем Ч. Сугихары. Они позволяют установить точные даты его пребывания в стране: с 15 сентября 1937 по 25 августа 1939 г. 16 сентября 1937 г. министр иностранных дел Финляндии В. Воионмаа был проинформирован посольством Японии, что 12 августа 1937 г. Чиунэ Сугихара назначен атташе в Имперском японском посольстве в Хельсинки. В письме также упоминается о том, что Сугихара и его жена приехали в Хельсинки 15.9.1937, и он приступил к работе на следующий день². 10 ноября 1937 г. японское посольство передало финскому МИДу идентификационные карты Сугихары и его жены вместе с фотографиями³. А 25 августа 1939 г. японское посольство информировало министра иностранных дел Финляндии Э. Эркко о том, что Сугихара покинул Хельсинки в тот же самый день (т.е. через

¹ Так, ничего не говорится о нем в делах Контрольной комиссии, которая после войны расследовала деятельность немцев и их союзников в Финляндии. Это может быть как доказательством высокого уровня конспирации его деятельности, так и отсутствием «компромата».

² Sugihara, Chiuné 6/2241 K 37. Ulkoasiainministeriön arkisto, Helsinki.

³ Ulkoasiainministeriö 12/2242 KO 37 10/11 –37. Ulkoasiainministeriön arkisto, Helsinki.

2 дня после пакта Молотова–Риббентроппа) и назначен вице-консулом в Каунасе⁴.

Об отнюдь не только дипломатической деятельности Ч. Сугихары рассказывают документы в фонде полиции безопасности в Национальном архиве Финляндии⁵. Они обнаружены в делах о деятельности японской разведки в Финляндии. Эти документы рассекречены, но, судя по всему, еще не привлекали внимание исследователей. Накануне и во время Второй мировой войны Государственная полиция (далее – ГП) Финляндии имела оперативные и тесные контакты с немецкими коллегами на территории как Финляндии, так и Прибалтики⁶. Во время Второй мировой войны ГП содействовала депортации евреев, военнопленных, коммунистических политзаключенных из Финляндии на подконтрольную Германии территорию (в основном, в финскую Лапландию и Эстонию), где они были уничтожены, либо отправлены в концлагерях в Польшу⁷.

Сотрудники финской ГП (как до и во время войны, так и после нее) интересовались деятельностью японских дипломатов в период пребывания Ч. Сугихары в Хельсинки. Они следили за ними, пытались анализировать их возможные планы и разведывательные операции, особенно в связи с вербовкой финских граждан. Т.н. «Красная ГП» в 1945 г. провела тщательное расследование деятельности японской разведки в Финляндии с конца 1930-х до

⁴ Ulkoasiainministeriö No 9 / 2341 KD 1939 28/8 1939 ryhmä 06 osasto 015 asia e. Ulkoasiainministeriön arkisto, Helsinki.

⁵ В 1919–1939 гг. функции тайной полиции выполняла Центральная детективная полиция, затем они перешли к Государственной полиции (1939–1944) или т.н. «Госполиция I». Эти структуры отвечали, в первую очередь, за контрразведку.

⁶ See: Oula Silvennoinen. Salaiset aseveljet. Suomen ja Saksan turvallisuuspoliisiyhteistyö 1933–1944. Helsinki. Otava. 2008. Многие сотрудники финской тайной полиции в этот период имели антисемитские и пронацистские взгляды. Они преследовали еврейских беженцев в Финляндии.

⁷ See: Elina Sana. Luovutetut. Suomen ihmisluovutukset Gestapolle. WSOY. Helsinki. 2003. После выхода Финляндии из войны в сентябре 1944 г., ГП стала просоветской организацией, решая задачу защиты интересов Контрольной комиссии, которую возглавлял в Хельсинки А. А. Жданов в соответствии с договором о перемирии 1944 г. Этот послевоенный период (1944–1948) в истории ГП в финской историографии называется «Красная Госполиция» или «Госполиция II». В это время ГП интересовалась изучением финских военных преступников или личностей, имевших близкие связи с СС или нацистской Германией.

окончания войны. В этих документах не раз встречается имя Ч. Сугихары, который был объектом особого интереса финской контрразведки. Из этих материалов напрашивается вывод, что целью Сугихары был сбор разведывательных данных о Советском Союзе. Для сбора этих сведений он вербовал в Финляндии иммигрантов из России. Его главным информатором стал адвокат и правозащитник Роберт Шихман (Robert Schichmann), антифашистские и правозащитные взгляды которого, возможно, повлияли на Сугихару.

В аналитической справке ГП по поводу японской разведки в Финляндии до и во время войны говорится, что гражданские атташе посольства были главными организаторами разведывательных операций в Финляндии, которые начал именно Ч. Сугихара:

При изучении деятельности [японского] посольства был сделан вывод о том, что не военный представитель, а атташе руководил разведывательными операциями. Уже Сугихара, предшественник Токура, достаточно активно организовал разведку. (...) Токура объяснил разделение задач между японскими представителями в Европе, сказав, что в Хельсинки и в Берлине эти представители занимались в основном разведкой против СССР, в то время как в Стокгольме они интересовались проблемами стран Запада. Что касается [японского] посольства в Хельсинки, это объяснение правильное, потому что сотрудники [японского] посольства часто проявляли огромный интерес к делам СССР. Уже в 1935 г. финские чиновники отметили, что капитан Нишимура ездил по своей инициативе на Карельский перешеек⁸.

В справке также говорится, что Токура, преемник Сугихары, докладывал о своей работе непосредственно в Берлин. Автор справки прямо утверждает, что Сугихара отвечал за разведывательные операции в Хельсинки. Другой документ более детально рассказывает о деятельности японского дипломата в этом направлении. В справке от 28 февраля 1939 г. говорится: «Сугихара требует сообщить имена вернувшихся из России. У него есть финский мужчина с журналистским удостоверением, которого он отправил взять у них «интервью». (...) Всего он [информатор – *Й. Б.*] получил от Сугихары 600 марок⁹».

⁸ Valpo II XXIII M1. Y.D.1753a/3.5.1947. Kansallisarkisto, Helsinki. (Переводы с финского – *Й.Б.*)

⁹ Valpo II. XXIII M.1. Ilm. no. 524. 28 II 1939. Kansallisarkisto, Helsinki.

Этот документ показывает, что Сугихара проявлял интерес к любым источникам информации об СССР, используя для этого финского журналиста. По данным финской тайной полиции, им был Вениамин Титов, который в Финляндии пользовался псевдонимом «Бени Тиитта», чтобы скрывать его русские и/или еврейские корни (именно так поступали многие иммигранты из России в Финляндии). Титов был арестован ГП 5 сентября 1939 г., т.е. через 10 дней после отъезда Сугихары из Финляндии. По данным ГП, этот журналист работал на японцев. Так, он размещал в разных изданиях материалы, которые получал из японского посольства. Титов также признал, что у него были антисоветские листовки на русском языке, которые он получил от японского военного атташе. Эти пропагандистские листовки призывали к убийству советских руководителей, в основном, от имени русской эмигрантской организации НТСНП (Национально-Трудовой Союз Нового Поколения). Сотрудники ГП, обыскав дом Титова, обнаружили там 12000 листовок¹⁰. Вероятно, Титов начал работать на японцев при Сугихаре, и, не исключено, что им же и был завербован.

Другой интересный пример японских спецопераций в Финляндии при участии Ч. Сугихары – визит японского «профессора» Тутому Куваки, который впервые прибыл в Финляндию в апреле 1939 г.¹¹ Можно предположить, что он встретился с Сугихарой и, возможно, получил от него инструкции. Официальный повод визита Куваки – чтение лекции в Хельсинкском университете по японской истории, философии, религии, языку и т.д. После войны финская ГП потратила немало времени и сил, чтобы изучить деятельность этого «лектора». Из документов следует, что Куваки, который жил постоянно в Берлине, был не только явно молод для звания профессора, но и весьма плохим лектором. Находясь позднее в Финляндии (во время блокады Ленинграда), он заявил, что хочет в ближайшем будущем познакомиться с сокровищами библиотек «оккупированного Ленинграда». К нему домой часто ходили немецкие и японские дипломаты. Куваки

¹⁰ Valpo amp XXIII M1. Muiden maiden vakoilu Suomessa. Japanin vakoilu Suomessa. YD 1781/7.5.1947. Kansallisarkisto, Helsinki.

¹¹ Valpo amp XXIII M1 Y.D. 1737/29.4.1947. Kansallisarkisto, Helsinki.

также ездил с японским военным атташе в Выборг в 1941 г.¹² По версии его финских студентов, которых ГП допрашивала после войны, Куваки на лекции показывал на большой карте, как «Финляндия и Япония становятся соседями по государственной границе – возле Москвы»¹³. Куваки также заявил на лекции, что «Япония должна получить больше жизненного пространства»¹⁴. Зарплату этот пропагандист идей «Великой Японии» получал не от Хельсинкского университета, а от посольства Японии (собственно, он был приглашен в Финляндию именно японским послом)¹⁵.

Аналитическая справка ГП, датированная февралем 1945 г. (после выхода Финляндия из войны японские дипломаты покинули страну), так характеризует разведывательную деятельность японцев: «(...) задачей посольства Японии в Хельсинки, так же как и посольств в Берлине и до войны в Варшаве, было разведка на Востоке, т.е. посольство интересовалось всем, что происходит в СССР. Японское посольство в Стокгольме интересовалось в первую очередь в Англии и, в частности, в Америке. Японцы были заинтересованы в военных обзорах, докладах о Советском Союзе, указах маршала Сталина, тексте речей влиятельных советских деятелей, о промышленности и транспорте (...), полезных ископаемых в Европе и Азии, редакционных материалах «Правды», назначениях и изменениях в руководстве Советского Союза»¹⁶.

Досье на Сугихару в архиве полиции безопасности Финляндии содержит важную информацию о его загадочной поездке на Карельский перешеек. Она стала возможной как результат сотрудничества с ГП, в том числе – в сборе и передаче ей информации об этой поездке: «С[угихара] посетил в 1939 г. Выборг и Териоки [ныне Зеленогорск. – *Й.Б.*]. Он отправил начальнику отдела Раекаллио [начальнику ГП в Выборге. – *Й.Б.*] письмо, где благодарил за оказанный ему дружелюбный прием и отметил, что приложил информацию, которую он обещал передать Раекаллио». Кроме того, в деле говорится, что Сугихара «был в контакте с

¹² Valpo amp XXIII M1 Y.D. 1731/29.4.1947. Kansallisarkisto, Helsinki.

¹³ Valpo amp XXIII M1 Y.D. 1733/29.4.1947. Kansallisarkisto, Helsinki.

¹⁴ Valpo amp XXIII M1 Y.D. 1735/29.4.1947. Kansallisarkisto, Helsinki.

¹⁵ Valpo amp XXIII M1 Y.D. 1737/29.4.1947. Kansallisarkisto, Helsinki.

¹⁶ Valpo II. YD 1766/5.5.1947. Kansallisarkisto, Helsinki.

людьми, которые приехали из России. Заявление передано Контрольной Комиссии 26 января 1945 г.»¹⁷. Других материалов по этой поездке в папке Сугихары не обнаружено: заявление для Контрольной комиссии не отложилось в этом фонде; не обнаружено оно и в архиве МИД Финляндии.

Однако в фонде ГП нами обнаружен весьма интересный документ: официальное письмо на бланке японского посольства, подписанное Сугихарой и датированное 28 января 1939 г. Оно адресовано начальнику отдела ГП Раекаллио. В письме говорится: «Я сердечно благодарю за дружелюбие и приятное сотрудничество, которыми я имел возможность наслаждаться в ходе моего визита к вам на прошлой неделе. Я прилагаю информацию, которую обещал вам передать»¹⁸.

К сожалению, в архивах это приложение не сохранилось.

В любом случае ясно, что Сугихара смог осуществить свою поездку на Карельский перешеек при содействии финской ГП (в отличие от его предшественника, который туда ездил без разрешения финских властей). Этот материал доказывает, что Сугихара сотрудничал с финской ГП и передавал ей информацию в январе 1939 г. Это произошло за несколько месяцев до заключения пакта Молотова–Риббентропа и «Зимней войны», когда советско-финские отношения уже стали крайне напряженными.

Сотрудники ГП не были довольны поездкой Сугихары (он ездил на Карельский перешеек вместе со своим помощником, адвокатом Робертом Шихманом). ГП предупредила Сугихару о том, что Шихману нельзя доверять. Интересно, как – по данным протокола ГП – Сугихара достаточно эмоционально защитил своего сотрудника:

Хельсинки 1.2.1939.

Начальнику отдела У. Раекаллио. г. Выборг

«Возвращаю Вам записку Сугихары, потому что он ее продублировал также и мне 27 января. Он крайне доволен поездкой и особенно отношением к нему в Выборге и в Терийоки, повторно поблагодарив за доброту начальников отдела. (...) Когда я высказал наше удивление и возмущение тем, что он использует такого

¹⁷ Valpon pääosaston henkilökortti. Chiune Sugihara. Kansallisarkisto.

¹⁸ Valpo II XXII M. Sugiharan kirje Raekalliolle. Kansallisarkisto, Helsinki.

помощника как Шихман, лицо С[угихары] вытянулось. Он объяснил, что Шихман некоторое время назад с большим успехом занимался делами японского предприятия в Берлине и их сотрудничество началось уже тогда. Он принял Шихмана в качестве человека, которому можно доверять, потому что тот – финский адвокат. Я не стал рассказывать про Шихмана более детально, лишь заметив, что мы расцениваем его политическую благонадежность как сомнительную. Мы дали ему понять, что сомневаемся – можем ли мы сообщать Сугихаре нашу информацию, если мы не уверены, что она не попадет в чужие руки. Видимо, этот «урок» раздражал и смущал японца, и он пытался защититься, сказав, что Ш[ихман] посвящен в их дела не более обычного бюро переводов. Он обещал принять мой комментарий к сведению»¹⁹.

Это письмо доказывает, что Сугихара сотрудничал с ГП и получал от нее некую конфиденциальную информацию, которая не должна была попасть в руки «неблагонадежного» адвоката. Возможно, это недоверие было связано с антисоветскими настроениями сотрудников ГП, поскольку Шихман был иммигрантом из России. И, по данным ГП, имел контакты с Советским посольством в Хельсинки в 1920-х годах.

Эмоциональная реакция Сугихары на намеки сотрудника финской контрразведки, как свидетельствует этот документ, крайне интересна. Он активно защищал своего помощника Роберта Шихмана, фото которого также хранится в досье последнего в архиве полиции безопасности Финляндии²⁰. О деятельности Шихмана в его деле сказано: «На службе в японском посольстве с 1938 г.»²¹. Это означает, что Шихман был завербован именно в тот период, когда Сугихара уже работал в Хельсинки. Вполне вероятно, что он именно им и был завербован.

Шихман также был своего рода правозащитником того времени. Этот факт раздражал ГП. Уже в 1931 г. ГП заинтересовалась

¹⁹ Valpo II XXII M1. Y.D. 1916/25.9.1947. Kansallisarkisto, Helsinki.

²⁰ Valtiollisen poliisin I arkisto. Henkilömapit. No. 10208. Schichman, Robert. Henkilömappi nro 10208. Юрист и адвокат Роберт Александрович Шихман родился в Санкт-Петербурге в 1884 г. Крещеный еврей. Женился в 1904 г., имел двоих детей. Переехал в Хельсинки в 1911 г., входил в немецкий приход столицы Финляндии.

²¹ Idem.

статьей Шихмана о положении русского меньшинства в Финляндии. В декабре 1931 г. ГП докладывала, что «статья доктора Р. Шихмана по вопросу о национальных меньшинствах опубликована в журнале в Париже» (Lloyds Journal No. 2, November 1931), но самого журнала ГП приобрести не удалось²². Скоро ГП подготовила еще более отрицательную рецензию, указав, что эта статья «основана на односторонних и поверхностных наблюдениях, которые этот адвокат и «доктор» сделал в нашей стране в течение 12 лет»²³.

Интересно, что в декабре 1937 г., через несколько месяцев после приезда Сугихары, ГП сообщила о создании «Коллегии русских адвокатов» в Хельсинки. Эта была своеобразная правозащитная организация. По данным ГП, Роберт Шихман намерен был выступать на ее президиуме 11 декабря 1937 г. по поводу «юридического положения иммигрантов», но его лекция не состоялась²⁴. Возможно, ГП каким-то образом отменила мероприятие.

Эти доклады доказывают, что Шихман интересовался вопросом о правах человека и правах меньшинств, он активно изучал и анализировал позиции русских и, вероятно, еврейских иммигрантов из России и евреев вообще.

27 января 1945 г. сотрудники ГП допрашивали самого Шихмана по поводу его связей с японским посольством. Адвокат признал, что он начал сотрудничество с японцами в 1938 г. и выполнял разные задания. Одно из них – готовить раз в неделю справку о ситуации в Финляндии. Шихман также сказал, что формально он не получал заданий от имени посольства, но атташе просили его об этом лично для себя. Здесь Шихман, в первую очередь, назвал Сугихару, а также атташе Накашита и военного атташе Оноуци. Тот факт, что Шихман указал фамилию Сугихары первой, может служить доказательством того, что завербовал его именно Сугихара, но Шихман мог и скрывать своего главного «куратора», военного атташе Оноуци. Иногда у Шихмана просили готовить доклады по какому-то особому делу; он также периодически писал материалы по собственной инициативе. Внача-

²² Idem.

²³ Idem.

²⁴ Idem. Ilm. N:o 2630/15.12.1937.

ле Шихман получал от японцев 2 000 финских марок в месяц, но «из-за инфляции» позднее он получал по 3 000. Шихман показал, что японцы особенно интересовались экономикой и деловыми связями Финляндии²⁵. Финский повар японского посольства Лииса Суомела сообщила на допросе 20 апреля 1945 г., что Шихман «постоянно» посещал военного атташе Оноуци²⁶.

ГП была в курсе того, что Сугихара искал в Финляндии помощников для разведывательной работы. В начале 1939 г. он пытался найти журналиста, для того чтобы взять «интервью» у людей, которые недавно побывали в СССР²⁷. Идея состояла в том, что Сугихара нашел подходящего человека, которой мог в качестве журналиста получить ценную информацию от людей, которые посетили СССР. Одним из таких помощников, как упомянуто выше, был журналист Вениамин Титов.

Сотрудники ГП допрашивали 12 февраля 1945 г. Ольгу Черникову, которая, как многие иммигранты из России, приняла финский псевдоним «Ойли Тени». Черникова показала, что Шихман пригласил ее на работу у японского военного атташе Оноуци. Ее задача состояла в переводе с финского на русский язык материалов финского генштаба о военных делах СССР, например, справку с названием «Тактическая информация о врагах». Она также переводила материалы из финской прессы и готовила специальную справку для Оноуци по истории Финляндии²⁸. Черникова также заявила, что она переводила для финнов похожие материалы о военных делах СССР, подготовленных японцами²⁹.

Как известно, историки дискутируют о том, насколько деятельность Сугихары в разных странах была связана с разведкой. В Финляндии его задача состояла в вербовке иммигрантов из России для сбора информации об СССР. Сугихара был особенно заинтересован в еврейских иммигрантах. По архивным данным

²⁵ Valtiollisen poliisin I arkisto. Henkilömapit. No. 10208. Schichman, Robert. Y.D. no 1757/5.5.47. Kansallisarkisto, Helsinki.

²⁶ Valtiollisen poliisin I arkisto. Henkilömapit. No. 10208. Schichman, Robert. Y.D. no 1777/6.5.47. Kansallisarkisto, Helsinki.

²⁷ Valpo II XXII M1. Y.D. 1758/5.5.47. Kansallisarkisto, Helsinki.

²⁸ Valpo II XXII M1. Y.D. 1762/5.5.47. Kansallisarkisto, Helsinki.

²⁹ Valpo II XXII M1. Y.D. 1763/5.5.47. Kansallisarkisto, Helsinki.

ГП Финляндии, у Сугихары были не менее двух важных информаторов: журналист Вениамин Титов и адвокат Роберт Шихман, который анализировал положение русских иммигрантов в Финляндии и участвовал в создании в Хельсинки «Коллегии русских адвокатов». Следовательно, еще до назначения в Каунас у Ч. Сугихары был довольно большой опыт сотрудничества с еврейскими иммигрантами.

Отношение к спасению посредством виз в еврейских религиозных кругах в Литве, 1940–1941¹

Кирилл Феферман

(Москва, Россия и Иерусалим, Израиль)

Данная статья основана на изучении подробного дневника, который вел раввин Хаим Штейн. В описываемую эпоху ему было 28–29 лет и он был наставником в одной из самых знаменитых ешив в литовском городке Тельшяй². Автор получил классическое еврейское религиозное образование и вел религиозный образ жизни. Он женился впервые только в конце войны. После войны раввин Штейн перебирается в США и возглавляет возрожденную ешиву Тельшяй в городе Кливленд (штат Огайо). Он прожил долгую жизнь и скончался в 2011 г. После его смерти наследники изъявили желание издать его дневник и с этой целью предоставили его в Михлелет Йерушалам, ведущий центр по увековечиванию памяти Холокоста в ортодоксальном еврейском мире.

Данный дневник является исключительно редким свидетельством. Среди ультрарелигиозных евреев не было принято отвлекаться на события, не связанные непосредственно с изучением Торы. Именно поэтому автор считает нужным пояснить, что он начал вести дневник (с середины 1939 г.), так как полагал, что является свидетелем необыкновенных событий, которые необходимо запечатлеть в дневнике. Он состоял из шести тетрадей, из которых сохранились все, кроме первой. Таким образом, первая тетрадь, реально имеющаяся в нашем распоряжении, описывает события начиная с начала 1940 г. до начала июля 1941 г. И именно на изучении этой тетради, как описывающей ситуацию с получением виз среди религиозных евреев Литвы, основана данная статья.

Дневник велся на иврите. Следует отметить, что он достаточно сложен для расшифровки для неподготовленного исследова-

¹ Данное исследование является частью совместного проекта с Михлелет Йерушалаим (Иерусалим).

² О ешиве в Тельшяе см.: Gershon Greenberg, “Holocaust and Musar for the Telšiai Yeshivah: Avraham Yitshak and Eliyahu Meir Bloch”, *The vanished world of Lithuanian Jews*, Alvydas Nikzentaitis, Stefan Schreiner & Darius Staliunas (eds.), Amsterdam, New York, 2004, pp. 223–262.

теля, даже если он и владеет ивритом, так как автор часто использует кодовые слова, общепринятые в еврейской традиции. В дневнике имеется относительно мало комментариев, в основном автор фиксирует события, которые казались ему достойными внимания. Получение иностранных виз и бегство из советской Литвы посредством виз было важной темой данной тетради. По моим оценкам, она занимает 10–15% места в соответствующей тетради из числа сообщений, касающихся положения дел в Литве. Наряду с этим значительное место автор придает описанию событий Второй мировой войны, проявлениям антисемитизма со стороны местного населения³, а также советизации жизни в Литве⁴ с упором на постоянное ухудшение положение религиозной части литовского еврейства, притеснения, которым оно подвергалось со стороны советских властей⁵. Все эти темы, однако, в конечном счете взаимосвязаны и позволяют нам понять, почему значительное количество религиозных евреев в Литве было готово уехать из советской Литвы в конце 1940 – первой половине 1941 годов.

Мы не можем с точностью определить, какими языками владел автор, но можно предположить, что это были идиш и иврит, а также литовский и, вероятно, немецкий. Такое предположение позволяет нам понять, каким образом он получал информацию, отразившуюся в его дневнике. Можно разделить эту информацию на три основных источника: первый из них, являвшийся также самым существенным «окном в мир» – это радиопередачи Би-Би-Си, которые, очевидно, покрывали территорию Литвы и, насколько можно судить, автор слушал их либо на идиш, либо, что более вероятно, на литовском языке. Вторым важным источником информации была еврейская пресса в Литве до того момента, пока в результате советизации все еврейские газеты не были объедине-

³ Saulius Suziedelis «Listen, the Jews Are Ruling Us Now»: Antisemitism and National Conflict during the First Soviet Occupation of Lithuania, 1940–1941,” *Polin* 25 (2013), pp. 305–330; Joachim Tauber, “Hitler, Stalin und der Antisemitismus in Litauen 1939–1941,” *Jahrbuch für Antisemitismusforschung* 21 (2012), pp. 166–182.

⁴ Alfred Erich Senn, *Lithuania 1940: Revolution from above*, Amsterdam: Rodopi, 2007.

⁵ С постепенным «доведением» ситуации до положения иудаизма на «исконных» советских территориях. См. Avraham Greenbaum, “The Jewish religion in the Soviet Union in the 1930s”, *Shvut* N.S. 1–2 [17–18] (1995), pp. 146–160.

ны в одну (это произошло, судя по дневнику, в конце 1940 г.). Третий источник был самым неформальным – речь идет о контакте между автором дневника и многочисленными еврейскими беженцами из оккупированной немцами Польши, которые оказались в Литве в 1939–40 гг.

Исторический фон

Судя по имеющимся данным, тема виз в среде религиозного еврейства в Литве в Америку и Палестину зарождается летом-осенью 1940 г., т. е. в период ввода советских войск в Литву, начала советизации республики и постепенного наступления советского государства на еврейскую религию. Именно в этот период первые посланники литовского религиозного еврейства оседают в Америке и начинают заниматься лоббистской деятельностью, направленной на получение американских виз для евреев Литвы. Также на этот период приходится и интенсивная деятельность обосновавшегося в Англии «Комитета по спасению раввинов», который предпринимал энергичные усилия для получения виз в Америку и сертификатов в Палестину для лидеров религиозного еврейства и их сторонников, оказавшихся, прежде всего, в Литве.

Стоит отметить, что в описываемый период каждая еврейская организация действовала автономно от других еврейских религиозных структур, а также не сотрудничала со светскими структурами. Если последнее было достаточно характерно для обособленного мира ортодоксального еврейства, то отсутствие сотрудничества с другими религиозными организациями было новшеством для общества, характеризующимся большой степенью взаимовыручки. Очевидно, что в данный период каждое религиозное еврейство начинает все более воспринимать ситуацию для себя как очень тяжелую, граничащую с критической, в связи с чем каждому приходилось действовать самому за себя или, по крайней мере, в рамках одной структуры.

Дневник

Первая запись в дневнике, которую можно отнести к рассматриваемой нами теме, относится к 3–4 марта 1940 г. и описывает отъезд Любавичского ребе и части его приближенных из Риги в Америку, произошедший за несколько недель до того: «У его ха-

сидов большое влияние в Америке». Попрощаться с ним пришли евреи из различных кругов, и его отъезд произвел сильное впечатление на религиозные круги в Литве и, судя по всему, на автора дневника.

22–23 марта в дневнике появляется новая запись: «Правительство Англии обещает, что несмотря на это [ограничения на еврейскую иммиграцию в Палестину в соответствии с Белой Книгой 1939 г., ограничения, о которых автор упомянул ранее в дневнике], особые сертификаты на въезд в Палестину будут выданы для учащихся ешив. Совсем недавно 150 учащихся ешив уехали в Палестину (Эрец Исраэль) через СССР».

Следующая запись относится уже к периоду после ввода Красной Армии на территорию Литвы и ее де-факто аннексии Советским Союзом (3 июля 1940 г.). Еврейские религиозные организации достаточно быстро столкнулись с жесткой политикой советского государства. 10 июля правительство Литвы, как сообщается в дневнике, объявило о закрытии еврейских религиозных организаций и фондов. Это был первый серьезный удар по экономически автономному еврейскому религиозному миру.

Одновременно в этой же записи дневник фиксирует официальную декларацию о полной отмене разрешений на эмиграцию для тех, у кого было литовское гражданство. Это сообщение разделило, как можно понять из дальнейших событий, евреев, оказавшихся в Литве в 1940–41 гг., на две группы. К первой относились литовские граждане, а также бывшие литовские граждане, которые приняли советское гражданство. С точки зрения советских властей они, так или иначе, попадали в сферу действия советского законодательства и, так же как и для прочих граждан СССР, их эмиграция была делом совершенно невозможным для советского руководства. Ко второй группе относились беженцы из Польши. В случае если они отказывались от принятия советского гражданства (а большинство из них, судя по всему, отказались от него), они, с точки зрения советских властей, имели право покинуть СССР. Понятно, что это различие понятно нам лишь по прошествии многих лет, тогда как человеку, жившему в рассматриваемую нами эпоху, оно могло казаться неразличимым.

Возросшую интенсивность советской антирелигиозной пропаганды перед выборами автор отмечает в записи от 11 июля 1940 г.

Очевидно, что это не могло не начать сказываться на настроениях религиозного еврейства в Литве, часть которого начинает всерьез задумываться о перспективах их жизни в СССР и возможности вести традиционный образ жизни. Эти мысли проходят рефреном в записи дневника от 4 августа, в которой автор, ссылаясь на последние слова Зеева Жаботинского, якобы произнесенные им перед самой смертью несколько дней назад, заявляет: «Еврейство прибалтийских стран потеряно».

Контуры советской политики по отношению к беженцам начали лучше вырисовываться после публикации 8 августа 1940 г. нового закона, нашедшего свое отражение и в дневнике: все, у кого были на руках визы, должны в течение семи дней покинуть Литву. В противном случае их визы отменялись. Это новое постановление было практически невыполнимым, т. к. беженцы были не в состоянии обзавестись в указанный период транзитными документами. Излишне упоминать, что новая директива относилась лишь к беженцам, а не к литовским евреям.

Следующая запись относится к 20 августа 1940 г. Американские связи литовского религиозного еврейства начинают, судя по всему, работать, и автор с удовлетворением отмечает, что получено 150 «разрешений» из Америки. Разрешения были не именные, они приходили на организацию, в данном случае на ешиву. Фактически они были предназначены для руководства ешив и членов их семей со всей Литвы, которые стали, таким образом, кандидатами на отъезд в первую очередь. Такая практика соответствовала нормам, сложившимся в еврейском религиозном мире, согласно которым в случае пленения первыми надлежит выкупить из плена мудрецов. Вместе с тем, автор отмечает в своем дневнике, что получение виз только для руководства ешив вызвало брожение в среде преподавательского состава и семей родителей учеников, правильно ли, чтобы руководство ешив покинуло их в такой момент.

Ситуация с получением виз как для литовских граждан, так и для беженцев усложнилась еще больше после того, как согласно записи дневника от 20 августа 1940 г., американский консул, подчиняясь предписаниям советских властей, покидает Литву. Для получения виз теперь надо было ехать в Москву.

Много записей дневника, начиная с сентября 1940 г., посвящены наступлению советской власти на позиции еврейской религии в Литве: постепенная конфискация религиозной собственности, закрытие еврейских религиозных учреждений. Очевидно, что эти темы и все возрастающее опасение о возможности продолжать религиозный образ жизни в советской Литве занимали автора все больше и больше. Можно без преувеличения сказать, что его настроения разделялись многочисленными религиозными евреями.

1 сентября 1940 г. автор отмечает, что резкое ухудшение с положением религии привело к тому, что многие (больше, чем обычно) евреи постились в дни поста во время осенних праздников. Это традиционный и освященный традицией способ, посредством которого религиозные евреи выражали и выражают свои чувства во время тяжелых кризисов, угрожающих их духовному или физическому существованию.

В записи от 31 октября автор отмечает то, что мы понимаем с высоты нашего сегодняшнего знания: «Очень сложно получить визу для граждан Литвы». Он имеет в виду выездную визу, выдававшуюся советскими властями.

Посредством «еврейской почты» евреям Литвы удастся поддерживать связь с уехавшими. Так 1 ноября 1940 г. поступают известия из Японии. Один из раввинов литовских ешив вынужден был задержаться в Японии, так как их (его и его группы) туристические визы были признаны там недействительными. Остальным участникам группы удастся добраться до Америки. Судя по всему, речь идет о визах, выданных Сугихарой, некоторые из которых, как мы видим, не были признаны японскими властями.

29 ноября 1940 г. Нарком внутренних дел Литовской ССР А.А. Гузавичус послал Спецсообщение «О результатах разработки польских беженцев» заместителю Наркома внутренних дел СССР Меркулову⁶. В документе отмечается, что на территории Литвы скопилось 4270 человек, желающих выехать за пределы СССР, из них 652 имели выездные визы еще до установления советской власти в Литве. Из них имели визы в США 193 и в Пале-

⁶ Александр Дюков. Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии, 1940–1941 гг. М., 2012, с. 63–66. Док. № 10.

стину 164 человека. В графе «социальное происхождение» особо выделены 37 раввинов. Также отмечалось, что подавляющее большинство желающих уехать – евреи. Значительно большая группа беженцев – это те, кто имели визы, но не обладали транзитными документами. В этой группе доля раввинов еще выше: 484 из 1618 человек. НКВД Литвы рекомендовало разрешить выезд представителям обеих групп.

Запись в дневнике от 22 января 1941 г. фиксирует распространение явления, которое мы отмечали раньше: волнения в ешиве среди тех, кто не получил визы. Но страсти частично улеглись после того, как руководство ешивы объявило, что есть надежда получить визы для всех. Многие из евреев, связанных с ешивой, по-видимому, не были уверены, что им удастся получить визы через ешиву. Они пытались использовать и свои собственные связи для ускорения процесса, для этого они посылали телеграммы в Америку своим родным.

В записи от 23–24 января автор отмечает, что в соседней «конкурирующей» ешиве Слободка многие получают визы. Каждая структура заботится, как уже отмечалось, о себе и о своих, но эта информация подстегивает всех и в ешиве «Тельшай».

В записи от 26–27 января 1941 г. отмечается, что получены разрешения на почти 200 человек из ешивы, не включая руководство. Это весьма высокий показатель, так как он охватывал почти каждого пятого из кандидатов ешивы. Вместе с тем естественно, что по-прежнему наблюдается резкое недовольство среди не получивших визы. Стоит отметить, что из числа известных литовских ешив только одной удалось выехать целиком – ешива Мир.

Слухи о том, что через ешиву можно получить визы в Америку, распространяются и среди евреев, не связанных с ней. Очевидно, что это рано или поздно должно было привлечь внимание советских властей, тем более, что сами ешивы уже несколько месяцев были объявлены вне закона.

В записи от 6–7 февраля автор отмечает, что дополнительно получено 40–50 виз для раввинов. Вместе с тем сам факт их получения при всей важности этого момента не являлся гарантией выезда. Кроме советской стороны, чье согласие требовалось для передвижения по территории СССР в сторону Японии, нужно

было получить и японские транзитные визы. Их же стало особенно сложно получить из-за ухудшения международной обстановки в первой половине 1941 г., отмечаемой в дневнике, в особенности из-за ухудшения обстановки между Японией и США⁷.

В записи от 8–9 февраля 1941 г. фиксируются экстраординарные события для еврейского религиозного мира. Для получения визы некоторые ешиботники нарушили (осквернили) субботу, когда в субботу они ехали (видимо, к месту расположения консульств или на встречу с посредниками) и делали записи в документах. Судя по записи, это было распространенное явление. В религиозных кругах сообщение об этом произвело настоящий фурор, и возник вопрос, как относиться к этому явлению. С точки зрения еврейского закона такое поведение было допустимо лишь в случае, если еврею угрожает непосредственная опасность. Вопрос остался нерешенным.

В записи от 1–2 марта упоминается, что в Каунасе и Вильнюсе арестованы производители фальшивых виз. Арестованы многие беженцы по обвинению в причастности к производству японских виз и прочих документов. Автор не указывает подробностей, но по тону дневника чувствуются панические настроения, объявшие многих религиозных евреев Литвы, искавших путей поскорее ее покинуть.

Тематически последняя запись по вопросу виз была сделана 19–20 марта. Автор сообщает: получены 100 разрешений на ешивы на выезд в Палестину. Это был нечастый случай сотрудничества в вопросе отъезда между ешивами. На ешиву в Тельшае приходится 20 разрешений. Счастливчиков определяют путем жребия, и как всегда набралось немало недовольных.

Непрекращающаяся деятельность ешив привлекла к ним, в конце концов, особое внимание советских органов безопасности. 29 марта 1941 г. нарком госбезопасности Литвы П. А. Гладков в спецсообщении «О контрреволюционной деятельности еврейских националистических организаций» сетовал на то, что «пришлым элементом в г. Вильно и на территории Виленского уезда организованы еврейские раввинские школы, которые функционируют и

⁷ Akira Iriye, *Power and culture: The Japanese–American war, 1941–1945*, Cambridge, Mass., 1981, pp. 12–15.

в настоящее время... По агентурным данным, число слушателей насчитывает 350 человек»⁸. Нарком госбезопасности указывает и на активную деятельность «клерикальных кругов» в поощрении выезда евреев из Литвы за границу.

Заключение

Данный дневник позволяет нам взглянуть изнутри на еврейскую общину Литвы накануне Холокоста. Стремительно возрастающее желание религиозных евреев Литвы уехать из СССР было вызвано, прежде всего, резким ухудшением положения еврейской религии в Литве после аннексии Литвы Советским Союзом и ускоренной советизацией всех сторон жизни. До начала немецкого вторжения в СССР религиозные евреи бежали от СССР, а не от нацистской Германии.

Любопытно, что сам автор, так же как и значительное количество религиозных евреев Литвы, были хорошо осведомлены о положении и преследованиях своих соплеменников в Европе. Более того, автор считал столкновение между Германией и СССР вполне реальным, но вплоть до начала немецкого вторжения в СССР не видел в этом опасности для себя и литовских евреев. Видимо, под влиянием передач Би-Би-Си и информации, поступавшей от религиозных кругов США и Англии и Палестины, автор и люди его круга придерживались преувеличенного мнения о советской военной мощи.

⁸ Дюков. Указ. соч., с. 154–155. Док. № 31.

НКВД и изготовление фальшивых японских виз в 1940-1941 гг. в Литве

Татьяна Брускина
(Вильнюс, Литва)

В последние годы имя японского дипломата Чиунэ Сугихара (яп. 杉原千畝), служившего в должности вице-консула Японской империи в Литовской Республике в 1939–1940 гг., часто упоминается в Литве в различных статьях и докладах. Общеизвестный факт, что выдавая транзитные японские визы еврейским беженцам, он спас, по разным оценкам, от 2000 до 6000 человек. Конечно, Сугихара действовал не в одиночку. Ян Цвартендейк, почетный консул Голландии в Литве, открыл 2193 визы для проезда на остров Кюрасао. Активную роль играли организации самих беженцев¹.

Однако в литературе практически не освещена деятельность беженцев и их местных помощников, которые после провозглашения Литовской ССР и отъезда японского дипломата наладили изготовление фальшивых виз. Этот вопрос мы попытаемся осветить на основе документов фонда НКВД Литовской ССР.

Судьба как «заказчиков» данных виз, так и «производителей» в большинстве случаев была трагична. Во-первых, у японских пограничных властей вызвало подозрение, что среди прибывших в Страну восходящего солнца много людей с одинаковыми именами и фамилиями. Дело в том, что в Каунасе и Вильно, где фабриковались фальшивые документы, никто не знал японского языка. Поэтому копировали как образец (с подписью Сугихары и японским текстом) единственную визу, в которую была вписана фамилия некоего Голдберга. Подозревая, что дело нечисто, японские власти в марте 1941 г. отказались принимать этих беженцев и отправили их обратно во Владивосток.

Под нажимом советского правительства и при участии польских дипломатов более 100 беженцев с выданными им новыми ви-

¹ Копии этих списков и полный перечень фамилий хранятся в доме-музее Сугихары, в двухэтажном особняке бывшего японского консульства, в Каунасе http://www.sugiharahouse.lt/index_en.html

зами были допущены в Японию². Во-вторых, после установления советской власти в Литве³, беженцы вновь оказались в ловушке. Возможностей для побега было немного. Для легального проезда через СССР и для пересечения межгосударственных границ необходимы были транзитные и въездные визы. К 25 августа 1940 г. были закрыты все консульства. Без виз беженцы могли «застрять» в коммунистической Литве. Спрос на фальшивые визы вырос.

Сколько же таких виз было изготовлено? Кто и как в этом участвовал? Какое обвинение предъявляли как получателям, так и «производителям» и распространителям фальшивых виз органы НКВД? Для получения ответов на эти вопросы, автор данной статьи изучила материалы нескольких дел НКВД, любезно предоставленных в Особом архиве Литовской Республики.

Факт наличия фальшивых виз упоминается в нескольких делах за 1940–1941 годы. Нами были изучены следственное «дело Раевского» (К-1, оп. 58, Д. Р-10701); агентурное дело «Фабриканты» (К-30, оп. 1, Д. № 775); следственное дело № 37504/3 (К-1, оп. 58) о фальшивых визах, а также специальные сообщения, адресованные НКВД СССР о проделанной работе по регистрации и оформлению беженцев в гражданство СССР от 29 ноября 1940 г.; специальное сообщение НКВД ЛССР о результатах агентурной разработки и оперативных мероприятиях по ликвидации пунктов изготовления фальшивых документов на выезд из ЛССР от 6 февраля 1941 года; специальное сообщение НКВД ЛССР о результатах агентурной разработки и оперативных мероприятиях по ликвидации пунктов изготовления фальшивых документов на выезд за границу март 1941 г. (К-1, оп. 10, Д. № 4).

² Японский МИД вызвал польского посла в Токио Тадеуша Ромера, где ему заявили, что евреи могут высадиться на японский берег только, если польское посольство в течение трех недель сумеет отправить своих граждан в другие страны. В Токио образовался комитет помощи жертвам войны, начался сбор средств для эмигрантов, родственникам и друзьям польских беженцев, жившим в США, были отправлены телеграммы. Польское посольство в Токио выдало почти всем своим гражданам паспорта и хлопотало о выдаче эмиграционных виз в США, в страны Центральной и Южной Америки, в Канаду, Австралию, Новую Зеландию и Палестину. Но из Берлина давили на Японию, и в сентябре 1941 г. деятельность польского посольства в Токио была приостановлена. Почти тысячу остававшихся еще беженцев из Польши японские власти переправили в Шанхай.

³ 15 июня 1940 г. советские войска оккупировали Литву.

1. Следственное «дело Раевского»

5 февраля 1941 г. сотрудник ОБХСС Абрамас Евензонас провел обыск в квартире 30-летнего жителя Вильнюса Раймонда Раевского, в ходе которого были найдены фальшивые сертификаты и японские визы, а также «инструменты для их издания». Практически сразу после ареста начинаются допросы Р. Раевского. 6 февраля 1941 г. он признаётся, что в августе-сентябре познакомился с неким В(Л?)учинским Станиславом, проживающим на Зверинце⁴ по ул. Солтону, 10. Тот сказал, что знает человека, делающего фальшивую японскую визу, и предложил узнать, кому нужна такая виза. Первый раз незнакомый мужчина еврейской национальности, с которым он познакомился через Иосифа Франкеля, передал ему два сертификата для наложения визы. В результате, за несколько месяцев Раевский успел принести 9 сертификатов В(Л?)учинскому, и в тот же день забирал их с наложенными визами, за который платили 350–450 рублей. Фамилий этих людей, как он называет «военных беженцев», кроме Анташевичуса Казиса, прож. по ул. Вивульского в Вильно, он не знал. Также Раевский признаётся, что визы делал какой-то чертежник, проживающий там же на Зверинце, «жена которого недавно родила».

Спустя 3 недели, 14 марта 1941 г., дело о «сбыте сертификатов на выезд за границу беженцам» Р. Раймондом передано из милиции в Вильнюсское городское управление НКВД. 7 мая 1941 г. ему было предъявлено обвинение «в связи с английской разведкой, переправе английских разведчиков за границу и распространении фальшивых японских виз», а также посредничестве «в распространении фальшивых, бывших польских сертификатов и японских виз». В связи с началом войны дело не было окончено, а судьба Раевского и его родственников неизвестна. Это дело было закрыто только в январе 1964 г., когда следственный комитет КГБ ЛССР установил, что связь с английской разведкой Раевский отрицал, и в деле она не была доказана. Тем не менее, в документе говорится: «Из материалов дела видно, что Раевский привлекался обоснованно», но в связи с истекшим сроком давности привлечь к уголовной ответственности за подделку выездных документов его нельзя.

⁴ Один из районов Вильнюса.

2. Агентурное дело «Фабриканты»

Дело «Фабрикантов» дает возможность представить систему работы НКВД по выявлению лиц, производящих, торгующих фальшивыми сертификатами с транзитными японскими визами и покупающих эти документы. Начиная с осени 1940 г., НКВД ведет разработку нескольких агентурных дел: «Фабриканты», «Фальсификаторы», «Виза». Позже их объединят в одно дело. Несколько информаторов НКВД («Источник “Гильца”», «Источник “Алек”», «Источник “Лев”», «Источник “Львовский”») постоянно передают донесения, в которых сообщают, что возросла торговля фальшивыми сертификатами, как с японскими визами, так и без них; говорят об активной скупке сертификатов беженцами, называют фамилии посредников. Агенты указывают на лиц, желающих достать сертификат с японской визой и торговцев такими сертификатами в Каунасе; называют группу людей, у которых есть сертификат с японской визой; объясняют процедуру получения паспорта и визы (в том числе японской); упоминают о наличии фальшивых печатей. Один из агентов указывает на некоего Зальцмана, который имеет *письмо от японского Консула* на право получения японской визы и который предложил источнику поискать покупателя на это письмо. Некий Источник «Львовский» в донесении от 30 ноября 1940 г. указывает, что получил документ, как образец для подделки, и затем предоставил НКВД фото данного документа.

Интерес представляет телеграмма нач. ЭКО УНКВД города Вильно ст. лейтенанта госбезопасности Анохина зам. Наркома внутренних дел ЛССР майору госбезопасности Гладкову от 1 февраля 1941 г. о задержании 138 фальшивых документов. В телеграмме называются следующие цифры: 58 – поддельные сертификаты с поддельной визой; 49 – «правильные» сертификаты с поддельной визой; 31 – поддельные сертификаты с «правильными» визами; в абсолютном большинстве подделываются японские визы; по национальности владельцы фальшивых документов – 18 поляков и 120 евреев. Также в этом документе упоминается, что разработка дел обеспечена не только агентурой, но и «наружной разведкой», и уточняется, что все проходящие по агентурной разработке «Фабриканты» – евреи по национальности. По делу «Фальсификаторы» проходило 4 поляка из Каунаса; кроме этого,

разрабатывается группа лиц и одиночки. Уже 7 февраля 1941 г. Анохин отправил Гладкову донесение с характерным заголовком «По подделке и продаже фальшивых сертификатов быв. польскими беженцами». В нем говорилось о проведенной операции по ликвидации агентурных разработок, аресте 8 человек и найденных приспособлениях, печатах для изготовления фальшивых сертификатов и японских виз. 16 марта 1941 г. составляется обвинительное заключение (подписано оперуполномоченным ЭКО УНКВД г. Вильно лейтенантом госбезопасности Сурмачем), которое гласило, что члены организации по подделке и сбыту фальшивых документов (с фальшивыми японскими визами) реакционно настроенным к Советской власти элементам признали себя виновными, и дело направлено на рассмотрение Особого Совещания при Народном Комиссаре внутренних дел СССР.

Несмотря на многократное упоминание вещественных доказательств (дел «Виза» и «Фальсификаторы»), в материалах данного дела они не были найдены. Однако следы этого расследования обнаружились в других следственных материалах.

3. Дело «37504/3» (1 том, 7 приложений)

Оно было открыто 5 февраля 1941 г. и закрыто 19 марта 1941 г. По делу проходила группа лиц (Каган Якуб, Айзенштат Гирш, Голомб Хаим-Перец, Туров Гирш, Радзько Иван, Можейко Серафим и некоторые другие), которых обвинили в том, что они являются членами «организации по подделке и сбыту фальшивых документов... в целях снабжения последними лиц реакционно настроенных к Советской власти – раввинов, торговцев и прочих подобный им элемент, предоставляя им возможность незаконно выехать за границу по фальшивым документам». На допросах обвиняемые подробно рассказывают, как была организована эта деятельность, где и кому продавали фиктивные документы, какие суммы денег выплачивались; большинство настаивают, что занимались подделкой и продажей фальшивых сертификатов с фальшивыми японскими визами только в коммерческих целях.

Версию НКВД, что сертификаты с фиктивными визами предназначались для «реакционно настроенных к Советской власти элементов» признал только один из обвиняемых. Остальные это отрицали или же заявляли, что не знали, для кого предназначены

фальшивые документы. В то же время обвиняемые подробно объяснили, каким образом изготавливали фиктивные документы, печати и визы. Более того, в деле сохранились вещественные доказательства – не только в виде описи изъятого, но и сами сертификаты с фальшивыми японскими визами, английской и польской печатями, а также куски гектографической ленты и калька с текстом японской визы, которые члены группы использовали для подделки документов.

4. Спецсообщения о результатах агентурной разработки и оперативных мероприятиях по ликвидации пунктов, изготавливающих фальшивые документы на выезд из ЛССР

О результатах агентурной разработки и оперативных мероприятиях по ликвидации пунктов, изготавливающих фальшивые документы на выезд из ЛССР, регулярно составлялись доклады на самом высоком уровне. Выделим несколько. Так в спецсообщении наркома внутренних дел Литовской ССР Гузавичуса заместителю наркома внутренних дел СССР, комиссару госбезопасности 3 ранга Меркулову от 29 ноября 1940 г. сообщалось о количестве беженцев (4270 человек), желающих уехать за границу и уже имеющих визы (в том числе японскую). В документе говорится, что 658 человек получили визы еще до прихода Советской власти; из них 378 выехать не успели. Также указывается их национальный состав, социальное и семейное положение. В спецсообщении о результатах агентурной разработки и оперативных мероприятиях по ликвидации пунктов, изготавливающих фальшивые документы, от 6 февраля 1941 г. говорится о количестве поддельных документов (71 сертификат и 11 сертификатов с фиктивными визами, в т.ч. транзитными японскими). Приводятся сведения о 25 людях, изготавливающих фальшивые документы и визы, а также о ликвидации двух пунктов в Вильнюсе и Каунасе, которые, по мнению литовского НКВД, были связаны. В спецсообщении Гладкова начальнику 2 управления НКГБ СССР, комиссару госбезопасности 2 ранга Федотову «о результатах оперативных мероприятий по ликвидации пунктов, изготавливавших фальшивые документы на выезд за границу», от 10 марта 1941 г. сообщается, что изъято 492 фальшивых сертификата с визами и арестовано 94 человека за изготовление и подделку документов.

Среди них – 81 еврей, 9 поляков, 3 литовца, 1 чех; признали себя виновными 47 человек; как доказательство приводятся отрывки допросов.

* * *

Таким образом, изученные нами документы свидетельствуют, что за несколько месяцев деятельности в Вильно и Ковно были изготовлены десятки фальшивых сертификатов с фиктивными японскими визами. Очевидно, что наличие настоящих японских виз в сертификатах, выдаваемых ранее консулом Чиунэ Сугихарой, дали толчок такой деятельности и позволили спасти жизни еще сотен людей. Нет сомнений, что сотрудники НКВД рассматривали фальшивые сертификаты с фальшивыми японскими визами лишь как проявление антисоветской и даже профашистской деятельности, а не как вынужденный способ покинуть СССР.

Спасение во время Холокоста: возможности спасаемых и спасающих

*Сергей Алексеевич Шпагин
(Ростов-на-Дону, Россия)*

В изучении Холокоста на разных этапах на первый план выступали различные темы, приобретая иногда самостоятельный характер. В этом есть своя логика. Несмотря на формирование понимания специфики трагедии именно еврейского народа среди других жертв нацизма и Второй мировой войны еще на стадии планирования и реализации «окончательного решения еврейского вопроса», именно сейчас эта специфика Холокоста подвергается отрицанию.

Внешне такая тенденция выглядит странно. В отличие от прямого отрицания Холокоста, что признается большинством не совсем приличным, новая тенденция направлена на изменение понимания его сути – расовой ненависти по отношению к евреям как абсолютному злу. Важность этого базисного положения в понимании Холокоста состоит в том, что на роль абсолютного зла в конкретной ситуации сегодняшней глобализации может выступить любая этническая, конфессиональная, политическая или социальная группа. Как показывает опыт, селекция в сегодняшней мировой политике может распространяться не только на отдельные народы, но даже на целые государства и политические режимы. Важно то, что при этом активно используются методы демонизации выбранной жертвы, применявшиеся нацизмом.

Таким образом, отрицание Холокоста при одновременном использовании методики периода нацизма в сегодняшних практиках настоятельно требуют анализа любого аспекта, любой проблемы Холокоста в прямой связи с его сутью.

С этой точки зрения проблема спасения, которая гораздо шире проблемы Праведников, позволяет вернуть как академические исследования, так и публичные дискуссии и акции к пониманию сути Холокоста – обоснованию необходимости и легальной возможности тотального уничтожения евреев.

С академической точки зрения проблема спасения имеет отношение к основным категориям темы Холокоста – хронологии,

наличию реальной угрозы тотального уничтожения именно евреев, категориям жертв нацизма, включаемых часто в «список» других жертв Холокоста. Важно понять, что речь идет не столько о типологии методов спасения и степени эффективности. Разнообразие и серьезность имевших место форм спасения должны либо подтвердить тотальность угрозы в отношении европейского еврейства, либо изменить наше представление о ней.

Принятые хронологические рамки Холокоста: 1933–1945 годы. Для поставленной проблемы важны не сами этапы уничтожения евреев, а этапы осознания евреями и не евреями реальности угрозы уничтожения, что и предполагает формирование самого понятия «спасение» евреев на фоне наличия или отсутствия аналогичной угрозы для других категорий населения.

На этой стадии важно помнить, что подавляющее большинство современников после 1918 г. были уверены в скором начале новой войны, причем не со стороны социалистического СССР, а как реванш проигравшей войну Германии. Соответственно, проводились различные международные акции пацифистов, международные конференции с целью предотвратить новую мировую войну или обезопасить себя с помощью союзов. Угрозу войны понимали все, но Эвианская конференция 1938 года была посвящена в большей степени превентивному спасению евреев после прихода нацистов к власти в Германии. Следовательно, после прихода нацистов к власти, но до начала Второй мировой войны угроза именно для евреев была уже осознана.

Можно выделить следующие моменты, относящиеся как к спасению евреев, так и дистанцированию от такой угрозы для не евреев до начала Второй мировой войны, то есть до появления жертв среди мирного населения других национальностей.

Выбор у самих евреев был небольшим уже на начальной стадии, ибо расизм и антисемитизм нацистов исключал часть традиционных методов самозащиты, если не спасения от потенциальной угрозы.

Антиеврейские законы и акции сделали невозможным коллаборационизм евреев рейха с нацистским государством. Основным средством защиты оставались до определенного момента эмиграция и приспособление в форме сокрытия своего еврейства и кон-

формизм, принятие неожиданной для ассимилированных евреев дискриминации и ожидаемой для ортодоксальных иудеев.

Будущие жертвы нацизма – коммунисты, социал-демократы, либералы, христиане не акцентировали внимания на антиеврейской составляющей нацизма. Возможность союза антифашистских сил, несмотря на внешнюю активность этого направления, была упущена. Важно отметить, что до 1939 г. западный мир знал о концентрационных лагерях нацистов благодаря информации попавших в них одними из первых Свидетелей Иеговы.

В качестве инструмента мировой политики самозащиты можно отметить активизацию сионизма с понятным вектором деятельности, левой интеллигенции, видевшей в роли спасителя сталинский СССР и сатмарских хасидов из Нетурей карта, предлагавших в качестве метода спасения откупиться и самоизолироваться.

Остальной мир переходит к самоустранению от еврейской проблемы Третьего рейха. Ряд стран ограничивает или прямо запрещает прием еврейских беженцев, в том числе в контакте с властями нацистского государства. Мировая общественность, включая Лигу Наций, практически не реагирует на антиеврейские законы и акции. Предпринимаются конкретные шаги по вызволению евреев с мировым именем, как в случае с Зигмундом Фрейдом. Но основная тактика в отношении Третьего рейха – политика умиротворения в разных ее проявлениях.

Руководство СССР и лидеры советского еврейства, скорее всего, осознавали потенциальную угрозу для евреев всей Европы. Но предпринимаемые меры также в первую очередь были ориентированы на коллективные действия по предотвращению конфликта с Германией. Но после неудач с созданием системы коллективной безопасности в Европе, советское руководство переходит к собственным мерам. С одной стороны, были депортированы немецкие коммунисты (в том числе евреи), заменен нарком иностранных дел еврей Литвинов. Но с другой стороны, дается информация в тогдашних средствах массовых коммуникаций о преследовании евреев в Германии. Формируются основы для разветвленной разведывательной сети в Европе и США для борьбы с нацизмом в сотрудничестве с евреями.

Германское руководство также предпринимает меры, внешне ориентированные на заботу о безопасности немецких евреев, в форме предложения ряду стран принять у себя выселяемых евреев.

Иными словами, до начала Второй мировой войны, т. е. до активной фазы Холокоста, наличие разнообразных мер спасения пока еще только немецких евреев свидетельствует о понимании сути грозящей опасности именно европейским евреям. У мира нет сомнений в намерениях нацизма, как нет сомнений в том, кто станет основной жертвой этих намерений и что нужно сделать со «своими» евреями для собственного спасения.

Точкой невозврата можно считать 1938 год. На фоне результатов провала политики умиротворения (Мюнхенский сговор, аншлюс, победа Франко в Испании) Третий рейх – после провала Эвианской конференции – «Хрустальной ночью» безнаказанно начинает убийство евреев.

Начало Второй мировой войны показало малую эффективность спасения евреев друг другом и мировым сообществом и с учетом новых угроз формирует новые формы спасения. Главным здесь является выход на первый план индивидуального и группового спасения в ситуации различных условий. Но главными спасителями евреев на территории оккупированных стран становятся не евреи.

Ситуация с 1 сентября 1939 по 22 июня 1941 г. характеризуется сохранением сократившихся традиционных возможностей спасения. На смену эмиграции приходит бегство. В зависимости от страны (территории) исхода и принимающей страны итоги спасения были разными.

Практически существовал не такой уж большой выбор стран спасения. Территория Палестины по-прежнему закрыта для евреев. Большинство западноевропейских стран оккупировано либо находятся в союзе с Третьим рейхом. В Испанию, Швецию и Швейцарию попасть уже намного сложнее.

Как ни странно, вариантом массового спасения евреев после ликвидации польского государства оказалось перемещение вглубь территории СССР, даже в сталинские лагеря.

Соккрытие еврейства в условиях оккупации и враждебности местного населения имеет место, но принимает более рискованные формы. Пример не самого распространенного метода – хи-

рургическая операция по удалению признаков обрезания в оккупированной Польше. Важность этого не самого распространенного метода в том, что он подчеркивает выбор нацистами евреев в качестве жертвы. Другой аспект сокрытия своего еврейства на оккупированных территориях заключается в появлении большой зависимости спасавшихся евреев от помощи или молчания не евреев. Эта зависимость подтверждает разную степень угрозы для евреев по сравнению с не евреями и служит доказательством специфичности (ранее использовался термин «уникальность») Холокоста. Эта же взаимосвязь спасения тотальной жертвы – евреев с не евреями способствует структуризации категорий участников Холокоста – палачи, евреи как жертвы Холокоста, гражданское население как жертвы нацизма, военнопленные, равнодушные и, наконец, Праведники. Данные категории спасения, не спасения и уничтожения наглядно подчеркивают суть Холокоста.

Сравним жертвы и их шансы на спасение. У евреев не было шансов спастись с помощью коллаборационизма или путем статуса равнодушного. Члены юденратов, еврейской полиции – все равно были обречены. Сотрудничество с нацистами и их союзниками в специфических условиях – служба евреев в армии Финляндии локализована войной с СССР, евреи на службе в Третьем рейхе и другие страны и ситуации могли спасти только часть европейского еврейства.

Спасением для еврея являлся угон на работы в Германию под видом не еврейского гражданского лица, что для остальных категорий таковым не было.

Исключая оккупированную территорию Польши, режимы в странах – союзниках Третьего рейха и оккупированных ими странах давали возможность спасения. Но даже в таких условиях основные формы спасения подчеркивают суть Холокоста – расовую ненависть к евреям.

Нападение Германии на СССР порождает открытые формы уничтожения евреев, не применявшиеся ранее на территориях Западной Европы. Соответственно, спасение евреев в большей степени зависит от действия внешних факторов.

На уровне государственной политики СССР это эвакуация, попытка регулирования потоков беженцев; военный призыв; пресечение антисемитизма; антинацистская пропаганда с прямым

или косвенным упоминанием геноцида евреев; создание Чрезвычайной государственной комиссии, Еврейский Антифашистский комитет, использование разведсети на оккупированных территориях (группа «Дора» и другие).

Соккрытие еврейства сохраняет свою эффективность на индивидуальном уровне, в частности объяснение обрезания принадлежностью к исламу, убеждение в принадлежности к армянам, татарам, крымчакам и другим этносам. На групповом уровне – подделка и получение документов (паспортов) с заведомо ложным гражданством и национальностью.

На международном уровне возобновляется деятельность межправительственного комитета по делам беженцев (решение Бермудской конференции в апреле 1943 г.) и формируется повестка послевоенного мироустройства, включающая вопросы перемещенных лиц, наказания за преступления против человечности, создания еврейского государства в Палестине.

Сионистские организации ведут разнообразную работу по подготовке алии и созданию государства. Формируются военизированные еврейские формирования.

Спасение евреев Праведниками – отдельная тема, но в контексте поставленной проблемы отметим важную особенность – включение в список жертв Холокоста не еврейских жертв нацизма ставит вопрос: а были ли спасавшие именно эти категории? Трудно себе представить, чтобы кто-то, рискуя своей жизнью, спасал гомосексуалистов, Свидетелей Иеговы, цыган, физически и душевно больных людей. Мне известен один случай эвакуации психически больных детей из ростовской больницы вместе с племенным скотом на Северный Кавказ.

Сложная проблема – военный аспект спасения евреев в годы Холокоста. Это доступ евреев в вооруженные силы воюющих стран, чисто еврейские военные регулярные и иррегулярные части, преимущественное освобождение лагерей. Наиболее известный сюжет – неудовлетворенная просьба о бомбардировке железнодорожных путей и ограждений лагерей по причине иных военно-стратегических целей англо-американской авиации. Советская авиация бомбила периметры лагерей для советских военнопленных, а своевременное открытие второго фронта могло бы спасти жизни не только узников концлагерей.

Реальность тотального уничтожения европейского еврейства осознавалась всеми категориями населения и во многом определяла их выбор роли в годы Холокоста. Постоянство и разнообразие спасения евреев не евреями как раз и подтверждает факт Холокоста.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Round table

**The Center for Holocaust Studies
at the Institute of Contemporary History, Munich**

*Andrea Löw
(Munich, Germany)*

This is not going to be a lecture on a specific topic; instead I would like to present a new German institute, which I hope might be interesting for many of the participants of this conference.

The Center for Holocaust Studies is a new branch of the Institute of Contemporary History Munich – Berlin. We started working this July and are funded for two years by the German Ministry of Education and Science (BMBF). In these two years we have to work on getting an extended funding to go on working afterwards – which we are quite optimistic about. The starting point for developing the idea of the Center was the observation that whereas there has always been a strong emphasis on research on National Socialism there is no institution in Germany that is only devoted to Holocaust Research; nor is there a Chair for Holocaust Studies at a German University. Of course there are institutions that work on the topic like the Center for Research on anti-Semitism in Berlin, the Institute for the History of German Jews in Hamburg or the Fritz Bauer Institute in Frankfurt and the Research Unit for Holocaust Literature in Gießen – and we hope to cooperate with these institutions in a very close way. But none of these is only devoted to research on the Holocaust and offers possibilities for researchers from abroad to do research on the topic in Germany. We had even been asked about a Center like the one we are establishing now from the outside, so this was both a scientific and a political desideratum.

We would like to ensure that there will both be research on and teaching about the Holocaust in Germany in the future. For that reason we will very soon start cooperation with Munich University. And the Center wants to offer an international research infrastructure which brings together researchers from all over the world and is a place where discussions can take place. We are especially interested in connecting with researchers from Central and Eastern Europe: Here was the scene of most mass crimes, here are still many documents to be discovered and many questions in the context of German occupation,

the respective occupied societies and the persecution and murder of the Jews still need to be researched and discussed. Very recently we have published a call for papers for our international Conference on “The Holocaust and the European Societies. Social Process and Social Dynamics”, which will be taking place in Munich next September – October.

Let me say some words about this conference – as we consider the topics we will be discussing there to be of great importance for Holocaust research in general and for the work of our Center. The mass murder of the European Jews was a political process which originated in National Socialist Germany. It was most importantly carried along by political-ideological leading decisions of the Nazi state leadership and a cumulatively radicalising murder practice, which was mostly executed regionally and locally by the SS and police.

However, simultaneously the Holocaust can also be described as a social process. Already the preceding process of exclusion, deprivation of rights and expropriation of the Jews would not have been possible either in Germany or throughout occupied Europe without a multitude of social actors – participants, beneficiaries, helpers, profiteers. In Germany, as well as throughout occupied Europe, the Nazis established anti-Semitic norms and a racist hierarchy connected with a traumatic loss of social recognition and property for the Jewish population. At the same time these norms prescribed that the non-Jewish population had to form a society of exclusion. The mass murder of the Jews was preceded by social processes, and simultaneously the dynamic of murder and violence caused social changes – in Germany, occupied Europe and in the countries allied with Nazi Germany. From this perspective, the analytical category of the “bystander” has become questionable, inasmuch as it insinuates that the societies in Germany and Europe were uninvolved and stood by as spectators during the Holocaust. Yet it seems just as problematic to virtually assign all “bystanders” to the side of the perpetrators. The term “collaboration”, afflicted with the stigma of treason, also exhibits many problems and is thus hardly suitable to the description of social behaviour during the Holocaust.

Our conference shall take into view the social processes in everyday life which were connected to the deprivation of rights, expropriation and murder of the European Jews. We wish to look at the behav-

ious of institutions and persons, helpers, co-perpetrators, facilitators and spectators, beneficiaries and profiteers, but also the motives and action situations of those who saved Jews and opposed the dynamic of exclusion, murder and violence. The strategies by which the Jewish victims tried to cope with the radical devaluation of their social status are also to be covered. Detailed studies of everyday life about Central and Eastern Europe are especially welcome.

Whereas the conference will be held in English only, we will have a smaller Workshop about recent trends of Holocaust research next April; here the working languages will be German and English.

Fellowships

To bring researcher to Munich we also established different fellowship-programs. We have a Joint Fellowship together with the United States Holocaust Memorial Museum which every year gives one American scholar the opportunity to come to Munich (or the Berlin branch of the Institute of Contemporary History) for up to four months and one German scholar to do research at the USHMM in Washington. This program is limited to German or American scholars, but for 2014 the Center for Holocaust Studies also announced two fellowships for up to four months without any limitations of that kind. It is still possible for scholars doing research on the Holocaust to apply – if anybody here is interested, I brought the Call for Applicants with me, please do not hesitate to contact me during our conference.

We also will have four fellows staying in Munich four weeks each within the framework of our EHRI-project. EHRI stands for “European Holocaust Research Infrastructure”. It is a four-years-project funded by the European Union. EHRI's main objective is to support the Holocaust research community by opening up a portal that will give online access to dispersed sources relating to the Holocaust, and by encouraging collaborative research through the development of tools. To achieve this by end of 2014/beginning of 2015 twenty organizations – research institutions, libraries, archives, museums and memorial sites from thirteen countries are working together in a consortium.

EHRI not only tries to connect archives and collections, but also people. So we are organizing fellowship-programs within this project as well as Summer Schools. And these are exactly the areas the Center

for Holocaust Studies at the IfZ is responsible for. Young fellows are able to stay in Munich or at the other partners, i.e. the Jewish Museum in Prague, NIOD in Amsterdam, the Memorial de la Shoah in Paris or Yad Vashem in Jerusalem for up to four weeks to do their research, but also for the purpose of networking. We are also organizing four Summer Schools – two already have been taken place this year in Munich and in Paris, the other two Summer Schools will be held in Jerusalem and in Amsterdam next year. The Call for Applicants will be published soon. Here we are inviting twelve young scholars from different European countries for a 3-week program on historiography, methods, and sources of the Holocaust.

Research

Other than these programs that are mainly focused on creating a network and a research infrastructure our Center of course also wants to do research itself. Our first project in this respect is the edition of the political diary of Alfred Rosenberg, the chief ideologist of the Nazi party and also – as you certainly all know – the Reich Minister for the Occupied Eastern Territories (*Reichsminister für die besetzten Ostgebiete*). Some parts of this diary have been known before and have already been published, but this year historians of the USHMM found the missing parts in the papers of Robert W. Kempner in Washington. We are going to edit those diaries as a joint project with the colleagues from the USHMM.

We are also planning an international project on how in diplomatic reports from Middle- and Eastern Europe the situation of the Jews and the Holocaust are reflected and what these reports meant for possible attempts to save the Jews. Another possible future project of our Center would be closely connected to the questions we are going to raise during our international conference next year, namely a project on the question of occupied societies and different forms of cooperation during the Holocaust in Eastern Europe.

We only started working this summer and we are still a relatively small center. But as we are a branch of the Center of Contemporary History we are closely connected to many other researchers within the Institute and we have access to the probably most important German library on the history of the Third Reich and a huge archive (so do our guests, of course).

We are already closely connected to many partners, but we are still trying to find partners for cooperation in different projects. For this purpose the head of the Center, Frank Bajohr, and I will be visiting Yad Vashem and other institutions in Israel next month. We also started talking with several other potential partners in Germany and from abroad, we are working together with our international partners in the EHRI-project and several institutions and universities in the USA and Canada. Talking about Central and Eastern Europe, we are only connected to some partners in Poland so far. We are highly interested in changing this and finding partners in Russia, Ukraine, Belarus and or the Baltic States. So maybe something starts from the contacts with the colleagues attending this conference – and here I want to thank Professor Ilya Altman very much for his initiative for the conference.

Сведения об авторах

Note on contributors

Альтман Илья Александрович – к.и.н., сопредседатель Центра «Холокост», профессор РГГУ, Москва, Россия

Altman Ilya – PhD, Co-Chairman of the Russian Holocaust Center; professor of Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russia

Безбородов Александр Борисович – д.и.н., проректор РГГУ, Директор Историко-архивного института

Bezborodov Alexander – PhD, Vice Rector of the RSUH, Director of historical and archival institute

Беренбаум Майкл – д.и.н., профессор Американского Еврейского Университета, Лос-Анджелес, США

Berenbaum Michael – PhD, Professor, American Jewish University, Los Angeles, USA

Брускина Татьяна – учительница, Вильнюс, Литва

Bruskina Tat'yana – teacher, Vilnius, Lithuania

Бекман Йохан – д.и.н., доцент Университета Хельсинки, Финляндия

Bäckman Johan – PhD, Adjunct Professor, University of Helsinki, Finland

Вольф Дэвид – д.и.н., профессор Университета Хоккайдо, Япония

Wolff David – PhD, Professor, Hokkaido University, Japan

Воробьева Елена Александровна – студентка БФУ им. И. Канта, Калининград, Россия

Vorob'eva Elena – student, IKBFU, Kaliningrad, Russia

Горских Ольга Владимировна – к.и.н., доцент Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, Россия

Gorskikh Ol'ga – PhD, Assistant Professor, Tomsk State University of Management Systems and Radio-Electronics, Russia

Двужилная Инесса Федоровна – к.и.н., доцент Гродненского государственного университета, Гродно, Беларусь

Dvuzhyl'naya Inessa – PhD, Assistant Professor, Grodno State University, Belarus

Дементьев Илья Олегович – к.и.н., доцент Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, Калининград, Россия
Dement'ev Ilya – PhD, Senior lecturer, IKBFU, Kaliningrad, Russia

Журавлев Сергей Владимирович – д.и.н., зам. директора ИРИ РАН, Россия
Zhuravlev Sergei – PhD, Deputy director of the Institute of Russian History, RAS, Russia

Лев Андреа – д.и.н., Центр Холокоста, Институт современной истории, Мюнхен, Германия
Löw Andrea – PhD, Center of Holocaust Research, Institute of Contemporary History, Munich, Germany

Костырченко Геннадий Васильевич – д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва, Россия
Kostyrchenko Gennady – PhD, Senior Fellow at the Institute of Russian History, RAS, Moscow, Russia

Лейзерович Рут – д.и.н., заместитель директора Германского Исторического Института в Варшаве
Leiserowitz Ruth – PhD, Deputy Director at the German Historical Institute in Warsaw

Пасман Татьяна Борисовна – координатор образовательных программ Центра гражданского образования Псковского областного института повышения квалификации работников образования, Россия
Pasman Tat'yana – teacher's trainer, educational programs coordinator, Centre for Civic Education Pskov Regional Teachers-in-Service Institute, PR TISI, Russia

Рот Маркус – д.и.н., профессор, заместитель директора Центра по изучению литературы о Холокосте, Университет им. Юстуса Либига, Гиссен, Германия
Roth Markus – PhD, Professor, Deputy Head of the Research Centre for Holocaust Literature. Justus Liebig University, Giessen, Germany

Стайнвайс Алан Э. – д.и.н., профессор, директор Центра по изучению Холокоста, Вермонтский университет, США
Steinweis Alan E. – PhD, Professor, Director of the Center for the Holocaust research, University of Vermont, USA

Такао Чизуко – д.и.н., профессор колледжа либеральных наук и искусств при Университете медицины и зубной медицины, Токио, Япония

Takao Chizuko – PhD, Professor, College of liberal arts and sciences at Tokyo Medical and Dental University, Japan

Феферман Кирилл – д.и.н., Комиссия по присуждению звания «Праведник народов мира» при институте «Яд Вашем», Иерусалим, Израиль, Российский Центр «Холокост», Москва, Россия

Feferman Kiril – PhD, Yad Vashem Commission to designate Righteous among the Nations, Jerusalem, Israel; Russian Holocaust Center, Moscow, Russia

Хавкин Борис Львович – д.и.н., редактор журнала «Новая и новейшая история», профессор РГГУ, Москва, Россия

Khavkin Boris – PhD, Editor of the journal *Contemporary and Recent History*, professo, RSUH, Moscow, Russia

Царуски Юрген – к.и.н., Институт современной истории, Мюнхен, Германия

Zarusky Jürgen – PhD, Institute of Contemporary History, Munich, Germany

Чубарьян Александр Оганович – д.и.н., академик, директор ИВИ РАН, Россия

Chubar'yan Alexander – PhD, Academic, Director of The Institute of Russian History, RAS, Russia

Шапуто Жоан – д.и.н., профессор, Университет Гренобль, член университетского института, Франция

Chapoutot Johann – PhD, Assistant Professor, University of Grenoble, Member of the Institut Universitaire de France, France

Шпагин Сергей Алексеевич – к.и.н., старший преподаватель Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия

Shpagin Sergei – PhD, Senior Lecturer, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Шюлер-Шпрингоум Стефания – д.и.н., профессор, директор Центра изучения антисемитизма, Технический университет, Берлин, Германия

Schüler-Springorum Stefanie – PhD, Professor, Director of the Center for the Research of Anti-Semitism, Technische Universität, Berlin, Germany